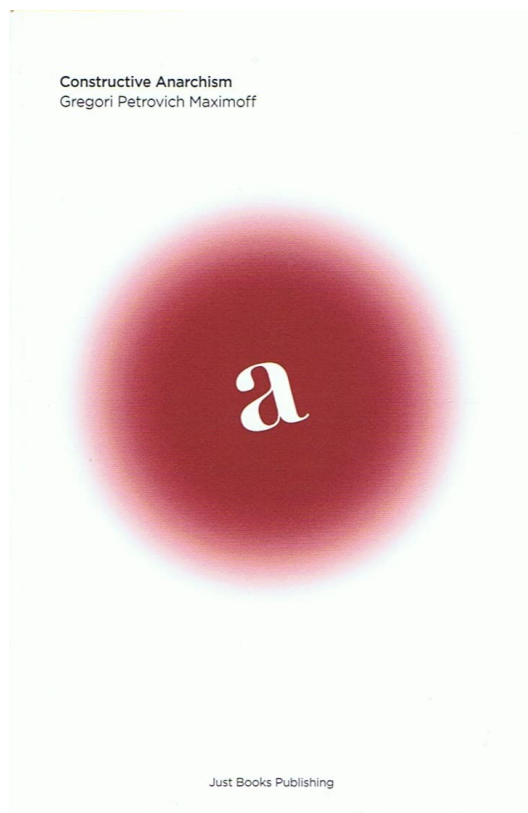

Конструктивный Анархизм

Опыт построения анархо-коммунистической программы. Программа
анархо-синдикализма.

Григорий Петрович Максимов

1929

Оглавление

Предисловие Джорджа Вудкока	5
Григорий Петрович Максимов	9
Предисловие Максимова	10
Часть Первая. Плюсы и минусы анархизма	12
I. Конструктивный период анархизма	30
II. Общие положения	34
III. Диагноз и лечение	36
IV. Слабость движения	39
V. Теория	43
VI. Партия, Личность и Масса	46
VII. Партия и профсоюзы	49
VIII. Переходный период	52
IX. Созидательная программа «Платформы»	54
Часть Вторая. Программа Анархо-синдикализма.	57
Современное общество в свете Анархизма (Вступление)	58
Конструктивная программа	64
Отдел Первый. Экономическая область.	64
Глава I. Обработывающая промышленность.	64
Глава II. Добывающая промышленность	66
Глава III. Обслуживающая промышленность	75
Глава IV. Налоги	82
Глава V. Труд в переходный период	82
Отдел Второй. Политическая область	84
Глава I. Общеполитическая область	84

Глава II. Область национальных и международных отношений. КАК АНАРХИСТЫ ПРЕДЛАГАЮТ РЕШИТЬ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС	86
Глава III. Организация защиты. КАК АНАРХИСТЫ ПРЕДЛАГАЮТ ОРГА- НИЗОВАТЬ ЗАЩИТУ РЕВОЛЮЦИИ	88
Глава IV. В области брака и семейного права	92
Общий взгляд на построение будущего общества.	93
Отдел Третий. Область повседневной борьбы. Организация, тактика и зада- чи повседневности.	93

История вопроса.	98
Как решалась раньше проблема организации производства.	99
Сельское хозяйство и его организация.	101
Работы Г. П. Максимова	103

В сборнике документов (Анархистские движения России и Русского Зарубежья документы и материалы. 1922–1941 гг. 2021.) впервые публикуется первоначальный, русскоязычный вариант книги Г. П. Максимова «Конструктивный анархизм». После смерти Максимова книга была издана в переводе на английский язык «Мемориальным публикаторским комитетом Максимова», образованным его единомышленниками из числа американских и канадских анархистов. Перевод осуществили Х. Франк и А. Сигел. Предисловие к книге написал канадский историк и анархист Дж. Вудкок. См.: Maksimov G.P. Constructive anarchism. [Forew. by G. Woodcock. Transis by H. Frank and A. Siegel], Chicago, Illinois. Maximoff Memorial Publication Committee. 1952. Русский вариант книги, ее подлинник, так и не увидевший свет, хранится в фонде «Документы Г. П. Максимова» в Международном институте социальной истории (Амстердам). Эта рукопись со всеми авторскими правками и пометами, не получившими отражение в ее английском переводе, публикуется нами. – Д. И. Рублев.

Предисловие Джорджа Вудкока

Вопреки тому, что можно было ожидать от ключевой роли русских в ранней истории учения революционного анархизма, русский анархизм исчез со сцены вскоре после смерти Бакунина и не появлялся до революции 1905 года. Таким образом, когда анархизм вновь появился в России, на сцене уже были грозные конкуренты: социал-демократы большевистского, меньшевистского и промежуточного направлений, а также социалисты-революционеры. Обе эти партии объединились несколькими годами ранее из движений и тенденций, которые сами уходили корнями в революционное движение 1870-1880-х годов. У обоих из них был естественный электорат – рабочие в одном случае и крестьяне в другом (хотя они не были полностью отдельными группами), – в которые революционный анархизм должен был бы вторгнуться, чтобы добиться успеха. Таким образом, у анархизма были еще более неблагоприятные перспективы, чем у другого позднего течения политической мысли, русского либерализма, который, по крайней мере, мог рассчитывать на влиятельную, хотя и узкую, естественную базу поддержки среди состоятельной интеллигенции, торгового и промышленного среднего класса и просвещенного дворянства. Поэтому не случайно, что два самых известных анархистских летописца русской революции пришли в анархизм из других движений после революции 1905 года – Аршинов из большевизма – и Волин из социалистов-революционеров – и также не случайно, что оба они рассматривали революцию в самых крайних, экстремистских терминах. С его естественной территорией, уже занятой другими движениями, экстремизм был действительно всем, что мог предложить русский анархизм. Во времена революционного возбуждения это могло привести к быстрому росту движения, но, если бы, как в 1917 году, более крупные и устоявшиеся революционные группы адаптировали свою пропаганду к настроениям масс, их быстрый рост захлестнул бы анархистов.

Сами по себе эти факторы гарантировали бы, что анархистское движение осталось бы небольшим – в 1917-18 году оно насчитывало около 10.000 человек, а делегаты-синдикалисты представляли около 75.000 рабочих на конференциях профсоюзов и фабричных комитетов, – но действовали и другие факторы, которые еще больше ослабляли его. С самого начала в анархизме существовало разделение на индивидуалистов и коммунистов, но в российских условиях это разделение имело несколько иное значение, чем то, которое оно имело бы сегодня или где-либо еще тогда. Индивидуалисты склонялись к «террору без мотива», в то время как левое крыло анархо-коммунистов поддерживало экспроприацию вооруженными отрядами, но разница была невелика, и в антигосударственной повстанческой пропаганде они легко могли работать вместе. Разница между ними заключалась в организации (или ее отсутствии) будущего общества, но не обязательно в понимании революции или, по крайней мере, ее разрушительной фазы. Поскольку российские анархо-коммунисты также оставались на уровне агитации и пропаганды среди масс, а не поднимались

до уровня организации масс (Россия могла приобрести синдикалистское движение только после Февральской революции), организационные формы русского анархизма — небольшие группы и кружки — не делали различий между индивидуализмом и анархо-коммунизмом.

В этой ситуации революция могла привести только к дальнейшему разложению движения, которое никогда не было интегрированным или последовательным. Как только революция начнется, пропаганда строительства должна будет сменить требования разрушения, если анархизм вообще будет иметь какое-либо влияние. Это потребовало четкого разграничения между индивидуализмом и коммунизмом. Однако в то же время возник — для неиндивидуалистов — вопрос о тактике и стратегии в продолжающейся революции. Это привело к четкому разделению между анархо-коммунистами, сосредоточенными на проблеме организации потребления «масс», и синдикалистами, сосредоточенными на проблемах революционной борьбы и послереволюционной производственной организации «рабочих». Анархо-коммунизм, лишенный каких-либо четких тактических или стратегических оснований, затем раскололся между простой вооруженной оппозицией всему «государственному» и сотрудничеством с большевистской партией (и подчинением ей). Анархо-синдикализм, более последовательный в своих организационных, тактических и послереволюционных идеях, чем другие варианты, также столкнулся с проблемами с появлением фабричных комитетов, которым не было места в первоначальной синдикалистской схеме вещей, но эти проблемы, по крайней мере, были преодолимы в рамках его собственной корзины идей. Несмотря на это, синдикализму было суждено родиться и остаться тенденцией меньшинства и в профсоюзном движении, в котором доминировали меньшевики, и в движении фабричных комитетов, тесно связанном с большевиками.

В печальной хронике русского анархизма выделяется только один эпизод: махновское движение на Украине (1918-1921). Возглавляемые анархистами партизаны добились блестящих военных успехов против немцев, украинских националистов и белых армий и в течение длительного периода выдерживали атаки Красной Армии, когда последняя повернулась против них. В тылу партизан, в освобожденных районах анархисты пытались создать независимую общественную и политическую организацию и реорганизовать анархическое движение. (в конечном счете обе эти попытки потерпели неудачу: война, в которой выживало движение, помешала консолидации основных районов, а анархо-синдикалисты остались в стороне от планируемого объединения анархистского движения. Повстанческая армия оставалась доминирующим фактором в сложившейся ситуации).

Неудивительно, что размышления о полном политическом провале российского анархизма в целом и относительном военном успехе его украинского крыла в частности должны были привести некоторых анархистов к требованию более жесткой и дисциплинированной организации. Неудивительно и то, что среди главных действующих лиц такой организации должен быть лидер и летописец украинского движения. К сожалению, столкнувшись с двумя успешными примерами — партией большевиков и анархистской армией, — Аршинов, Махно и их группа разработали Ор-

ганизационную Платформу и политику, включающую в себя основные черты обоих¹. Это оттолкнуло анархо-синдикалистов, которые были организационно серьезными, но с совершенно другими организационными и политическими концепциями, и у которых в любом случае была своя собственная международная организация, I.W.A. (Международная ассоциация трудящихся), и это не смогло привлечь анархо-коммунистов, которые не могли не заметить большевизм, скрытый в организационных и политических предписаниях. Составители платформы впали в ошибку, полагая, что организационные формы были просто техническим вопросом и что политика организации определялась ее четкими целями, часто их оппоненты впадали в обратную ошибку, полагая, что все организационные формы (то есть все формальные организации) были политически государственноческими.

Основное внимание критики «Платформы» было направлено против того, что было названо «синтезом». «Синтез» или «Синтетическая декларация принципов» была написана Волиным от анархистской конфедерацией Украины «Набат» (1918-1920). Это была попытка создать рамки, в которых различные типы анархистов (синдикалисты, коммунисты, индивидуалисты) могли бы сотрудничать.

В ответ на публикацию «Платформы» Волин вместе с другими бойцами «Набата», пережившими большевистский террор, отправившись в изгнание, опубликовал в 1927 году то, что стало известно как «Ответ». Этот документ остается главной атакой на «платформизм» со стороны анархистов «Синтеза».

Между тем, анархо-синдикалисты, отправившиеся в изгнание, не остались в стороне от этой «дискуссии». Наиболее подробная критика «Платформы», а также недостатки в «Ответе» были сделаны Григорием Петровичем Максимовым на страницах «Голоса труженика». Позже она была коллективно опубликована под названием «Конструктивный анархизм». Этот тщательный анализ Максимова (помимо точного указания четких различий между анархо-синдикализмом и платформизмом) ценен также для его разработки конструктивной программы анархо-синдикализма внутри 1-го Интернационала вплоть до преобразования в I.W.A. в 1922 году.

Основная цель этой брошюры – переиздать идеи, высказанные в длинной статье Максимова. Однако, чтобы новое поколение могло изучить все стороны этой важнейшей дискуссии в истории революционного анархизма, мы решили включить другие первичные документы: саму «Платформу» и «Ответ». Чтобы показать, как дискуссия вышла за рамки русских эмигрантов, также включен важный анализ Малатесты анархистской организации и его последующий обмен мнениями с Махно².

Дебаты о Платформе не ограничивались этими первичными документами, впервые опубликованными здесь вместе на английском языке. Другими важными работами были:

1. Последующие теоретические труды Аршинова «Реакция путаников в анархизме» (Париж, 1927), «Анархизм и диктатура пролетариата» (Париж, 1931)

¹ Мнение о большевистскости платформизма весьма спорна. (прим. публикатора)

² В этом документе они отсутствуют, так как в оригинальной книге Максимова они также не были приведены.

2. В серии статей, опубликованных в органе испанской CNT «Solidaridad Obrera» в 1932 году Александром Шапиро, тогдашним генеральным секретарем IWA, его позиция против Платформы была очень похожа на позицию Максимова.

3. Другие произведения Волина: «Смысл разрушения», «Синтез» и «Социальная революция».

4. Помимо Малатесты, другие люди, не принадлежащие к кругам изгнанных русских анархистов, писали важные и влиятельные статьи. Особенно достойными переиздания были бы работы Луиджи Фаббри, Камилло Бернери, Макса Неттлау и Себастьяна Фора. Во Франции Фор стал после Волина самым важным теоретиком «синтетического» анархизма.

Полезный дополнительный том к опубликованным здесь документам будет содержать лучшее из вышеперечисленного. К сожалению, ни один из них до сих пор не переведен на английский язык. Также полезной была бы история организаций, основанных на «платформистских» принципах.

(Так как данный текст взят из русской рукописи Максимова, в сносках будут указаны моменты, где имеется вычеркнутые фрагменты)

Григорий Петрович Максимов

Григорий Петрович Максимов родился 10 ноября 1893 года в русской деревне Митушино Смоленской губернии. Выучившись на священника, он понял, что это не его призвание, и отправился в Санкт-Петербург, где в 1915 году окончил Сельскохозяйственную академию по специальности агроном. Он присоединился к революционному движению еще студентом, был активным пропагандистом, а после революции 1917 года вступил в Красную Армию. Когда большевики использовали армию для полицейской работы и для разоружения рабочих, он отказался подчиняться приказам и был приговорен к смертной казни. Солидарность профсоюза сталелитейщиков спасла ему жизнь.

Он редактировал синдикалистские газеты «Голос труда» и «Новый голос труда». Арестованный 8 марта 1921 года во время Кронштадтского восстания, он содержался вместе с другими товарищами в Московской тюрьме на Таганке. Четыре месяца спустя он объявил голодовку на десять с половиной дней и прекратил ее только тогда, когда вмешательство европейских синдикалистов, присутствовавших на конгрессе Красного профсоюзного интернационала, обеспечило ему и его товарищам возможность жить в изгнании за границей.

Он отправился в Берлин, где редактировал «Рабочий путь», газету русских синдикалистов в изгнании. Три года спустя он уехал в Париж, затем в США, где поселился в Чикаго. Там он редактировал «Голос труженика», а затем «Дело труда-пробуждение» до своей смерти 16 марта 1950 года.

Максимов умер, будучи еще в расцвете сил, в результате болезни сердца, и его оплакивали все, кому посчастливилось его знать. Он был не только ясным мыслителем, но и человеком с безупречным характером и широким человеческим умом. И он был цельным человеком, в котором самым счастливым образом сочетались ясность мысли и теплота чувств. Он жил как анархист не потому, что чувствовал какой-то навязанный извне долг поступать так, а потому, что не мог поступить иначе, ибо его внутреннее существо всегда заставляло его поступать так, как он чувствовал и думал.

Рудольф Рокер

Предисловие Максимова

1929 год, Чикаго.

Приступая к изложению программных положений анархо-синдикализма, мы считаем необходимым бросить беглый взгляд на послевоенный¹ период развития международного анархизма и на его современное состояние.

Империалистическая война, взлет и падение Великой Русской Революции, революции в странах Центральной Европы, обострение классовой борьбы в остальных странах заставили анархистов глубже задуматься о действительном лике социальной революции и конкретных мерах ее проведения. На страницах анархической и революционно-синдикалистской печати всех стран все чаще и чаще выдвигались конструктивные, тактические и организационные вопросы. К сожалению, эти вопросы только СТАВИЛИСЬ, но не решались. Из множества существенно важных вопросов разрешена лишь незначительная часть.

Первой действительно практической попыткой подхода к решению вопроса об организационных формах социальной революции можно и должно считать создание Международного Товарищества Рабочих – Интернационала революционно-синдикалистских профсоюзов. С этого момента анархо-синдикализм становится международной организованной силой. Международное Товарищество Рабочих, кладя в основу принципы анархического коммунизма, с первого же дня своего существования, помимо задач повседневной борьбы в интересах международного пролетариата, поставил себе и задачу решения всех тех вопросов, которые неизбежно становятся и будут становиться перед эксплуатируемыми на протяжении всего их пути борьбы за полное освобождение. Однако, несмотря на все это и невзирая на то, что МТР является прямым наследником Первого Интернационала, продолжателем дела юрцев² и Бакунина, его возникновение было встречено в анархических кругах далеко не с одинаковым интересом. Так, например, в рядах русской анархической эмиграции возникла мысль создать, по примеру МТР, Всеобщий Союз Анархистов и три года тому назад Группа Русских Анархистов Заграницей выступила перед международным анархическим движением с «Проектом организационной платформы всеобщего союза анархистов», в котором она пытается решать вопросы в иной плоскости, чем МТР. Попытка эта вызвала интерес, подогреваемый и доныне печатным органом группы.

Прежде чем приступить к изложению наших основных программных положений, мы считаем полезным остановиться на разборе «Платформы» и «Ответа» на нее «нескольких русских анархистов». Мы останавливаемся на этих двух произведениях анархической мысли не из-за любви к полемике, а исключительно ради того,

¹ После Первой Мировой войны.

² Членов Юрской федерации – анархистской федерации, члена Первого Интернационала и главным центром антиавторитарного Интернационала, появившегося после раскола последнего.

чтобы яснее и отчетливее выявить наше отношение к тем принципиальным, конструктивным, организационным и тактическим вопросам, которые, быть может, не сегодня-завтра, могут стать во всем объеме как в самой России, так и в других странах. Кроме всего этого «Платформа» и «Ответ» на нее полны всякого рода извращений анархических основ, обойти эти извращения молчанием было бы моральным преступлением перед анархическим движением.

Таким образом, то обстоятельство, что мы в настоящей работе уделяем много места критике точек зрения русских анархистов, выявленных ими в «Платформе» и «Ответе», надеемся, вполне оправдывается указанными выше соображениями.

Часть Первая. Плюсы и минусы анархизма

(Судя по всему, именно ко всей этой части относится название "Опыт построения анархо-коммунистической программы", хотя для первой части Максимов избрал иное название - прим. публикатора)

В мою задачу не входит рассмотрение истории развития анархической мысли. Моя задача практическая. Она сводится к тому, чтобы, анализируя живое, действенное, практическое анархическое движение с момента его возникновения и до наших дней, установить недочеты, ошибки и неясности в теории и тактике. А затем, исходя из исторического опыта, предложить на ваше рассмотрение меры, которые, по моему мнению, могут помочь нашему движению в его борьбе за осуществление своей программы.

В часовой лекции, вполне понятно, нет возможности охватить данную тему во всех ее подробностях, поэтому мое изложение по необходимости будет кратко и сжато, я буду останавливаться только на важнейших моментах истории анархистского движения.

Мысль предшествует движению. Всякий акт, всякое движение, осмысленное, конечно, а не механическое, не инстинктивное, которые совершаются отдельным человеком, есть результат обдумывания, осмысливания, результат работы мысли. Прежде чем сделать что-либо, человек предварительно думает об этом, долго или нет, это не имеет значения, и только после этой мозговой работы приступает к претворению мысли в действие. Точно такой же процесс наблюдается и в сложном организме, каковым является человеческое сообщество. В обществе, в этом чрезвычайно сложном социальном организме, идеи предшествуют движению. Вот почему история идей не совпадает во времени с историей движения под знаменем этих идей. Так, например, историю анархических и социалистических идей мы можем проследить вплоть до глубокой древности, тогда как мы не можем этого сделать по отношению анархического и социалистического движения, история которых начинается только с конца первой половины прошлого столетия, с момента организации Международного Товарищества Рабочих, или, как принято теперь называть, первого Интернационала. К этому моменту я отношу начало массового рабочего анархического движения и с него начну обзор и анализ движения, которому служим и мы, каждый по своему разумению и по своим способностям. Изучение ошибок прошлого поможет избежать их в настоящем и будущем. Мужество сознаваться в своих ошибках и умение находить их настоящую причину есть признак живого духа и широкого ясного ума. И если в движении эти ценные качества проявляются, то это верный признак, что движение здорово, полно сил, и что будущее за ним. Постараемся и мы, в меру наших сил, послужить движению в этом направлении. Одушевленные этой целью, мы приступим к обзору и анализу нашего движения, которое, как я уже сказал, берет начало в недрах Международного Товарищества Рабочих.

Что же это за товарищество? Когда, как и во имя чего оно возникло?

Так как история первого Интернационала не является темой моей лекции, но ввиду того, что начальный период анархического движения неразрывно связан с судьбой Интернационала, то я освещу его историю в той мере, каковая необходима для обзора и анализа анархического движения, то есть в поле моего зрения попадает

только одна фракция Интернационала, известная под именем «федералистов» и «бакунистов».

Первые основы Интернационала были заложены на всемирной выставке в Лондоне в 1862 году, фактически же Интернационал был основан на знаменитом митинге в Сент-Мартинс Холле в Лондоне 28-го сентября 1864-го года. На этом митинге был избран временный комитет организации, который со временем превратился в Главный Совет Международного Товарищества Рабочих. Временный комитет выработал Декларацию Интернационала и временный устав, которые были отредактированы Карлом Марксом, входившим в состав временного комитета и игравшим весьма пассивную роль в основании Интернационала.

Под влиянием пропаганды во многих западноевропейских странах стали возникать секции Интернационала. Многие члены этих секций имели весьма смутное и путаное представление о целях и задачах Интернационала. Во многих секциях было много радикальной интеллигенции и секции Интернационала очень часто действовали совместно с радикальной политической партией. Так, например, первый пропагандист Интернационала в Швейцарии, доктор Куллери, проводил программу неохристианства и его газета имела довольно обширный круг читателей, не только в Швейцарии, но и во Франции. Одним словом, в идейном отношении секции Интернационала представляли собой довольно пеструю и противоречивую массу, которая лишь со временем переработалась в социалистически-сознательную и активную силу.

Первый конгресс Интернационала должен был состояться в 1865 году в городе Брюсселе, но ввиду издания Бельгией закона против иностранцев, конгресс там состояться не мог и вместо конгресса была созвана конференция, состоявшаяся в Лондоне 25-29 сентября этого же года. На конференции присутствовали делегаты от Франции, все рабочие-прудонисты – Толен, Фрибур, Лимузен и Варлен, впоследствии член Парижской коммуны. От Бельгии – Сезар де Пап, от Швейцарии – Дуплекс, от немецких секций Швейцарии – Беккер, бывший участник Дрезденского восстания³. Из эмигрантов, не представлявших никаких секций, присутствовали, между прочим, Дюпон, Лелюбез, Герман Юнг и Карл Маркс. На этой конференции обсуждались, главным образом, вопросы профессиональные, но были и вопросы политические, касавшиеся международной политики. Эта конференция постановила созвать первый конгресс Интернационала осенью 1866 года в Женеве, Швейцария.

Конгресс состоялся 3-8 сентября. На конгрессе присутствовало 65 делегатов – 60 от секций и 5 от Главного Совета. Большинство делегатов состояло из швейцарцев и французов. Так как этот конгресс чрезвычайно важен для истории анархического и социалистического движения, то я остановлюсь на его порядке дня и резолюциях, принятых конгрессом. Порядок дня очень интересен, и вопросы, поставленные на

³ Дрезденское восстание 3-9 мая 1849 года вспыхнуло после отказа короля Саксонии признать общегерманскую конституцию, принятую в марте 1849 года Франкфуртским национальным собранием. Восставшие пытались свергнуть монархию и установить республику. Во главе движения стоял Комитет общественной безопасности. Среди военных и политических лидеров восставших на одно из первых мест выдвинулся Михаил Бакунин. Основной силой восстания стали рабочие и представители мелкой буржуазии Дрездена и других городов Саксонии. Восстание было подавлено саксонскими и прусскими войсками.

обсуждение конгресса, до сих пор не потеряли своего актуального значения не только для рабочего движения наших дней, но и для движения чисто анархического, в недрах которого ответы на поставленные вопросы являются фактором разделения на фракции.

Порядок дня конгресса состоял из следующих вопросов:

1. Объединение усилий рабочих в их борьбе с капиталом путем 2. организации союзов.
3. Уменьшение длины рабочего дня.
4. Труд женщин и детей в промышленности.
5. Рабочие союзы, их прошлое, настоящее и будущее.
6. Кооперация.
7. Прямые и косвенные налоги.
8. Организация международного кредита.
9. Необходимость уничтожения реакционного влияния России на Европу путем создания на началах самоопределения целого ряда отдельных государств. (Воссоздание Польши на демократических началах).
10. Существование постоянных армий.
11. Религия и ее влияние на социальное, политическое и умственное движение народов.
12. Общества взаимопомощи.

Наиболее важным актом конгресса было, конечно, окончательное утверждение устава Интернационала, к рассмотрению которого мы приступим несколько позже, сейчас же рассмотрим резолюции по некоторым вопросам, которые, с моей точки зрения, являются и ныне важными вопросами анархического движения в его целом.

В вопросе борьбы труда с капиталом в анархическом лагере нет единомыслия. Анархисты различно относятся к объединению рабочих усилий в их борьбе с капиталом. И это различное отношение к рабочим производственным союзам является основным моментом разделения анархо-коммунистического лагеря на две основные фракции: анархо-коммунистическую и анархо-синдикалистскую. Современные анархисты-анти-синдикалисты не верят, что союзы рабочих могут явиться ячейками будущего общества, из которых сложится федерация производственных безвластных коммун, анархо-синдикалисты, наоборот, считают, что именно только низовые рабочие организации и могут быть первоначальными элементами строительства нового общества, в котором на место государства становится федеративный Интернационал производственных союзов. Затем многие считают борьбу производственных союзов за повседневные интересы бесполезной, ничтожной, ничего не стоящей и даже вредной, они пренебрежительно называют ее пятачковой, копеечной борьбой, которая отвлекает рабочих от их истинной задачи уничтожения капитала и государства. Анархо-синдикалисты же придают повседневной борьбе рабочего класса огромное значение. Они считают, что сокращение часов работы есть огромное благо, ибо при длинном рабочем дне рабочий не может уделять даже малейшего внимания общественным вопросам. Он настолько изнуряется работой, что ему не до общественных вопросов – у него одна потребность: в физическом отдыхе. При длинном рабочем дне работник превращается в рабочее животное. То же самое значение имеет повышение заработной платы. Там, где заработная плата находится

на низком уровне, там нищета, а где нищета – там и невежество, а невежественный, забитый нуждой рабочий не может быть революционером, не может потому, что не сознал и не имеет возможности сознать свое человеческое достоинство, не может понять окружающего строя эксплуатации.

Как же отвечали на эти вопросы анархисты Первого Интернационала?

Первый конгресс Интернационала принял по этому вопросу резолюцию, в которой говорилось, «что при современном состоянии промышленности необходима взаимная поддержка рабочих в их борьбе за повышение заработной платы». Далее конгресс указывал, что конечной целью рабочего движения является «уничтожение системы наемного труда» и поэтому рекомендовал серьезное «изучение экономических путей и способов достижения этой цели, основанных на справедливости и взаимности».

Второй конгресс Интернационала, состоявшийся в Лозанне, Швейцария, в 1867 году, принял эту же самую резолюцию. Третий конгресс Интернационала, состоявшийся в Брюсселе, Бельгия, 6-13 сентября 1868 года, по вопросу о стачках, о федерации между рабочими союзами и о создании особых примирительных советов для обсуждения вопросов о том, законна ли и возможна ли в данный момент стачка, принял резолюцию, которая гласила: «Конгресс заявляет, что стачка не является орудием полного освобождения рабочего, но она представляет часто необходимое средство борьбы между трудом и капиталом в современном обществе;

Что необходимо подчинить стачки известным правилам с тем, чтобы стачки могли быть объявляемы лишь в благоприятных случаях и при наличии известной организации;

С точки зрения организованности стачек необходимо, чтобы во всех профессиях существовали рабочие союзы сопротивления; и что эти профессиональные союзы должны федерироваться со всеми профессиональными союзами всех стран... Для определения своевременности и законности стачки необходимо создать в каждой местности особую комиссию из делегатов от профессиональных союзов, которая представляла бы из себя своего рода Совет, чтобы решить благовременна ли и законна ли предпринимаемая стачка».

По вопросу же уменьшения длины рабочего дня конгресс постановил: «Что сокращение длины рабочего дня представляет необходимое условие для всякого улучшения в положении рабочих и поэтому конгресс постановил начать во всех странах агитацию в пользу осуществления этой меры законодательным путем».

На четвертом, предпоследнем, всеобщем конгрессе Интернационала, состоявшемся в Базеле в сентябре 1869 года, французский делегат, столяр Пенди выступил с докладом по вопросу о рабочих союзах сопротивления, как тогда назывались профессиональные союзы, в котором он между прочим высказал мысли, легшие позднее в основу французского революционного синдикализма и постоянно исповедуемые анархистами, которые ныне называются анархо-синдикалистами. Пенди сказал, что, по его мнению, рабочие союзы должны объединяться между собой в федерации местные, национальные и в конечном счете международные. Профессиональные союзы в будущем обществе должны будут образовать свободные коммуны, во главе которых будут стоять советы депутатов от профессиональных рабочих союзов, которые, регулируя отношения разных профессий между собой, заменят собой современные

политические учреждения. Конгресс принял предложенную Пенди резолюцию, в которой говорилось, что союзы должны «в интересах своей отрасли промышленности собирать все необходимые сведения, обсуждать общие вопросы, руководить стачками, заботясь об их успешном окончании до тех пор, пока система наемного труда не будет заменена союзом свободных производителей».

Такова была принципиальная позиция анархистов в рабочем вопросе в недрах Первого Интернационала, согласно общим конгрессам. Но ведь Интернационал не представлял собой организацию, в которой преобладали анархисты, там были и марксисты, и бланкисты, и прудоновские мютюэлисты, просто социалисты и даже радикальные демократы. Как же я могу при таком положении вещей приписывать программу Интернационала анархистам того времени? Одного факта их участия в Интернационале недостаточно для этого, ведь они могли быть в меньшинстве и расходиться с положениями принятых резолюций. Отчасти такой вопрос вполне законен. Однако не совсем и не в полной мере. Не совсем потому, что если бы они не были согласны с резолюциями, то они могли опротестовать их на самом конгрессе, а затем и в своей прессе, что они и делали в случаях расхождения с Главным Советом. А помимо этого, мы имеем обильный материал, который показывает, что до Гаагского конгресса программа Интернационала принималась анархистами целиком. Достаточно сослаться на произведения и письма Бакунина. Его брошюры «Политика Интернационала», «Организация Интернационала», «Всесветный революционный союз» и целый ряд других с достаточной ясностью и убедительностью доказывают наше утверждение. Но для большей убедительности я не ограничусь голой ссылкой на Бакунина, а приведу ряд выдержек из документов Юрской федерации, стоявшей во главе теоретического и практического анархистского движения, а также некоторые выдержки из Бакунинской программы Альянса социалистической демократии.

Как относится программа Альянса к рассматриваемому нами вопросу рабочего движения?

Параграф 2-й программы гласит, что «земля, орудия труда, как и всякий другой капитал, став коллективной собственностью всего общества, должны использоваться только рабочими, то есть промышленными и земледельческими ассоциациями трудящихся». В параграфе 5-м читаем положение, лежащее ныне в основе современного анархо-синдикализма, и отрицаемое многими анархо-коммунистами, положение, которое отвечает на вопрос – что заменит существующее государство. Этот пункт гласит буквально следующее: «Альянс признает, что все существующие в настоящее время политические и авторитарные государства, ограничиваясь все более и более простыми административными функциями, необходимыми обществу, должны будут раствориться во всемирном союзе свободных земледельческих и промышленных ассоциаций».

Конгресс Романской федерации в Шо-де-Фоне 1870 года принял резолюцию, сила которой осталась действенной и поныне, по крайней мере, для синдикалистской фракции анархического коммунизма. Эта резолюция заслуживает быть приведенной целиком:

«Принимая во внимание, говорится в резолюции, что полное освобождение труда возможно лишь только при условии преобразования современного политического

общества, основанного на привилегии и власти, в общество экономическое, основанное на равенстве и свободе.

Что всякое правительство или политическое государство представляет собой не что иное, как организацию буржуазной эксплуатации, выражением которой является юридическое право.

Что всякое участие рабочего класса в буржуазной правительственной политике не может иметь иных результатов, как только укрепление существующего строя, что парализовало бы революционно-социалистическое действие пролетариата.

Конгресс Романской Федерации рекомендует всем секциям Интернационала отказаться от всякой деятельности, имеющей своей целью социальное преобразование при помощи политических реформ и вместо этого перенести всю свою деятельность на создание федеративных профессиональных союзов – единственного орудия, могущего обеспечить успех социальной революции. Такая федерация явится истинной представительницей труда, Палатой труда, которая должна быть совершенно независима и вне всякого влияния политического правительства».

Что касается вопроса формы будущего общества, то юрские секции Интернационала представляли его себе так же, как Бакунин и как представляют его себе современные анархо-синдикалисты. В газете «Солидарность»⁴ от 20-го августа 1870-го года, в статье «Географическое объединение» мы читаем: «В будущем Европа будет состоять не из федерации различных наций, политически организованных в республики, но как простая федерация рабочих союзов без всякого различия по национальности».

Такова-то вот была программа анархического движения по рабочему вопросу от основания Интернационала до распада Юрской федерации, приблизительно до 1880-го года, когда на конгрессе Юрской федерации было принято название анархистов-коммунистов.

Анализируя программу Интернационала в рабочем вопросе и его практику, мы неизбежно приходим к одной основной ошибке, которая роковым образом сказалась на развитии рабочего движения. Эта ошибка заключается в несоответствии теории с практикой. Мы видели, что Интернационал провозгласил экономическое освобождение трудящихся целью рабочего движения, а профессиональные союзы остоном этого движения. Отсюда естественно и логически вытекало, что Интернационал должен был быть построен на принципе объединения рабочих союзов по ремеслам. На самом деле Интернационал был построен на союзе секций, куда входили самые разнородные элементы. Конечно, мы не можем всю вину в этом отношении сваливать на Интернационал. Ясно отсутствие исторического опыта и особые условия, в которых Интернационалу приходилось жить и развиваться – достаточно извинительные причины, но тем не менее факт остается фактом – секционная конструкция Интернационала – несомненно одна из главнейших причин упадка и распада этой замечательной организации. Современное анархическое движение ушло этот истори-

⁴ «La Solidarité» – газета, орган секций Романской федерации МТР, объединявших сторонников Бакунина. Издавалась в 1870-1871 года в Женеве и Невшателе. Редактор – Джеймс Гильом. Фактически выполняла роль печатного органа бакунистского крыла МТР. В газете сотрудничали Михаил Бакунин, Ж. Блан, В. Барбе, А. Бастелика, Ш. Моннье, Ш. Перрон, А. Ришар, Ф. Робер, Э. Руйе, А. Швицгебель.

ческий опыт и второе Международное Товарищество Рабочих, основанное в Берлине в 1922 году, уже построено на принципе объединения не секций, а производственных союзов различных стран.

Секционная структура Интернационала и его федераций имела роковое значение и для анархического движения в его чистом виде. Эти роковые последствия сводятся к тому, что анархисты, объединенные после раскола в Интернационале в федералистский Интернационал, незаметно для самих себя, в силу упадка движения, от секций перешли к группам и из массового рабочего движения, проникнутого духом анархизма, оно обратилось в чисто групповое движение. С течением времени это отчуждение становилось все более и более разительным, анархизм терял практическую почву и все более и более становился теоретическим. Такая линия развития привела к тому, что в движение входили люди мало и совсем не связанные с рабочим классом, идеалисты, которые искренне хотели освобождения пролетариата, но не имевшие выдержки в революционной борьбе, и когда желанное освобождение не приходило в желаемый срок, то разочаровывались в массовом рабочем движении и приходили к мысли, что индивидуальные и групповые усилия с применением сильнодействующих средств борьбы принесут скорее полезные результаты. Именно в этой психологии и надо искать корни антисиндикалистских настроений, которые, по моему глубокому убеждению, принесли много вреда анархизму и задержали его прогрессивный рост, как массового рабочего движения.

Теперь перейдем к изложению других программных вопросов, которые волновали Интернационал в целом и его федералистские секции в частности.

Я не имею в своем распоряжении резолюций первого конгресса Интернационала по всем вопросам порядка дня, но так как большинство этих вопросов обсуждалось на последующих конгрессах, то я в состоянии обрисовать программу Интернационала и по другим вопросам.

Прежде чем приступить к изложению программы по дальнейшим вопросам, я остановлюсь на одном очень важном вопросе, который стоял в порядке дня второго конгресса, тем более что этот вопрос дополняет и уточняет изложенную нами программу по рабочему вопросу. Помимо всего, этот вопрос не только не потерял своей актуальности в наши дни, но наоборот, является основным препятствием единства анархо-коммунистического движения и мишенью социалистических нападок в споре о диктатуре пролетариата.

Этот вопрос был сформулирован так: «Не приведут ли усилия рабочих ассоциаций для освобождения четвертого сословия (пролетариата) к созданию нового пятого сословия, положение которого при социализме будет еще более ужасным, чем положение пролетариата при капитализме?».

Факт постановки такого вопроса весьма примечателен. Это показывает, во-первых, большую социалистическую зрелость членов Интернационала, а во-вторых, указывает на их вдумчивость и осторожность в решении сложных социальных вопросов. Этот вопрос, мне кажется, вызван отчасти тем обстоятельством, что в недрах Интернационала велась пропаганда идеи диктатуры пролетариата, в которую большинство членского состава Интернационала не верило. Именно проповедь диктатуры и толкнула на мысль, что, мол, может случиться, что новое общество, организованное на принципе замены государства рабочими союзами,

может создать такие условия, при которых пролетариат может стать господствующим классом, подавляющим другие классы, например, крестьян. Конгресс не отрицал такой возможности, он даже как будто допускал ее, но не имея другого выхода, он рекомендовал лишь средства, которые бы в большей или меньшей степени могли бы противодействовать такому нежелательному с точки зрения подлинного социализма результату. Конгресс вынес резолюцию, в которой он указывал, что для того, чтобы избежать образования нового эксплуататорского сословия, необходимо, чтобы рабочие союзы прониклись идеями взаимопомощи и солидарности, чтобы пролетариат проникся убеждением, что социальный переворот должен ввести справедливость, а не создание новых классовых привилегий, хотя бы и для пролетариата.

Для того времени, когда анархическая мысль только разрабатывалась на живом опыте движения трудовых масс, такое сомнение вполне законно и нормально. И решение конгресса тоже вполне естественно. В то время, когда капитализм еще не созрел вполне и когда рабочие организации только начали создаваться на революционной основе, члены конгресса не могли найти иного решения, как только повышение степени сознательности трудящихся масс. Это условие и сейчас остается в полной силе, но оно уже не единственное. Сейчас анархическая мысль достигла зрелости и оперировать ей приходится в условиях, весьма отличных от экономических условий того времени. Сейчас этот вопрос может быть поставлен только по отношению государственного социализма, стремящегося к установлению классовой диктатуры в форме классового государства. По отношению же анархизма, разрушающего государство и ставящего на его место федерацию производственных союзов, этот вопрос смешон. Смешон, потому что анархизм, организуя таким образом общество, вовлекает в союзы все взрослое работоспособное население независимо от его прошлого социального положения, то есть в данном случае классы уничтожаются сразу, и потому не может быть речи о классовом господстве (но остаётся классовая психология). Здесь может быть поставлен иной вопрос – не повлечет ли за собой коммунистическая организация общества подавление личности в более сугубой форме, чем при капиталистическом индивидуализме? Этот вопрос закончен. И мы не можем полностью отрицать такой возможности. Но общество найдет, я думаю, достаточно действительных мер, чтобы не допустить такой возможности. В вопросе о классовом господстве в настоящее время враждуют анархо-синдикалисты с анархо-коммунистами. Последние утверждают, конечно, глубоко заблуждаясь, что синдикализация приведет к господству класса, то есть к диктатуре, но сами, однако, не могут ничего предложить, чтобы устранить видимую ими опасность.

Переходим к следующим вопросам.

Помимо профессиональных союзов во времена Первого Интернационала кооперация во всех ее видах была злободневным вопросом. И Интернационал отдал дань этому движению на своих конгрессах. В порядке дня всех конгрессов ставились вопросы или о кооперации в целом, или об отдельных видах ее. Так, на первом конгрессе должны были обсуждаться такие вопросы: кооперация, организация международного кредита, общества взаимопомощи; на втором – каким образом рабочий класс может использовать в целях своего освобождения те сбережения, которые он вносит в буржуазные и правительственные финансовые учреждения; на третьем

конгрессе – об организации взаимного кредита и снова о кооперации; на четвертом – о кредите. Эта настойчивость показывает, в какой степени тогдашний международный пролетариат был заинтересован вопросом о кооперации. В настоящее время, в связи с выработкой положительных, практических программ анархическими течениями, этот вопрос снова становится весьма актуальным, поэтому интересно будет заслушать, как этот вопрос решался нашими славными предшественниками.

Решений первого конгресса по этим вопросам я не имею под рукой. Что касается решений второго, то по вопросу о рабочих сбережениях, конгресс, в лице Шарля Лонге, высказался за организацию прудоновской мютюэлистской системы кредита и учреждения национальных рабочих банков, которые оказывали бы рабочим бесплатный кредит. Эккариус предлагал, чтобы ремесленные рабочие артели и союзы употребляли свои капиталы на организацию производственных товариществ. Третий конгресс эти предложения принял в резолюции, в которой говорилось, что конгресс рекомендует устройство народных банков, которые снабжали бы рабочие организации капиталами. О кооперации сделала доклад английская секция. Не отрицая пользы кооперативных организаций, английская секция указывала на тот опасный уклон, который стал замечаться у большинства кооперативных организаций Англии, где кооперативы начинают вырождаться в чисто коммерческие и капиталистические организации, вследствие чего вполне возможно зарождение нового класса – рабочей буржуазии. Выслушав доклад, конгресс принял резолюцию, в которой он рекомендовал помнить, что главная цель кооперации – «вырвать из рук частных капиталистов орудия производства и возвратить их законным собственникам – рабочим производителям». Четвертый конгресс за недостатком времени вопрос о кредите не обсуждал. Такова была позиция Интернационала. Мы видим, что он в этом вопросе отдал дань прудоновским и оуэнистским утопиям, которые и доныне разделяются социал-кооператорами и некоторыми анархистами. Нет никакого сомнения, что кооперация весьма полезна. Работать анархистам в массовых кооперативах также необходимо и полезно, как и в профессиональных союзах, но это не значит, что кооперация есть та волшебная палочка, при помощи которой капиталистический строй может быть превращен в строй анархического коммунизма. Многие интернационалисты это понимали и так к кооперативизму относились. Другие же, более дальновидные, как Бакунин, предвидели огромную положительную роль кооперативов в будущем, при строительстве нового общества. В настоящем же относились к ним довольно равнодушно. «Двадцатилетний опыт, пишет Бакунин, опыт единственный в самых широких размерах, в Англии, в Германии, во Франции доказал окончательно, что кооперативная система, заключающая в себе несомненно зародыш будущего экономического устройства, в настоящее время и при настоящих условиях, не может освободить, ни даже улучшить существенным образом положение рабочего люда». Последнее положение Бакунина опытом опровергнуто, а первое начинает подтверждаться. Многие анархисты, если не большинство, в Испании и поныне занимают враждебную позицию к кооперации, совершая тем самым такую же непростительную ошибку, как и русские анархисты периода 1905-1906 годов. Нельзя выдвигать какой-то анархо-кооперативизм, но и нельзя и отрицать полезности кооперативов для трудового населения, но помимо всего прочего нельзя забывать, что кооператив, например, крестьянский или рабочий, есть массовая организация,

то есть огромное поле для анархической пропаганды и культурной деятельности, а кроме того, надо помнить только что приведенное мнение Бакунина, что кооператив – зародыш будущего экономического устройства и это, несомненно, так, и уже ввиду этого в настоящее время не следует повторять ошибок в этом вопросе.

Вопрос о воспитании также не раз ставился в порядок дня конгрессов. На третьем конгрессе по этому вопросу была принята резолюция, а четвертый конгресс оставил обсуждение этого вопроса до следующего конгресса.

«Признавая, что в данный момент невозможна организация рационального воспитания, Конгресс, говорится в резолюции, приглашает секции устраивать публичные курсы, руководствуясь программой научного, профессионального и интегрального воспитания⁵, чтобы хоть отчасти восполнить пробелы того образования, какое получают теперь рабочие. Само собой разумеется, что сокращение длины рабочего дня конгресс рассматривает как предварительное и необходимое условие». Бакунин впоследствии в одной из своих статей вполне и целиком присоединился к этой резолюции. Доклады по этому вопросу, статья Бакунина «Всестороннее образование» и труды Робена положили начало теории свободного трудового воспитания, принимаемого ныне всеми культурными людьми – это заслуга Интернационала.

Резолюция второго конгресса устраняла государство из области руководства воспитанием и допускала полную свободу в области преподавания и воспитания. Вмешательство государства допускалось только в том случае, когда отец ребенка не имел средств для его воспитания.

Что касается Государства, то Интернационал окончательно стал его отвергать только после организации отколовшейся части в федеративный Интернационал, а так до раскола он не решался окончательно расстаться с этой пагубной идеей. Конечно, это было не без влияния Маркса, хотя и сами анархисты еще путались в этом вопросе, если не по существу, то по форме.

Что касается политической борьбы, то Интернационал все время, вплоть до раскола, до Гаагского конгресса 1872 года, стоял против партийно-политической парламентской деятельности, принимая на Лозаннском конгрессе резолюцию, которая гласила: «...отсутствие политической свободы в стране является препятствием для социального воспитания народа и освобождения пролетариата, конгресс заявляет. 1) что социальное освобождение трудящихся неотделимо от их политического освобождения, 2) и что установление политической свободы является первой и безусловной необходимостью для каждой нации». Вынеся такое решение, конгресс, однако, отрицательно отнесся к участию в политической борьбе, продолжая оставаться на экономической базе. Когда же Маркс и его сторонники решили на Гаагском конгрессе провести в устав резолюцию о политической деятельности рабочего клас-

⁵ Под термином «интегральное воспитание» теоретики анархизма понимали модель организации образовательного процесса, сформулированную в трудах П.-Ж. Прудона, М. А. Бакунина, П. А. Кропоткина, П. Робена, С. Фора и Ф. Феррера. Предполагалось, что целью образования является подготовка разносторонне (физически, интеллектуально, эстетически) развитого человека, критически мыслящего, способного к свободному сотрудничеству и объединению с другими людьми на началах взаимопомощи и самоуправления, подготовленного к освоению различных профессий (начиная от ориентированных преимущественно на физический труд и заканчивая высокоинтеллектуальным трудом). Предполагалось, что интегральная школа будет ориентирована на сочетание ремесленного и сельскохозяйственного труда с усвоением основ научной картины мира.

са, произошел раскол. Анархисты и их сторонники пожелали остаться на старых позициях – добывать и политические свободы путем экономической борьбы.

Нам остается рассмотреть еще один вопрос, вопрос о земельной собственности, а потом мы сможем перейти к рассмотрению основных положений Интернационала, принципиальных положений, выраженных во введении к уставу, и рассмотрению его организационных принципов.

Вопрос о земельной собственности рассматривался на Базельском конгрессе в 1869 году, четвертом по счету. Единственный конгресс, на котором присутствовал Бакунин, проводший, вопреки усилиям марксистов, резолюцию об обобществлении земли и об отмене права наследования. По первому вопросу конгресс высказался за отмену частной собственности и установление коллективной собственности на землю. По вопросу же о способах организации сельского хозяйства конгресс не имел единогласия. По второму вопросу большинство 32 против 23 марксистов высказалось за резолюцию Бакунина, заключительная часть которой гласит: «Конгресс высказывается за полную и радикальную отмену права наследования, так как это является одним из необходимых условий освобождения труда».

Это было первое столкновение двух течений Интернационала, олицетворявшихся в личностях Бакунина и Маркса.

Переходим к рассмотрению статуты Интернационала.

Во введении к уставу изложена вся философия и все основные принципы Интернационала, которые принимаются как символ веры всеми подлинными социалистами всего мира и доныне. Положения эти бесспорны и выражены они в очень удачной краткой и выразительной форме.

Эти принципы следующие:

- 1) Освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса,
- 2) Борьба за освобождение рабочих ни в коем случае не должна быть борьбой за классовые привилегии и монополии, но за установление равных для всех прав и обязанностей и за уничтожение всякого классового господства,
- 3) Экономическое подчинение трудящихся обладателям орудий труда, то есть всех источников жизни, является причиной рабства во всех его видах, социальной нищеты, умственного вырождения и политической зависимости,
- 4) Экономическое освобождение трудящихся есть та великая цель, которой должно быть подчинено всякое движение политическое,
- 5) Все усилия к достижению этой великой цели до сего времени оставались безуспешными за недостатком солидарности между рабочими различных профессий в каждой стране и вследствие отсутствия братского единения и союза между трудящимися классами различных стран,
- 6) Освобождение труда не является местной или национальной задачей, но социальной проблемой, охватывающей все страны, в которых существует современный строй, и разрешение этого вопроса зависит от практического и теоретического содействия наиболее передовых стран. Настоящее возрождение рабочего класса в наиболее промышленных странах Европы, вызывая новые надежды, торжественно предостерегает от впадения в старые ошибки и призывает к немедленному объединению всех пока разрозненных движений,

8) Все общества и лица, входящие в состав Интернационала, признают истину, справедливость и нравственность как основу своего поведения по отношению друг к другу и ко всем людям без различия расы, верования или национальности.

9) Они считают своим долгом требовать прав человека и гражданина не только для себя, но для всех лиц, выполняющих свой долг. Нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав.

Такова программа и философия Интернационала, философия массового рабочего движения, которая не отвергается ни одним анархистом до сего дня и которая лежит в основе учения Бакунина, Юрской федерации и Кропоткина. Не то с марксистами, последние скоро отступили от некоторых положений Интернационала, и первым был сам Маркс, вызвавший этим раскол в Интернационале.

Каковы же были организационные принципы Интернационала? Рассмотрим их, и тем закончу обрисовку его программы и программы анархистов-коллективистов, то есть бакунистов.

Устав Интернационала, принятый на Первом конгрессе, не предоставлял Главному совету никаких административных прав. Единственное право, которым Совет располагал – это право изменить место конгресса, но не его время. Совет, таким образом, не был центральным административным органом, а только посредническим и корреспонденческим бюро. Члены совета избирались конгрессами. Секции были независимы от Совета, имели право иметь свои программы и уставы, если они не противоречили общим положениям принятых статуты. Каждая секция имела право избирать своих членов-корреспондентов в Главный Совет Товарищества. Секции должны были вносить в Совет на его нужды членский взнос с каждого члена. Каждая Секция, независимо от числа членов, имеет право посылать делегата на конгресс. Каждый член конгресса, сколько бы секций он ни представлял, имел только один голос. Секции, насчитывающие свыше 500 членов, имели право посылать на конгресс еще по одному делегату от каждых 500.

Любопытно отметить, что на четвертом конгрессе мы замечаем, с одной стороны, стремление еще больше приблизить структуру Интернационала к структуре будущего общества, а с другой, конгресс, во главе с Бакуниным, наделяет совет административной властью, пользуясь которой, Маркс на следующем конгрессе расправился с тем же самым Бакуниным и его друзьями. По вопросу о допустимости существования в рабочих союзах и организациях председателей, конгресс вынес резолюцию следующего характера: «Принимая во внимание, что недостойно рабочей организации сохранять в своей среде монархический и авторитарный принцип, допуская существования председателей (даже когда эти последние и не облечены никакой властью), конгресс приглашает все секции и рабочие союзы, входящие в Интернационал, уничтожить председательство в их среде».

Другая резолюция, за которую голосовал Бакунин и его друзья, наделяла совет большими административными правами. Нелогичность анархистов в этом вопросе объясняется тем, что Бакунин считал Совет более революционным, чем многие секции. Какие же права получил Совет на Базельском конгрессе?

«Главный Совет имеет право принять секцию в среду Интернационала или отказать в приеме впредь до ближайшего общего конгресса. Главный Совет имеет также право закрыть или распустить старые секции.

В случае конфликтов между отдельными секциями какой-либо страны Главный совет назначается третейским судьей, впредь до ближайшего конгресса, который один только и может вынести окончательное решение».

В течение трех лет Главный совет злоупотреблял этим правом настолько, что вызвал большой протест многих секций, которые готовы были вообще уничтожить Главный совет. А некоторые пошли дальше – стали отрицать даже необходимость уставов в организации. Интересно отметить, как на это реагировал Бакунин.

В письме к Альберу Ришару Бакунин писал: «Вы пишете мне, дорогой друг, что вы враг всяких уставов, и утверждаете, что они годятся только для забавы детей. Я не вполне разделяю вашего мнения по этому пункту. Излишняя регламентация отвратительна, и я думаю, как и вы, что «серьезные люди должны иметь заранее намеченный путь своего поведения и не должны от него отклоняться». Однако, условимся. Чтобы установить известную согласованность в действиях, необходимую, по-моему, между самыми серьезными людьми, стремящимися к одной и той же цели, требуются известные условия, известные установленные правила, одинаково обязательные для всех, требуется соглашение, уговор, часто возобновляемый, иначе, если каждый будет действовать по своему усмотрению, самые серьезные люди, в конце концов, могут, должны будут прийти к тому, что, при всей доброй воле, станут мешать друг другу, парализовать друг друга. Наступит дисгармония, а не гармония и спокойствие, к которым мы все стремимся. Надо знать, как, когда, где найти друг друга, к кому обратиться, чтобы иметь возможность воспользоваться содействием всех. Небольшое объединение, хорошо организованное, имеет большую ценность, чем большое дезорганизованное и плохо примененное».

Таким образом, в организационном вопросе анархисты во главе с Бакуниным совершили, допустили непростительную ошибку – отступление от основных федералистских принципов, и печальные результаты не замедлили сказаться в самое ближайшее время. Этот опыт показывает и убеждает нас, что нельзя поступаться принципами даже в интересах достижения лучших намерений.

Если мы ко всему сказанному добавим декларацию, принятую федералистами при организации федералистского Интернационала, то анархическое движение времен Первого Интернационала до и после раскола будет нами обрисовано вполне.

Какова же эта декларация, принятая на конгрессе в Сент-Имье? Мы с ней ознакомимся немного позже, а сейчас следует ознакомиться с резолюциями конгресса, это необходимо, ибо резолюции и декларация и составляют ту программу, на почве которой анархисты вели работу после раскола в Интернационале вплоть до падения Интернационала в его федералистской акции, то есть до 1879 года и немного позже.

Первая революция касается организационного вопроса. В ней говорилось, что автономия и независимость рабочих федераций и секций составляет основное условие освобождения рабочих. Далее революция не признает за конгрессами никакой законодательной и распорядительной власти, отводя им совещательную роль. Навязывание большинством конгресса своего мнения меньшинству резолюция считает недопустимым.

Вторая резолюция говорит о том, что в случае покушения большинства на свободу одной из федераций или секций со стороны какого-нибудь конгресса или созданного

этим большинством Генерального Совета все другие федерации и секции объявят себя солидарными с атакованной организацией.

Четвертая резолюция трактует об организации «сопротивления труда», то есть об экономической борьбе пролетариата. Эта резолюция признает невозможность существенного улучшения положения трудящихся при капитализме, признает стачки важным орудием борьбы, но не питает никаких иллюзий насчет их экономических результатов. Стачки – средство, углубляющее раскол между буржуазией и пролетариатом. Третью резолюцию, которую я принимаю за декларацию, необходимо привести полностью, так как она играет роль программы.

«Принимая во внимание, говорится в этой резолюции, что попытка навязать пролетариату единообразную политическую программу или тактику, равно как единый путь, способный привести его к полному социальному освобождению, представляет столь же абсурдное, как и реакционное притязание;

Что никто не в праве лишать автономные федерации и секции бесспорного права самостоятельно устанавливать и применять политическую тактику, которую они признают наилучшей и что всякая подобная попытка фатально приведет нас к самому возмутительному догматизму;

Что стремления пролетариата не могут иметь другой цели, кроме установления совершенно свободных экономических организаций и федераций, основанных на всеобщем труде и равенстве абсолютно независимых от всякого политического правительства, и что эта организация и эта федерация могут быть лишь результатом самочинного действия самого пролетариата, ремесленных союзов и автономных коммун.

Принимая во внимание, что всякая политическая организация может быть только организацией господства в пользу одного класса и к невыгоде масс и что пролетариат, если бы он вздумал захватить власть, сам сделался бы господствующим и эксплуатирующим классом, – Конгресс, собравшийся в Сент-Имье, – заявляет:

1) Что разрушение всякой политической власти составляет первую обязанность пролетариата,

2) Что всякое образование якобы временной революционной политической власти для осуществления этого разрушения не может быть ничем иным, как лишним обманом, и окажется столь же опасным для пролетариата, как и все иные существующие правительства,

3) Что отвергая все компромиссы для достижения социальной революции, пролетариат всех стран должен установить солидарность революционного действия в стороне от всякой буржуазной политики».

Этой резолюцией я заканчиваю и анализ анархического движения первого периода. Надеюсь, я достаточно ясно подчеркнул, не все, конечно, но основные плюсы и минусы, достоинства и недостатки движения времен Первого Интернационала. Общий характер движения, как вы заметили, очень близок к тому течению современного анархизма, которое живет и развивается под именем анархо-синдикализма.

Во всяком случае, многие основные положения этого движения легли в основу так называемого романского синдикализма, который является несомненно непо-

средственным продолжателем этого движения, развивавшегося, конечно, в иных исторических и экономических условиях, которые и обусловили те некоторые различия между этими двумя течениями в рабочем движении.

Почти одновременно с развитием на западе Интернационала, на противоположной стороне Европы, в России, возникло и развивалось аналогичное движение, отличное от Интернационала постольку и в такой мере, поскольку и в какой были отличны условия исторические и экономические. В Европе, благодаря развитию капитализма, пролетариат уже был совершившимся фактом, а в России он только зарождался, и многие очень сомневались, что пролетарский класс разовьется в России, так как считали, что пути экономического развития России совершенно иные, чем пути Западной Европы. Россия была тогда огромным крестьянским морем, и поэтому революционные элементы всю свою работу строили в расчете главным образом на крестьянство, пролетариат же мало принимался в расчет. Политические условия точно так же резко отличались от западноевропейских – там уже были политические свободы, а в России после недолгих лет либеральничания Александра II наступила тяжелая мрачная эпоха азиатского деспотизма, кроме того, сами крестьяне всего лишь несколько лет как перестали быть фактическими рабами. И вот в таких условиях из кружков молодежи, в большинстве случаев культурного характера, выросло революционное движение, составляющее самую славную героическую эпоху революционного движения в России. Это движение известно под именем народничества, движения в народ или землевольческого по имени организации и газеты, а в последний период под именем народовольчества.

История этого движения сложна и красочна, но мы, к сожалению, не можем на ней останавливаться, так как это нас заведет далеко в сторону от нашей основной темы. Поэтому мы ограничимся только обзором и анализом программных тактических положений этого движения.

Вначале в движении боролись два течения – лавристское и бакунистское, но это продолжалось недолго, бакунисты скоро стали господствующими элементами движения, а анархизм программой его. Вот этот анархизм мы и хотим рассмотреть. Сделать это чрезвычайно трудно, так как до сих пор еще нет общей сводки, исторической сводки, исторического исследования по этому вопросу. Приходится пользоваться разрозненными и разбросанными материалами, воспоминаниями и газетами того времени.

Первый анархический орган на русском языке появился не в России, а за границей, в 1868 году под названием «Народное Дело»⁶, и его редактором был Бакунин. Со второго номера газета попала в руки Утина и перестала быть анархической. Так как этот орган не имел особенно важного значения для русского движения, которое развилось лишь несколькими годами позже, то мы не будем на нем останавливаться. Первым же русским анархическим органом на русской почве был журнал «Начало»⁷, приостановленный на 4-м номере. Продолжением «Начала» был журнал «Земля и

⁶ Выходил в апреле-августе 1870 года в Женеве. Всего вышло 7 номеров. Первый номер был подготовлен под редакцией Бакунина и Жуковского. Со второго номера редакция перешла в руки В. И. Бартенева, А. Д. Трусова и Н. И. Утина. Журнал утратил анархистское направление.

⁷ «Начало» – теоретический журнал, орган социалистической, революционной народнической организации «Земля и воля». Выходил в марте-мае 1878 года. Было издано 4 номера.

Воля»⁸, сыгравший особо значительную роль в русском революционном движении. На них мы и остановимся.

Вся революционная деятельность 1870-х годов строилась на одном основном и, по-моему, ошибочном взгляде на русский народ, который, кстати, и до сих пор разделяется очень многими анархистами – это анархичность русского народа. В первом номере «Начала» мы читаем: «Русский народ, благодаря особым историческим условиям, анархичен: он еще не усвоил себе, подобно другим народам, государственных идей и буржуазных инстинктов, вопреки освященному законом принципу частной собственности, – требует общего раздела земли и, несмотря на вековое татарское, крепостное и государственное иго, мечтает о широкой вольной жизни. Мировоззрение его выражено в понятной для него формуле «Земля и Воля», – в корне социалистично».

Исходя из этой предпосылки и строилась вся программа и тактика.

Так как на правительство народу надеяться нечего, то «народу остается единственный выход из его рабски-бедственного положения – насильственный переворот в смысле социальной революции». Борьба русского народа выльется в форму целого ряда бунтов в настоящем и в будущем, и революционеры должны выявить свое отношение к ним. Иного отношения к этому не может быть, кроме положительного. Отсюда вывод – надо идти в народ и поднимать его на бунт или подготавливать к бунту. Местные бунты, учащаясь, сольются в один огромный бунт – социальную революцию, которая даст возможность провести в жизнь следующую программу:

«1) Взамен сословного государства установит федерацию, образованную путем свободного союза свободных общин без всякой принудительной центральной власти,

2) Земля и орудия производства составляют достояние всего народа,

3) Работник есть единственный собственник своего труда,

4) Обмен последних в смысле равномерного распределения их между собой лежит на обязанности федеративных общин и союзов,

5) Полное социальное и политическое равенство, безусловная свобода совести, слова, научных исследований, свобода сходов и собраний.

Осуществление этой программы не за горами, события нарастают, и социалисты должны быть готовы к грядущим событиям».

Подобно Интернационалу в Европе, который считал профсоюзы теми экономическими организациями, которые должны заменить государство, русские народники выдвигали общину. Они говорили: «Община, как исторически выработанная форма экономических союзов, включает в себе выработанные задатки разрушения государства и буржуазного мира». Отсюда вытекает и требование федерации общин.

Революционная практика вскоре привела к необходимости вооруженной защиты от правительства – к террору, а хождение в народ к разочарованию в экономической борьбе и в крестьянстве. Некоторые революционеры стали отодвигать социальную революцию на задний план и на передний выдвигать конституционные требования.

⁸ «Земля и воля» – общественно-политический журнал, орган одноименно революционно-народнической организации. Издавался в Санкт-Петербурге в октябре 1878 – апреле 1879 года. Всего вышло 5 номеров.

В русском движении произошло то, что произошло и в Интернационале, то есть выдвижение политической программы и программы политической борьбы привело к расколу, который убил всё движение, несмотря на блестящий увлекательный политический фейерверк политической партии «Народная Воля», выразившийся в ее титанической террористической борьбе. Раскол произошел в середине 1879 года, а в 1882 году движение уже было раздавлено, задушено.

Какие ошибки содействовали упадку движения?

I. Конструктивный период анархизма

После первых двух периодов развития социализма и анархизма – периодов утопизма и «научного» социализма, наступил, в конце XIX столетия, период конструктивного социализма. До этого всякие разговоры о формах будущего общества и всяческие вопросы, связанные со строительством этого общества, клеймились утопией и иронизировались.

Необходимо, однако, отметить, что Бакунин немало интересовался вопросами строительства будущего общества, справедливо полагал, что нельзя разрушать старое, не имея плана строительства нового. Основной формой будущего общества Бакунин считал производственный Интернационал, дополненный земледельческими ассоциациями. Парижская Коммуна значительно усилила интерес к конструктивной стороне социализма. Первый Интернационал во все время своего существования проявлял особенный интерес к конструктивным вопросам социализма. На Брюссельском конгрессе 1874 года Интернационал обсуждал докладную записку Юрской федерации и доклад Сезара де Папа об «Общественных службах в будущем обществе». В докладе Сезара де Папа разрешались не только вопросы, предлагаемые ныне (50 лет спустя) «Платформой», но и целый ряд таких, которые в «Платформе» отсутствуют и которые никак нельзя обойти молчанием и в наше время.

На рубеже XX столетия зародился революционный синдикализм. Его появление на исторической арене – огромное завоевание конструктивных тенденций анархизма. Ряд анархистов, работавших в синдикальном движении, тесно связали судьбы анархизма с этим движением; синдикализм под их влиянием все больше и больше насыщался идеями федерализма и анархического коммунизма, и в настоящее время его иначе и нельзя назвать, как анархо-синдикализмом. Книга Пато и Пуже «Как мы совершим социальную революцию» написана под углом зрения анархизма, о чем, между прочим, свидетельствует и отзыв¹ о ней Петра Алексеевича Кропоткина². Печатные органы русских анархистов, выходившие за границы в первые два

¹ Речь идет о программе социальных преобразований, выдвинутой революционно-синдикалистскими профсоюзами стран Западной Европы, начала XX в. В частности, ВКТ во Франции. Характерную для анархистов, участвовавших в этом движении, попытку примирить анархо-коммунистические идеи с реалиями современного индустриального общества, представляет книга Э. Пато и Э. Пуже «Как мы совершим революцию». В рамках предлагаемой ими модели будущего общества самоуправляющаяся федерация территориальных общин и отраслевых союзов сочеталась с сохранением централизованного крупного производства при сосредоточении регулирующих функций в руках представительных органов.

² См. предисловие к книге «Хлеб и Воля» (Прим. Максимова).

десятилетия нашего столетия («Хлеб и Воля»³, «Листики Хлеб и Воля»⁴, «Буревестник»⁵, «Рабочий Мир»⁶, «Голос Труда»), уделяли внимание конструктивным вопросам анархизма. Начиная же с Великой Русской Революции (1917-1921 годов) вопросы строительства стали преобладающими в анархической прессе не только России, но и всего мира. Из анархистов первыми вступили на путь конструктивного анархизма русские анархо-синдикалисты. Страницы их органов («Голос Труда», «Рабочий Мир» и другие) изобиловали статьями конструктивного характера. Первые две конференции анархо-синдикалистов⁷ уже в 1918 году довольно ярко и отчетливо наметили положения и экономические формы общественного строя в его начальной стадии⁸. Северный областной съезд анархистов⁹, состоявшийся вскоре после первой конференции анархо-синдикалистов, разработал свою платформу¹⁰. Первая конференция «Анархических организаций Украины «Набат»», происходившая в промежутке между первой и второй конференциями анархо-синдикалистов, обсуждала все те вопросы, которые «Платформа» выдвинула только в 1927 году¹¹. В том же 1918 году «Первый Центральный Социотехникум» выступил с декларацией, охватывавшей весь круг злободневных в то время вопросов¹². В 1919 году съезд «Набата»¹³ снова занялся разработкой организационных и построительных вопросов¹⁴. А в 1921 году анархо-универсалисты выступили с декларацией, в которой давались ответы на все основные вопросы строительства и намечался порядок деятельности в период этого строительства¹⁵. Кроме этих групповых попыток разрешения конструктивных вопросов, мы не можем не упомянуть об индивидуальной попытке Петра Алек-

³ «Хлеб и воля» – общественно-политическая газета, орган анархистов-коммунистов «хлебовольцев». Издавалась в Женеве (август 1903 – сентябрь 1905 г.). Вышло 24 номера.

⁴ «Листики «Хлеб и Воля»» – общественно-политическая газета. Печатный орган анархистов-коммунистов-«хлебовольцев». Выпускалась в Лондоне 30 октября 1906 – 5 июля 1907 года с периодичностью раз в 2 недели. Вышло 18 номеров. Главным редактором газеты был П. А. Кропоткин.

⁵ «Буревестник» – общественно-политическая газета. Печатный орган Женевской группы анархистов-коммунистов. Выходила в 1906-1910 года. Фактически выражала позицию анархо-синдикалистского течения в российском анархизме, пропагандируя ориентацию анархистов на участие в борьбе рабочего класса и крестьянства за свои социально-экономические интересы. Выступала за создание подпольных революционно-синдикалистских профсоюзов, в период Первой российской революции призывала анархистов участвовать в массовых рабочих организациях.

⁶ «Рабочий мир» – общественно-политический журнал. Печатный орган Цюрихской группы русских анархистов-коммунистов «Рабочий мир». Всего вышло 14 номеров, выходивших в две серии.

⁷ 26 августа – 16 сентября 1918 года в Москве состоялась Первая Всероссийская конференция анархо-синдикалистов. В ней приняли участие 16 делегатов с правом решающего голоса от 10 групп и 23 делегата с правом совещательного голоса. II Всероссийская конференция анархо-синдикалистов прошла в Москве 25 ноября – 1 декабря 1918 года.

⁸ См. «Вместо программы», 1922, Берлин, изд. Заграничного Бюро. (прим. Максимова)

⁹ Северный областной съезд анархистов прошел в Брянске 6-10 августа 1918 г.

¹⁰ См.: «Резолюции», 1918, М. Изд. Малого Секретариата. (прим. Максимова)

¹¹ См. «Декларации и резолюции», 1922, Аргентина. «Резолюции первого съезда», 1919 изд. «Набат». (прим. Максимова)

¹² См. «Декларация», 1918, издание I-го Центрального Социотехникума. (прим. Максимова)

¹³ Съезд КАОУ «Набат» в Елисаветграде состоялся 2-7 апреля 1919 года.

¹⁴ См. «Декларации и резолюции», 1922, Аргентина. «Резолюции первого съезда», 1919. Изд. «Набат». (прим. Максимова)

¹⁵ См. «Декларация Московской организации Анархо-Универсалистов» (к 8-му съезду Советов), 1921, Москва. (прим. Максимова)

сеевича Кропоткина, который еще в 1892 году нарисовал в книге «Хлеб и Воля» город-коммуну, а в 1919 году выдвинул ряд новых весьма важных положений, выведенных им из опыта русской революции¹⁶. Его утверждение – «мы не так богаты, как думали» – определенно переносит анархизм в плоскость прикладной идеи и на место старой формулы «разрушая – создам» ставит новую прямо противоположную формулу «создавая – разрушу». Указание Кропоткина на анархо-синдикализм, как на единственно серьезное течение в современном анархизме¹⁷, точно так же имеет серьезное значение и толкает мысль в определенном направлении.

Конструктивная работа, начатая в России анархо-синдикалистами, переходит за границу и захватывает весь анархический мир. Немецкие синдикалисты занимались и продолжают заниматься вопросами строительства; их орган «Дер Синдикалист»¹⁸ изобилует статьями, посвященными конструктивному творчеству революционного пролетариата¹⁹. Съезды и конференции МТР уделяли особое внимание организационным и конструктивным вопросам. На всех почти национальных съездах анархо-синдикалистских и революционно-синдикалистских организаций Европы эти вопросы постоянно стоят в порядке дня.

На конференции в Виене (Швейцария), состоявшейся 16-го сентября 1922 года, созванной в память пятидесятилетия конференции в Сент-Имье, были поставлены такие вопросы: 1. Как победить и уничтожить старый строй. 2. Как помешать срыву революции со стороны новой власти. 3. Как обеспечить продолжение и перерождение экономической жизни. В дискуссии участвовали Малатеста, Бертони, Фаббри и много других товарищей.

Работы русских анархо-синдикалистов и анархистов за границей также нельзя обойти молчанием. Издававшийся в 1923 году анархо-синдикалистский орган «Рабочий Путь»²⁰ задавался вопросами строительства. На страницах органа русского отдела Индустриальных Рабочих Мира «Голос Труженика» эти вопросы разбирались очень подробно на протяжении 1922-1927 годов как самой редакцией, так и сотрудниками из анархо-синдикалистского лагеря. Журнал «Арбайтер Фрайнд»²¹, издававшийся в Лондоне еврейской группой, также уделял внимание конструктивизму.

¹⁶ См. его предисловие к русскому изданию «Хлеб и Воля». 1919, Москва, изд. «Голос Труда». (прим. Максимова).

¹⁷ См. «Рабочий Путь», орган русских анархо-синдикалистов, № 2-3, Апрель-Май, 1923, Берлин. (прим. Максимова)

¹⁸ «Дер Синдикалист» (Der Syndikalist) – общественно-политическая газета. Орган Свободного рабочего союза Германии – германского анархо-синдикалистского профсоюзного объединения. Выходила в Берлине 14 декабря 1918-1932 года. Затем была запрещена. Тираж первого номера составлял 10 тысяч, в 1920 году возрос до 120 тысяч, но в 1924 году сократился до 20 тысяч. Выходила еженедельно. Главный редактор – Ф. Катер.

¹⁹ См. брошюры Барвика и Рудольфа Рокера. (прим. Максимова)

²⁰ «Рабочий путь» – общественно-политическая газета. Печатный орган Комитета защиты анархо-синдикализма. Издавалась в марте-августе 1923 года. Вышло 6 номеров. Выпускалась редакционной коллегией в составе Г. П. Максимова, М. Я. Мрачного, А. М. Шапиро и Е. З. Ярчука. Кроме них, в газете печатались Д. Абад де Сантильян, П. Бенар, А. Борги, М. И. Гольдсмит, В. Де Андреа, Я. Санжур, А. Сухи, В. С. Хомич и другие авторы.

²¹ «Арбайтер Фрайнд» («Арбетер фрайнд») – газета на идише. Издавалась с перерывами, в 1885-1927 года. В 1885-1892 гг. освещала общественно-политические проблемы с социалистических позиций. В 1892-1927 года – анархистская газета. Считалась одним из ведущих либертарных изданий на идиш.

Среди органов печати международного анархизма, занимавшихся проблемами конструктивизма, следует отметить «Ля Вуа дю Травай»²² (Париж, орган МТР, ставший впоследствии органом Французской Всеобщей Революционно-Синдикалистской Конфедерации Труда²³); орган синдикалистской организации Швеции – «Синдикалистен»²⁴, журнал немецких анархо-синдикалистов «Ди Интернационале»²⁵, ежемесячник аргентинских анархистов «Ла Протеста»²⁶ и многие другие. О газетных статьях и говорить не приходится.

Такова современная эпоха. Атмосфера ее насыщена идеями конструктивизма. И «Платформа» «Группы Русских Анархистов Заграницей» является не причиной, а следствием возбужденного состояния анархических умов. Поэтому грубо ошибаются те, которые приписывают этой «Платформе» заслуги, ей ни по какому праву не принадлежащие²⁷.

²² «Ля Вуа дю Травай» (La Voix du Travail) – ежемесячный бюллетень МАТ на французском языке. Издавался в Париже с августа 1926 года. Среди авторов – А. М. Шапиро. После образования в ноябре 1926 года РСВКТ – ежемесячный бюллетень этой организации, ставшей секцией МАТ. Издание прекращено в 1927 году. Новым органом РСВКТ стала газета «Комба сэндикалист».

²³ Революционно-синдикалистская всеобщая конфедерация труда – объединение анархо-синдикалистских профсоюзов Франции. Была основана на объединительном конгрессе революционно-синдикалистских профсоюзов в Лионе 15-16 ноября 1926 года. Объединила Федеративный союз автономных профсоюзов Франции, Федерацию строительных рабочих и Союз профсоюзов департамента Сены. В состав РСВКТ в 1926 году входили 15 тысяч человек. Численность организации менялась, и к 1936 году в ее составе насчитывалось 6 тысяч, а накануне Второй мировой войны – 4 тысячи членов. Была закрыта германскими оккупационными властями и вишистским режимом в 1940 году.

²⁴ «Синдикалистен» (Syndikalismen) – шведский анархо-синдикалистский теоретический журнал, выходивший в 1926-1929 и 1939-1950 года. Решение о создании журнала было принято на конгрессе Центральной организации шведских рабочих (САК) в 1925 году. Выходил раз в 2 месяца объемом в 32 страницы. В журнале публиковались статьи ведущих шведских и зарубежных деятелей анархо-синдикалистского и анархистского движения.

²⁵ «Ди Интернационале» (Die Internationale) – теоретический анархо-синдикалистский журнал на немецком языке. В марте 1924 – январе 1926 года выходил в Берлине как орган МАТ. В 1927-1933 годах издавался ежемесячно Административной комиссией ФАУД в Берлине. 1 августа 1934 – 5 апреля 1935 года издавался в Амстердаме группой «Немецкие анархо-синдикалисты» (ДАС).

²⁶ «Ла Протеста» (La Protesta) – аргентинская газета, сыгравшая видную роль в распространении анархизма и анархо-синдикализма в Аргентине и испаноязычном мире. Была основана 13 июня 1897 года как «Ла Протеста умана». В 1903 году была переименована в «Ла Протеста». «Ла Протеста» сыграла важную роль в становлении и развитии ФОРА и была ее фактическим органом вплоть до 1930-х годов. Издается и в наши дни.

²⁷ В этом отношении любопытна статья товарища Марии Корн, помещенная в «Дело Труда» № 29 за Октябрь 1927 года, экстравагантно восхваляющая достижения «Платформы». По мнению товарища Корн, «Платформа» «взбудоражила нашу среду...». На самом деле, конечно, это было вдохновение в наших группах, которые выдвинули «Платформу». Далее, товарищ Корн считает, что «Платформа»: «поставила ряд вопросов...». Однако было очевидно, что все эти вопросы – как и многие другие – были сформулированы задолго до провозглашения «Платформы». Продолжая серию своих необычайных открытий, товарищ Корн считает, что «Платформа»: «поставила перед каждым анархистом вопрос об ответственности за дальнейшую судьбу движения в смысле практического влияния на будущий ход событий...». Конечно, не так уж трудно задавать вопросы, не отвечая на них. И эти вопросы даже уже поднимались анархо-синдикалистами в России и за рубежом в то время, когда наиболее вероятные авторы «Платформы» были либо безразличны к затронутым проблемам, либо только начали усваивать, после их прибытия за границу, первые уроки личной и коллективной ответственности перед движением. Наше краткое изложение истории развития конструктивной мысли опровергает взгляд товарища Корн на «Платформу». (прим. Максимова). (дополнено примечанием из англоязычной версии).

II. Общие положения

Как мы видим, «Платформа» есть лишь один из многочисленных – хотя бы в одном анархистском мире – продуктов того брожения умов, которое все усиливается со времен войны и, в особенности, Русской революции. Однако сейчас же можно установить, что кристаллизация этого брожения в «Платформу» носит довольно аморфный характер. Ибо, по способу постановки вопросов, как и по методу и существу их разрешения, «Платформа» не может стать фактором собирания и объединения не только анархических сил вообще, но даже и анархо-коммунистических в частности. Если даже допустить что анархисты-коммунисты и объединились на ней, то это объединение дало бы трещины при первой же попытке заполнения тех пробелов, которыми «Платформа» кишит, ибо конструктивная ее часть настолько примитивна, что ограничивается одними вопросами производства, продовольствия, земли и защиты революции. Из ее поля зрения совершенно удалены вопросы транспорта, свободного передвижения, учета (статистики), жилья, религии, образования, семьи, брака, санитарно-гигиенические, лесного хозяйства, дорожного дела, мелкого производства, преступления и наказания, труда и здравоохранения и прочие и прочие, как и вопросы, связанные с общим положением революционной страны в капиталистическом окружении.

Но «Платформа» страдает еще другим крупным недостатком: путаностью. Авторы, например, сознавая невозможность одновременной коммунизации промышленности и земледелия и запоздание второй по отношению к первой, не делают никаких выводов и не стараются установить те взаимоотношения, которые должны будут неизбежно создаться между коммунизированной промышленностью и частнокапиталистическим земледелием. Ведь из такого, сознаваемого «Платформой» сожительства и возникают такие вопросы, как торговля, деньги и тому подобное.

Путаность эта еще более ярко высказывается, когда авторы той же «Платформы» заявляют следующее: «Знаменателен тот факт, что, несмотря на силу, положительность и бесспорность идей анархизма, несмотря на полноту и цельность анархистских позиций в социальной революции... несмотря на все это, анархическое движение всегда оставалось слабым, и в истории борьбы рабочего класса, по большей части, являлось маленьким фактом, эпизодом, а не фактором».

Любопытно при этом отметить, что несмотря на вопиющую запутанную глупость этого собрания предпосылок, оно прошло незамеченным той анархической печатью, которая интересовалась вопросами и доводами, выдвинутыми «Платформой». Однако при одном лишь прочтении «истин», выдвигаемых «Платформой», выпукло выступают как их вздорность, так и их чуть ли не комичная противоречивость. Разделим эти «истины» под основными их заглавиями:

1. *Сила Анархизма.* Показателем силы сознательно-политической идеи является всегда число ее приверженцев и величина и распространяемость сочувствия им.

Следовательно, сила идеи неразрывно связана с силой движения в пользу этой идеи. Где сила – там не может быть слабости. Если анархизм силен, то он не слаб. Однако авторы «Платформы» умудрились утверждать, что анархизм и то, и другое... что вода может быть одновременно и холодной, и горячей! Нельзя смешивать *жизненность* и *силу*.

2. *Бесспорность анархизма*. «Дважды два – четыре» есть бесспорная истина. Никто ее не оспаривает, то есть бесспорность чего-либо влечет общее признание. Так как, по мнению «Платформы», анархизм – бесспорен, то он, тем же самым, общепризнан. Но тогда он уже не «маленький факт», не эпизод, как утверждает «Платформа», а уже огромный фактор!

3. *Положительность анархизма*. Если действительно анархизм положителен, то он и определен, ясен. Тогда нечего ныть о том, чтобы анархизм ушел «от бесконечных шатаний в области важнейших вопросов теории и тактики». Если, таким образом, эти шатания являются определенным фактом, то анархизм, переполненный шатаниями, не отличается ни положительностью, ни определенностью. Положительность и шатания несовместимы.

4. *Прямота и цельность анархических позиций в социальной революции*. Опять противоречие с «шатаниями». Ведь если анархические позиции в социальной революции отличаются и прямоотой, и ясностью, то к чему огород городить? И почему эти «прямота и цельность» все-таки порождают ряд платформ, в которых позиции в социальной революции не совсем идентичны и часто резко расходятся между собой?

Но если авторы «Платформы» так усердно хлопчут об организации, которая установила бы тактическую и политическую линию в анархизме, то, по-видимому, нет достаточной прямооты и цельности в анархистских позициях. То для чего тогда заявлять обратное?

Противоречия «Платформы» со здравым смыслом и с простой человеческой логикой являются не менее «знаменательным фактом», чем выдвигаемые авторами «Платформы» псевдоистины.

Но все эти противоречия и знаменательные факты происходят от одного и того же источника: от незнания истории нашего движения, или вернее, от установления одного, основного знаменательного факта: что история начинается «Платформой» ... до ее появления царили хаос и невежество!

Для этих самоназначенных «пионеров» анархизм времен Первого Интернационала, который охватывал рабочее движение ряда стран – это только маленький факт, случайный эпизод... Анархизм латинских стран – где, за долгие годы, доминировало анархическое мировоззрение, – эпизодик без всякого значения.

Анархизм тех стран, где ныне развито революционно-синдикалистское движение под прямым или косвенным влиянием анархических идей, не считается авторами «Платформы» крупным фактором в росте рабочего движения... Это маленький фактик, эпизод.

Такого рода оценки «доплатформистского» анархизма слишком односторонни и смешны, чтобы на них долго останавливаться. Как бы ни было больно это слышать авторам «Платформы», анархическое движение существовало и до них.

III. Диагноз и лечение

Итак, Группа Русских Анархистов Заграницей выступает в роли врача больного анархического движения. Никто не оспаривает того, факта, что движение страдает «общей хронической дезорганизованностью». На диагнозе все сходятся. Разногласия начинают появляться лишь с определения основных причин болезни и с методов лечения, которые неизбежно вытекают из определения причин. Тут то и выделяются довольно крупные разногласия. Так, например, «Платформа» считает, что имеется «ряд причин». *Самой главной* из них она находит «отсутствие в анархическом мире организационных начал и организационных отношений». Однако в введении «Платформы» указывается на то, что это не причина, а лишь следствие другой причины!

Она утверждает, что «сама дезорганизованность гнездится в некоторых уродствах идеологического порядка – в *извращенном представлении личного начала в анархизме*, отождествлении его (Кого? Анархизма или личного начала?) с безответственностью». Стараясь выпутаться из нагроможденных авторами «Платформы» силлогизмов причин и следствий, мы неизбежно приходим к заключению, вытекающему из положений «Платформы», что *самая большая и главная* причина дезорганизованности анархического движения есть *следствие* «некоторых уродств идеологического порядка».

Однако вывод напрашивается довольно любопытный. Ведь «Платформа» заявляет, что имеются «бесконечные шатания в области важнейших вопросов теории и тактики» анархизма. Если это действительно так, то ни о какой «организованности», ни о каких «организационных отношениях» говорить не приходится: таковая либо возможна при отсутствии шатаний или, по крайней мере, при отсутствии таковых в крупном (и даже бесконечном!) масштабе. Продолжая дальше распутывание тезисов «Платформы», мы придем к неизменному выводу, что причина «общей нашей дезорганизованности» одна, а именно: «шатания в области важнейших вопросов теории и тактики», и что все остальные грехи суть только были следствиями этой причины. Возможно, что авторы «Платформы» хотели что-то другое сотворить, но запутавшись в лабиринте противоречий, где причины перепутались со следствиями, закончили словесным винегретом, внушающим малосерьезное отношение к «Платформе».

Если бы «несколько русских анархистов» потрудились в своем «Ответе» произвести анализ причин болезненности анархического движения, то им не пришлось бы поспешить с заявлением, что они «несогласны» с выводами «Платформы», ибо, в конечном счете, основная причина (по «Платформе»), то есть «бесконечные шатания в области важнейших вопросов теории и тактики» именно так которую выдвигает и «Ответ»: «неясность ряда основных наших идей».

Разница в формулировке, а не по существу. Ведь если в анархизме имеются «шатания» или «неясности», то как можно на таких конструктивных началах строить программу, тактику или организацию? Более логичен, чем «Платформа», которая, не считаясь с шатаниями, хочет строить на шатающейся почве, «Ответ» считает, что «создание серьезной программы и организации невозможно без предварительной ликвидации теоретических шатаний» (стр. 5). «Ответ», однако, выдвигает, кроме «неясности основных наших идей», и ряд других причин слабости анархического движения: «трудности восприятия анархических идей современным обществом», «умственное состояние современных масс», «жестокость и всеобщность репрессий», «сознательный отказ от демагогии», «отказ анархистов от искусственно построенной организации, искусственной дисциплины».

Мы же думаем, что слабость анархического движения не вытекает из указанных «главных» причин. Первые три из них – внешние; они лежат вне движения и могут лишь временно замедлить рост его. Трудно себе представить, чтобы имелось больше затруднений в настоящее время для распространения наших идей, чем, скажем, 50 лет тому назад. Точно так же трудно себе представить, чтобы умственное состояние современных масс было ниже, чем в прежние – хотя бы довоенные – времена. Наоборот, нет сомнения, что умственный уровень масс необычайно возрос по сравнению с прошлым. Или авторам «Ответа» кажется, что анархизм легче воспринимается отсталой массой? Вообще-то говоря, все эти причины существуют и для других социалистических мировоззрений, а тем не менее картина там иная.

То же самое можно сказать и о репрессиях, каковые были и раньше и касались не только анархистов. Немецким анархо-синдикалистам пришлось все время идти по тернистому пути, особенно во время войны. Однако они ныне неизбежно сильнее, чем до войны. Смешно говорить, что борьба, на которую всегда идет сознательное революционное движение и которая неизбежно вызывает репрессии, обуславливает в дальнейшем слабости этого движения.

Ставить же «отказ от демагогии» как причину слабости, это косвенно признать, что демагогия – источник силы... Если «Ответ» считает «сознательный отказ от демагогии» источником слабости анархического движения, то вывод один: стать еще демагогическим и, значит, сильным. Общеизвестно теперь, что хотя демагогия и могла временно обеспечивать видимый успех, она никогда не увеличивала силы только пользовавшихся ей и, наоборот, приводила всегда к довольно плачевным последствиям. Большевицкий опыт в этом отношении довольно примечателен. Да и в самом анархическом движении не всегда брал верх «сознательный отказ от демагогии». Гординские манифесты 1917-1918 годов – интересные образцы демагогии; статья в № 28 «Дела Труда» («Социал-демократия в Венских событиях») точно так же опровергает заявление «Ответа»...

Что же касается последней причины слабости движения, выдвигаемой «Ответом», – «отказ анархистов от искусственно строяемой организации и искусственной дисциплины», то, вероятно, сами авторы «Ответа» себе не дали отчета в сказанном. Ведь они сами утверждают, что все эти искусственные приемы создают «временную силу политических партий», силу «по существу, бесплодную». Если это так, то анархическому движению придется отказаться от отказа и, тем самым, стать сильными. Если же в этих искусственных приемах видеть «временную» и «по существу и бес-

плодную» силу, то нечего возводить отказ от них в причину слабости! К чему столько путаных слов?

Итак, приходится прийти к заключению, что из всех причин, выдвинутых «Ответом», остается лишь одна... и именно та же, что указана «Платформой»: «неясность ряда основных наших идей».

IV. Слабость движения

Говорить о неясности и спутанности анархических идей, после Бакунина и Кропоткина, по меньшей мере наивно. Если бы авторы «Платформы» и авторы «Ответа» говорили о шатаниях анархистов или о неясных и путаных анархических головах, то можно было бы согласиться с ними, но нельзя, перебрасывая беду с больных плеч на здоровые, говорить о неясности основных идей анархизма.

О каких идеях идет речь по «Ответу»?

Первая неясная идея, это «*понятие* социальной революции». Следует только обратиться к Бакунину, чтобы у него найти вполне *ясные и определенные* разъяснения о том, чем является социальная революция, что она собой представляет и во что она должна вылиться¹, и спешно, по прочтению этих формулировок, говорить о неясности идеи о понятии Социальной революции.

То же самое можно сказать о «насилии», довольно выпукло объясненном Бакуниным и устанавливающим ясное понятие о насилии, о его форме и о его границах².

Точно так же и еще с большей убедительностью можно показать несостоятельность утверждения «Ответа» относительно неясности понятия диктатуры. Этот вопрос наиболее отчетлив в анархизме, благодаря полемике Бакунина с Марксом, и отсылаем читателей для полного ознакомления к произведениям Бакунина, особенно к его сочинениям: «Государственность и Анархия» и «Кнута-Германская Империя и Социальная революция». Бакунин также много писал по вопросу творчества масс и организации. Остается лишь вопрос о «переходном периоде». Действительно, этот вопрос еще не разработан, хотя тот же Бакунин и признавал его. Но вопрос этот не принадлежит к серии основных *теоретических* вопросов в анархизме. Это, скорее, вопрос *технический, методологический*, связанный с *практической* стороной строительства анархического коммунизма.

Итак, нам приходится установить, что причинами слабости анархического движения и его дезорганизованного состояния не являются ни «неясность ряда наших основных идей», как утверждает «Ответ», ни «бесконечные шатания в области важнейших вопросов теории и тактики», ни, тем более, «уродства идеологического характера», как заявляет «Платформа».

Одним словом, *слабости движения не есть результат теоретической неясности анархизма, как социально-политической и философской теории.*

Причины эти лежат в другой плоскости, ничего общего с неясностью основ анархизма не имеющей.

¹ Обращаем читателя в Собрание сочинений Бакунина, изданному издательством анархо-синдикалистов «Голос труда». Москва (пять томов). Советуем особенно прочитаться в т. I: стр. 75, 118; в т. II: стр. 69; в т. III: стр. 12; в т. IV: стр. 22, 285. (прим. Максимова)

² См. Сочинения Бакунина, т. V, стр. 200 и 201. См. также «Anhang» («Приложение»), стр. 201. (прим. Максимова)

* * *

Социализм тоже когда-то находился в неопределенности, раздробленности и аморфности.

Это было тогда, когда он стремился, как ныне стремятся авторы «Платформы», к полному единству и единообразию программы и тактики. Когда такое всеобщее единство социализма оказалось фактически невозможным и стало даже вредным, начался процесс разложения социализма и раздробления на фракции. Возникли отдельные партии, теории, тактики и мероприятия, которые не совсем совпадали. Тогда и началось развитие социализма, как сила практического осуществления своего идеала.

То же самое *должен* пережить, по нашему глубокому убеждению, и анархизм. Единство, о котором вздыхает «Ответ» и к которому, по-своему, стремится «Платформа», невозможно. Это будет не анархизм, а анахронизм.

Процесс дифференциации анархизма на фракции шел медленно. Дифференцирующиеся части еще не успели кристаллизироваться в определенные крупные коллективные единицы. Мы имеем в виду анархизм-коммунизм, который уже распался на анархо-коммунизм, и на анархо-синдикализм. Мы исключаем совершенно анархо-индивидуализм как учение типично буржуазное и выходящее, таким образом, из рамок интересующих нас вопросов.

Примером логического единства является *Международное Товарищество Рабочих*³ – анархо-синдикалистский Интернационал, которое стало возможным после оформления, в каждой стране, однородного типа национальной организации с точки зрения основных теоретических и тактических основ. Все союзы, объединенные в МТР, принимают программу и принципы анархо-синдикалистского Интернационала, но в то же время федералистские основы международной организации дают возможность каждому союзу иметь свою собственную программу для своей страны, во многом могущей отличаться от программы союзов других стран. Иначе и быть не может, если движение желает жить и развиваться. Одна из причин слабости анархического движения лежит, таким образом, в *не закончившемся процессе дифференциации анархизма на определенно очерченные фракции, группировки или «партии»*.

Пусть и парадоксально, но это так.

Вторая причина слабости анархического движения, это – *неумение движения приспособиться к реальной жизненной обстановке*, обрекающие его исключительно на *пропагандистскую* деятельность. Такая деятельность может занимать лишь немногих, большинству же, особенно рядовым работникам, это скоро надоедает: оно приведет или к резонерству и переливанию из пустого в порожнее, или же к апатии, к разочарованию и... к отходу.

Человек требует реальности, и он долго не может жить в мире отвлеченностей. Эта естественная тоска по деятельности и приводит активные натуры к искаженным

³ Здесь и далее идёт речь идёт о М.А.Т.

видам «практической» деятельности: к динамитизме во Франции⁴, к безмотивному террору⁵ и эксизму⁶ в России.

Чем занят рядовой анархист? Парламентскую борьбу он отрицает; деятельность в муниципалитетах он отвергает; для многих товарищей профсоюзы недостаточно революционны, опасны для анархистской «чистоты» и заражены «пятакковой» борьбой, в кооперативах он видит буржуазные учреждения с эксплуататорскими замашками. А анархические группы мелки. Анархисту приходится, таким образом, действовать в торричеллиевой пустоте, ограничиваться словесной деятельностью, распространением брошюр, газет и листовок, отмалчиваться на злободневные вопросы, возникающие ежеминутно... и указывать – отрицая все огулом – на конечный идеал, путь, к которому приобретает отвлеченный характер!

Там, где огромная масса мыслит конкретно, мы хотим воодушевить ее отвлеченностью.

Что недостает нашему движению, это *почвы реальности*, приспособляющей теорию к практическим нуждам трудящихся. Поэтому же пути пошла синдикалистская фракция анархизма, сложившаяся ныне интернационально.

Анархо-синдикализм расширил сферу деятельности своих приверженцев, оброс учреждениями повседневной борьбы и деятельности. Этим объясняется его успех во всех странах, в сравнении с анархо-коммунизмом. И если анархо-синдикализм сумеет еще более расширить рамки общественной деятельности своих членов, еще

⁴ В 1892-1894 годах ряд лиц, сочувствующих анархизму, по своей инициативе совершили ряд покушений во Франции. Начало стихийной кампании боевых акций положил Ф.-О. Равашоль. В ответ на жестокий разгон полицией первомайской демонстрации анархистов в Клиши в 1891 году и попыток ее арестованных участников, он совершил ряд актов мести. 11 марта 1892 года взорвал бомбу у стены дома судьи Бенуа. Был ранен 1 человек. 13 марта была взорвана бомба у дома адвоката Було. А 15 марта – в казарме полиции Лобау. Затем последовали еще 2 акции такого рода. После казни Равашоля совершенные им и его единомышленниками акты придали среди анархистов популярность террору как методу борьбы. Его последователи рассматривали свои действия как акты террора и способ пропаганды действием. Следующий громкий акт был совершен О. Вайяном, 9 декабря 1893 года, взорвавшим бомбу в зале заседания Национального собрания Франции. 12 февраля 1894 года анархист Эмиль Анри взорвал бомбу в кафе «Терминус» в Париже, после ареста обосновав свои действия местью за казнь Вайяна и антибуржуазными мотивами. Действия Равашоля, Вайяна и Анри были восприняты значительной частью анархистов в начале XX века как эффективный метод борьбы.

⁵ Безмотивный террор («безмотивный антибуржуазный террор») – стратегия политической борьбы, сформулированная в 1905-1906 годах идеологами анархистов-коммунистов-«чернознаменцев» (И. С. Гроссман, Л. С. Липидус). Предполагала совершение убийств боевиками-анархистами за принадлежность к «эксплуататорским» классам – буржуазии, помещикам, чиновникам и так далее. Рассматривая такого рода акции как один из вариантов «пропаганды действием», «чернознаменцы» рассчитывали пробудить рабочих и крестьян Российской империи к массовому вооруженному восстанию.

⁶ Эксизм – под этим термином анархисты подразумевали увлечение экспроприациями со стороны анархистских групп во время Первой Российской революции и первые годы после нее (1905-1909 года). Первоначально экспроприации рассматривались анархистами как метод добывания средств на издательскую деятельность, изготовление поддельных документов, закупку оружия, помощь арестантам, организацию побегов из тюрем и содержание скрывавшихся в подполье активистов. Широкое распространение экспроприаций оборачивалось нередко злоупотреблениями со стороны части боевиков-анархистов, допускавшей частные экспроприации, совершавшиеся с целью заработка. Это обстоятельство привело к тому, что криминальные элементы начали совершать грабежи, действуя от имени действующих или вымышленных анархистских организаций.

больше обрасти собственными учреждениями, то успех его соответственно и возрастет.

V. Теория

Теоретическая часть «Платформы» не представляет собой ничего оригинального. Несмотря на «бесконечные шатания» и на некоторые «уродства идеологического характера», авторами «Платформы» преподносится та же самая теория анархизма, хотя с тем изменением, что ряд «уродств идеологического характера» вносятся самими авторами.

Так, например, в главе «*Классовая борьба, ее роль и значение*» говорится о том, что «классовая борьба в истории человеческих обществ всегда являлась тем главным фактором, который определял форму и строение этих обществ» (стр. 7). Общеизвестная истина, но только наизнанку. Не классовая борьба определяет формы общества, а экономическая структура общества определяет формы борьбы в нем. Не общество результат классовой борьбы, а наоборот, *классовая борьба есть следствие экономического строения общества*. Поэтому другое утверждение авторов «Платформы», что «социально-политический строй каждой страны есть прежде всего продукт классовой борьбы» (стр. 8) звучит довольно нелепо, ибо хотя классовая борьба и оказывает влияние на структуру общества, но она ее отнюдь не определяет. Эти теоретические нелепости, извращающие анархическую теорию, приводят авторов «Платформы» к новой нелепости: «универсальное значение классовой борьбы в жизни классовых обществ» (стр. 8). Здесь уже просто перегибание палки... вероятно, для противопоставления себя тем оттенкам анархизма, которые отрицают или смазывают классовую борьбу. Если бы действительно классовая борьба была настолько *универсальной*, то она была бы, бесспорно, единственным и основным фактором развития общества. Анархизм не допускает такого *монизма*. Классовая борьба кладет в современном обществе свой отпечаток на многие и многие явления, но это не значит, что она имеет универсальное значение.

Авторы «Платформы» вообще жонглируют довольно невежественно этим выражением «классовая борьба». Так, на стр. 9 они торжественно заявляют, что «классовая борьба, создаваемая неволей и вековыми стремлениями трудящихся к свободе, породила в среде угнетенных идею анархизма». До сих пор считалось, что классовая борьба – результат неравномерного распределения материальных богатств в капиталистическом обществе, вытекающего из той хозяйственной системы, которую принято называть капиталистической, а не «неволя» и «стремление к свободе», которые далеко не создавали классовую борьбу – явление сравнительно современное.

Но авторы «Платформы» мало стесняются и развитием общества, и фактами истории, и анархической теорией, каковой мы ее знали в изложении Бакунина, Кропоткина и их учеников. В этой теории «Платформы» «коррективы» действительно сногшибательного характера. Так, в главе «Необходимость насильственной революции» мы находим следующий перл: «Прогресс современного общества – техническое развитие капитала, усовершенствование его политической системы, – укрепляя силы

господствующих классов, делает более трудной борьбу с ними и отдаляет решающий момент освобождения труда» (стр. 9). Явная несуразность такого рода заявлений должна была бы, логично, заставить авторов этих оригинальных мыслей переименовать заглавие указанной главы так: «Необходимость насильственной приостановки прогресса современного общества». В самом деле: раз прогресс продолжается, то момент освобождения труда автоматически отодвигается все дальше и дальше. А так как освобождение труда – наша цель, то: долой прогресс!

Иначе смотрел Кропоткин на взаимоотношения прогресса с борьбой за освобождение. Анализируя жизнь общества, он находил, что с его прогрессом техническим, умственным и иным возрастают коммунистические навыки, то есть приближается эта свобода.

Но, по-видимому, грешно искать у Кропоткина противоречия и нелепости «платформистов», которые, по методу «чем хуже, тем лучше», возвращаются к примитивному строению общества и находят, что осуществление анархизма тесно связано с наиболее примитивной экономической структурой.

Советуем авторам «Платформы» махнуть рукой на технически развитую «заграницу» и двинуться с палкой «Платформы» в Абиссинию и в Белуджистан...

Теоретические ляпсусы наших новоиспеченных основоположников анархизма не минуют и других глав. Когда речь идет о дефиниции самого анархизма (глава «Анархизм и анархический коммунизм»), авторы «Платформы» видят в анархизме стремление «к пересозданию современного буржуазного капиталистического общества в такое общество, которое обеспечило бы трудящимся плоды их труда, свободу, независимость, социальное и политическое равенство» (стр. 9).

Здесь авторы вносят еще один «корректив» в основные понятия анархического коммунизма, замещая принцип «каждому по потребностям» новым лозунгом «каждому по труду». К чему, однако, сводится такая замена? Ведь если общество будет обеспечивать трудящемуся лишь продукт труда, *а не удовлетворение своих потребностей*, то останется неравенство: один будет вырабатывать сверх своих потребностей и будет накапливать излишки, другой же не будет в состоянии вырабатывать достаточно для своего существования. Окажутся богатые – имеющие запасы, и бедные – не имеющие и минимума. В результате: нынешнее экономическое неравенство. А там, где экономическое неравенство, нечего и говорить о свободе, о независимости, о социальном и политическом равенстве, которые уж никак не вытекают из лозунга «каждому по труду», выдвинутого авторами «Платформы». И хотя последние именуют общество, основанное на выдвинутых ими началах, анархо-коммунистическим, оно является ни анархическим, ни коммунистическим¹. Правда, они заканчивают указанную главу азбучной истиной, что цели анархического коммунизма действительно «от каждого по способностям, каждому по потребностям», но они эту истину трактуют «по-своему»... Обеспечением трудящимся «плодов их труда». Ставить между этими двумя положениями знак равенства, это, опять-таки, проявлять невежество в анархизме.

¹ Напомним авторам «Платформы», что еще до них, в 1886 году, известный немецкий философ и юрист А. Менгер проводил в своей книге «Право на полный продукт труда» тот идеал социалистического общества, против которого боролись все небуржуазные социалисты и все анархисты». (прим. Г.П.).

Но пойдём дальше. Глава «Отрицание демократии» начинается следующим категорическим императивом: «Демократия представляет собой одну из форм буржуазно-капиталистического общества» (стр. 11). Ясно, что авторы «Платформы» кладут в один мешок современную парламентскую демократию и *демократию по существу*. Ведь анархизм есть, в конце концов, ни что иное, как крайняя, предельная демократия. Однако авторы огульно отрицают демократию, не разбираясь в ее природе и в ее сущности. Они, например, заявляют, что «демократия оставляет в неприкосновенности принцип частной собственности». Современная демократия? Да. Анархическая? Разумеется, нет. Необходимость определения *характера* демократии, в противовес ее извращениям, полностью игнорируется авторами «Платформы», по причине, опять-таки, ставшего хроническим невежества.

Но коснемся менее крупных «корректив» запутавшихся «теоретиков» ... их слишком много и скучно их перечислять. Перейдем к процессу конкретизации авторами «Платформы» их основных теоретических положений, но прежде чем это сделать, не мешает отметить, что товарищи, подписавшие «Ответ нескольких русских анархистов на Организационную Платформу», считают, что их общая позиция по отношению к социальной революции «не отличается от кратко выраженной точки зрения» «Платформы»² и что такие главы «Платформы», как «Анархизм и анархический коммунизм»³, «Отрицание демократии», «Отрицание государства и власти», «являясь лишь крайне сжатым повторением давно ясно и прочно установленных в анархизме понятий, не вызывает с нашей стороны существенных возражений».

Принимаем к сведению откровенное признание авторов «Ответа». Выше, чем предполагали, невежественный уровень в наших рядах!

² «Ответ», стр. 12. (прим. Г.П.).

³ За исключением одной неясности о нетрудовых классах при анархо-коммунистическом обществе. (прим. Г.П.).

VI. Партия, Личность и Масса

«Всеобщий Анархический Союз», о необходимости которого заботится «Платформа» и который должен явиться «идейным коллективом», является в итоге, в особенности в свете дополнительных к «Платформе» разъяснений, появившихся на страницах органа «платформистов» – «Дело труда», – анархической партией и, при этом, партией довольно централизованной. Роль этой анархистской партии, ничем не отличающейся, между прочим, от роли партии большевиков в вопросе о руководстве, замаскирована в «Платформе» «идейным руководством».

В вопросе организации партии нет ничего антианархического. И Бакунин, и Кропоткин часто говорили о необходимости организации анархической партии. По сию пору организация скандинавских анархистов именует себя партией¹. *Партия* еще не значит *власть* или стремление к управлению государством. Дело не в названии, а во внутреннем содержании его, в организационной структуре партии, в принципе, на котором она построена.

Какие цели «Платформа» ставит перед русской анархо-коммунистической партией?

Осуществление анархо-коммунистического общества. Цель эта, без сомнения, анархична, и на все сто процентов. Какой, однако, организационный принцип, определяющий взаимоотношения членского состава партии к партийной коллективности, самой партии в целом, к массам вообще и к массовым организациям в частности, кладется в основу партийного здания?

«Платформа» ясно заявляет: *федерализм* (стр. 30). Но, как правильно подмечает «Ответ», слишком часто авторы «Платформы» прибегают к сенатскому разъяснению ряда основных анархических положений, от которых, в результате этих комментариев, остается лишь одна видимость, прикрывающая совершенно иное содержание. Именно эти-то сенатские разъяснения² и наталкивают на централистический ха-

¹ Имеется в виду «Младосоциалистическая партия» (Ungsocialistiska Partiet), созданная после того, как лидеры молодежной организации Социал-демократической рабочей партии Швеции Х. Бергегрен и К. Шредер были исключены на съезде в 1908 году. Конгресс Федерации социалистической молодежи в августе того же года постановил порвать с социал-демократией и образовать новую Младосоциалистическую партию (МСП). Эта организация отвергла парламентаризм, высказавшись за всеобщую стачку как средство совершения революции. Главная роль в ее подготовке и проведении отводилась профсоюзам, которые (в соответствии с революционно-синдикалистскими воззрениями) понимались не только как орган борьбы за улучшение положение трудящихся в рамках капитализма, но и как основа экономической организации социалистического общества. Численность МСП в 1910-х годах достигала 2 тысяч членов. Организация пропагандировала революционный синдикализм и антимилитаризм, открыто встала на анархистские позиции. В 1934 году МСП была преобразована в Анархистскую пропагандистскую ассоциацию.

² См. по поводу этих «разъяснений» ответы платформистов на вопросы Марии Корн («Дело труда», № 18), на статью Жана Гравы (Там же. №№ 22, 23-24) и на «Ответ» (там же. № 28). Характерно деланное недоумение авторов, что никто их не понимает. (прим. Максимова).

рактер платформистского федерализма, от которого остается одна лишь этикетка, наклеенная на демократический централизм, присущий любой политической партии.

«Платформа» утверждает общеизвестный факт, что «анархизм всегда выдвигал и отстаивал федерализм, в котором сочеталась независимость личности или организации, их инициатива и служение общему делу» (стр. 30). Однако, когда «Платформе» приходится установить, каковым должен быть «федералистический тип анархической организации», то оказывается, что он характеризуется не автономией групп и групповых соединений, а только «признанием за каждым членом организации... *независимости (!), права голоса (!!), личной свободы (!!!)* и инициативы (стр. 31)». Вытекает, по-видимому, что в тюрьму сажать за принадлежность к анархо-коммунистической партии эта последняя своих собственных членов не будет! Прерогатива, ясно, довольно привлекательная. А фактически, членам организации предоставляется инициатива. Только членам, по-видимому, а не группам или их объединениям. Но и инициатива эта носит особый характер... платформистский. Каждая организация (то есть объединение инициативных личностей) имеет свой секретариат, который выполняет и *направляет* идейную, политическую и техническую работу организации («Платформа», стр. 31). К чему же тогда сводится инициативная деятельность членского состава? По-видимому, к одному: к инициативе подчинения секретариату и выполнения его направляющих инструкций. Подымаясь по иерархической лестнице, «для координации деятельности всех организаций», то есть всех вышеуказанных секретариатов, «создается специальный орган в виде *Исполнительного Комитета Союза*». Задачи этого комитета? «Идейное и организационное направление деятельности отдельных организаций согласно общей идеологии и общей тактической линии союза» (стр. 31). Куда же делась автономность? Многие западноевропейские политические партии построены на гораздо большей свободе своих составных частей, чем проектируемая анархо-коммунистическая партия, основанная исключительно на деятельности чиновничьих секретариатов.

Большевик Сапронов в своей оппозиционной платформе, говоря о структуре коммунистической партии, заявляет следующее: «Ячейка подчинена секретарю. Секретари ячеек подчинены секретарю партийного комитета, в руках которого находится и комитет. Секретари местных комитетов подчинены генеральному секретарю, которому фактически подчинен Центральный Комитет».

Читателю нетрудно будет увидеть, что структура партийного строительства русских коммунистов-большевиков и маленькой горсточки русских заграничных коммунистов-анархистов одинакова. Нет сомнения, что и следствия будут одинаковыми. Если, по словам платформы сапроновцев, русская коммунистическая партия «в настоящее время больше, чем когда-либо разделена на «верхи», которые тесно сплетены с аппаратом, и «низы», у которых все партийные права отняты», то то же самое *неизбежно* должно случиться во всякой другой партии, в том числе и в русской анархо-коммунистической, построенной по системе «аппаратов».

Как же будет относиться эта анархо-коммунистическая партия, давшая личную свободу своим членам к ее массовым проявлениям? Авторы «Платформы» считают, во-первых, что массы *не могут* «удержать направление революции», несмотря на то, что они «в социальных движениях и живут глубоко анархическими тенденциями и

лозунгами», ибо «эти тенденции и лозунги распылены и не связаны в определенную систему и не имеют организованной руководящей силы... Этой идейной руководящей силой может быть лишь специально выделенный массами идейный коллектив («что-то слишком часто настаивается на идейности» сил и организаций!). Таким коллективом и будут организованные анархические силы (почему не сами силы масс, живущих, как будто, глубоко анархическими лозунгами и тенденциями?), и организованное анархическое движение (то есть, разумеется, партия)».

Анархо-Коммунистический союз (то есть партия) «должен будет проявить инициативу и полное участие во всех областях социальной революции... Анархисты (то есть партия) обязаны будут (!) на все вопросы дать точный ответ, связать решение этих вопросов с общей идеей анархизма и отдать все свои силы на воплощение их в жизнь. В этом случае Всеобщий Анархический Союз (то есть партия) и анархическое движение выполнят свою полную идейно (опять!!) руководящую роль в социальной революции» (стр. 16).

Мы извиняемся за длинные цитаты. Но неизбежно, что тот, кто принимает самое что ни на есть стопроцентное участие во всех областях социальной революции и кто воплощает идеи в жизнь, не может – и не сможет ограничиться только *идейным* руководством, если придется, силой вещей, руководить и *практически всесторонне*. Нечего закрывать глаза себе и пыль пускать другим: «Платформа» ставит свою партию на те же командные высоты и в те же условия, что и ВКП(б), то есть ставя интересы партии выше интересов масс, ибо монополия правильного понимания этих интересов всецело принадлежит партии. Такая большевистская установка еще рельефнее сказывается в отношении «Платформы» к синдикализму.

VII. Партия и профсоюзы

Новые анархические евангелисты историю начинают с себя. До них был хаос и не было тверди: «Мы считаем весь предыдущий период вплоть до наших дней, когда анархисты входили в движение революционного синдикализма в качестве индивидуальных работников и индивидуальных проповедников, периодом кустарного отношения к рабочему профессиональному движению» (стр. 19).

Это серьезно заявляется теперь-то, когда имеется вполне Международное Товарищество Рабочих, объединяющее сотни тысяч рабочих революционных и анархо-синдикалистов во всех странах Европы и Америки!

Каково, однако, некустарное отношение «Платформы» к профдвижению? Ответ прост: типично большевистское, с которым боролся и борется, с момента возникновения Коминтерна, весь международный революционный синдикализм и анархо-синдикализм. Платформисты стремятся к его амортизированию. И те и другие считают это возможным при непременной связи с организацией анархических (большевики – большевистских) сил вовне этого движения, то есть в партии. И те и другие уверены, что «лишь при наличии такой связи возможно предотвращение в нем (в революционном синдикализме) уклонов в сторону оппортунизма». Они считают, таким образом, что профсоюзы под опекой партии, которая, по-видимому, никогда не может стать оппортунистической (платформисты еще не доросли до того, чтобы убедиться, что участь *всех* политических партий – это стать оппортунистическими) и всегда останется революционной.

Большевики и платформисты имеют одни и те же методы завоевания профдвижения: ячейки внутри союзов, подчиненных в своей деятельности инородной профсоюзу организации – партии. «Фабрично-заводские анархические группы, работающие над созданием анархических синдикатов, ведущие борьбу в революционных синдикатах за преобладание анархической идеологии в синдикализме и за идейное (только ли идейное?) руководство им, направляемые в своей деятельности общей анархической организацией (читай: партией), к которой принадлежат – вот смысл и форма анархического отношения к революционному синдикализму и родственным ему профдвижениям» (стр. 20).

Правда, непонятно, почему этот «смысл» и эта «форма» называются анархистскими, когда всякий рабочий великолепно знает, что они и по сей день называются большевистскими!

«Мы должны входить в революционное профдвижение в качестве организованной силы (то есть партии), ответственной за работу в синдикатах перед общей анархистской организацией (то есть перед партией, *а не перед профсоюзом*) и руководимой этой организацией» (стр. 20).

Читателю легко убедиться, что все это списано с большевистской программы. Когда же вопрос был поставлен о взаимоотношениях анархической организации с

синдикатами¹, авторы «Платформы» не менее большевистски ответили: «Входить в союзы организовано, значит входить в них с определенной идеологией, с *определенным планом работы*, которая у всех анархистов, работающих в синдикатах, должна быть строго согласована». Иначе говоря, анархисты будут приходить в союз с готовыми рецептами и будут проводить свои планы, если и нужно, вопреки воле союза. Опять-таки, точная копия большевистской тактики: партия – гегемон, профсоюз – подчиненная организация.

И как бы будущая анархо-коммунистическая партия ни хотела руководить лишь *идейно*, приходится никогда не забывать, что за идеями и за идейным руководством стоят живые конкретности, люди – носители этих идей. И это идейное руководство всегда выльется в *определенную вещественную конкретную форму*. Таких форм имеется несколько. Укажем главные! Форма *партийная*, которая разнообразится, подобно государственному режиму, от монархии и диктатуры неограниченной до широкой представительной демократии. И форма *конфедеративная*, применяемая в недрах второго Международного Товарищества Рабочих, то есть в недрах международного революционного синдикализма и анархо-синдикализма: форма эта – прообраз скелета будущего общества, которое с первых же дней социальной революции должен будет начать обрывать плоть.

Платформисты встали на первый путь. Они перегнули палку в ту сторону, в которую, после большевистского партийного опыта, гнуть ее уж совсем не подобало.

Авторы «Ответа», наоборот, ударились в другую крайность: вопрос о руководстве устраняют совершенно и ставят себя в неестественное положение, в котором никто не в состоянии пребывать долгое время: «Анархисты должны быть везде и всюду, *сотрудниками и помощниками* масс и революции, но ни шагу далее». («Ответ», стр. 16). Здесь царит слишком наивное и детское понимание роли анархистов. Если в деятельности и борьбе боятся руководства ради боязни выделения из общей массы и довольствоваться все время равнением по среднему уровню, то логически лучше совсем не сливаться с массой, а ждать, когда эта «масса» попросит помощи, *вся целиком*, как «масса». Именно *целиком*, ибо авторы «Ответа» проводят между массами и личностью такую невозможную границу, они так устанавливают взаимоотношения между массой (как будто масса является какой-то монолитной конкретностью) и личностью, что всякое выделение из массы кого бы то ни было уже есть преступление.

«Мы не возлагаем на анархистов миссию *руководить* массами, а считаем их призванными только *помочь* массам, *поскольку последние будут в этой помощи нуждаться*», говорят нам авторы «Ответа». Пустые слова, которыми питались все те, которые никогда не могли проявлять ни малейшей инициативы. Ведь ясно, что «масса» никого просить не будет. Надо будет самому войти в массу, в ней работать и вести борьбу за душу этой массы, стараясь *идейно* ей завладеть и дать ей направление, то есть неизбежно руководить ей.

Сами авторы «Ответа» невольно приходят к выводу о необходимости работы анархистов в массе... не дожидаясь призыва на помощь: «В массовых организациях *социального и экономического* характера анархисты, являясь частью масс, будут действовать, строить, творить вместе с последними. Здесь для них откроется огромное

¹ См. статью Марии Корн, «Дело Труда», № 18. (прим. Максимова).

поле непосредственной идейной и социальной творческой деятельности, в которой они ни в коем случае не должны будут ставить себя в каком бы то ни было отношении *выше* других членов – свободно, товарищески действенной массы».

Все это так сладко сказано, что с умилением приходится смотреть на обрисованную авторами «Ответа» никому не известную и нигде не существующую «массу». Они, ясно, привыкли абстрактно смотреть на анархизм, абстрактно и смотрят на все. Для них масса это нечто однородное, химически чистое, благородное, добродушное и добродетельное. Такой массы нигде не найдешь. «Масса» слишком разнородна и разношерстна, чтобы можно было по легкой и довольно легкомысленной формуле «Ответа» построить массу под один мягкий, сладкий гребешок. Неизбежно, работая в массе, стать выше нее. Массы сами выдвигают вождей и, конечно, не за их пассивность. Как бы анархисты не ограничивались «известным, свободным и естественным идейным и нравственным влиянием на окружающую среду», они неизбежно придут, в случае успеха их работы, к свободному, естественному идейному и нравственному *руководству* «окружающей средой», то есть массой.

Вопрос не в отрицании *руководства*, а в том, чтобы сделать его *свободным и естественным*.

Массы всегда будут руководиться «теми или иными идейно-политическими группировками», даже в анархическом строе, но отсюда отнюдь не вытекает, как думают авторы «Ответа», что при известных, выше указанных условиях, массы не в состоянии будут свободно творить.

VIII. Переходный период

Большим вопросом в анархических рядах стал вопрос о «переходном периоде». Авторы «Платформы», останавливаясь на нем, заявляют, что переходный период есть «определенная фаза жизни народа, характеризующаяся разрывом со старым строем и установлением новой экономической и политической системы, которая, однако, еще не содержит в себе полного освобождения трудящихся» (стр. 17). Ввиду этого она отклоняет переходный период как явление не анархичное. А неанархично оно потому, что «в результате социальной революции должно образоваться не анархическое общество, а некий «икс», несущий в себе элементы и пережитки старой капиталистической системы» (стр. 17), и как-то: «принцип государственного принуждения, частичную собственность на средства и орудия производства, наемничество и многое другое». Вместо всех этих зол «Платформа» отстаивает стопроцентную социальную революцию, которая одним ударом установит такой общественный порядок, в котором нет и намека на присутствие элементов старого общества.

Неужели в наших рядах находятся еще мыслящие люди, считающие, что такого рода перспектива реализуема в действительности? Мы, с нашей стороны, считаем это *абсолютно невозможным*. Да и сами авторы «Платформы», по присущей им привычке заявлять одно, а разъяснять другое, заявляют, что «анархо-коммунистическое общество, в своем законченном виде, не сложится само по себе, в силу лишь социального переворота» (стр. 21). Логический вывод из этого, что для окончательного оформления анархо-коммунистического общества нужен некий *отрезок времени*, то есть переходный период! И «Платформа» это прямо и заявляет: «Осуществление его (общества) представит собой более или менее длительный социально революционный процесс, направляемый организованными силами победоносного труда по определенному пути» (стр. 21).

Процесс есть функция времени, и время, в течение которого этот процесс совершается, и есть *переходное* время, характеризующееся рядом конкретных мер, приближающих новое общество к идеальной анархической завершенности и к его заполнению анархическим содержанием. Эти конкретные меры, даже те, которые выдвигаются «Платформой», утверждают лишний раз неизбежность переходного периода, выдвинутого русскими анархо-синдикалистами еще в 1918 году.

«Единая мастерская производителей, принадлежащая, в целом, всем трудящимся и никому в отдельности... Продукты составят общий продовольственный фонд трудящихся, из которого каждый участник нового производства будет получать все необходимое на равных со всеми основаниями. Новое производство полностью уничтожит наемничество и эксплуатацию... Хозяина не будет... Вот первый практический шаг по пути осуществления анархического коммунизма» (стр. 22–23).

И это называется «первым шагом»! Ясно, что авторы «Платформы» приняли девятый месяц беременности за первый.

Сами авторы «Платформы» ведь говорили, что принципу «каждому по потребности» будет предшествовать «принцип целесообразности»¹... опять-таки переходная мера. «Платформа» совсем спасовала перед решением земельного вопроса, а именно, что в промышленности – коммунизм, а в земледелии – индивидуальное хозяйство, с правом собственности на продукты хозяйства... то есть необходимость товарообмена с городом, продолжающаяся, пока огромная масса крестьянства не перейдет к коммунизму в производстве и в распределении. Опять-таки, процесс довольно длительный, в течение которого должны будут быть предприняты ряд мер, ускоряющих этот процесс.

Протест «Платформы» и других анархистов против переходного периода – это еще дань, которую наши товарищи платят пережиткам, оставшимся от того времени, когда анархисты мало или совсем не задумывались, в сущности, о значении и процессе социального переворота. Но как только с этих туманных высот анархисты спускаются на грешную, практическую, материалистическую землю, приходится, волей-неволей *быть* за переходный период... а говорить и писать против него – для очистки закаменелой совести.

¹ suitable (англ. «целесообразный»).

IX. Созидательная программа «Платформы»

Построительная часть «Платформы» отличается своей примитивностью. Анархистское строительство нового общества сводится к производству и потреблению, как будто организация общества только этим и ограничивается. Такое примитивное понятие, взятое напрокат у революционного синдикализма дней его колыбельной жизни, свидетельствует о бессилии со стороны авторов «Платформы» подойти вплотную к созидательной программе.

Революционный синдикализм, принимающий ныне наименование *анархосиндикализма*, уже далеко ушел вперед – главным образом под влиянием русского опыта – от такого упрощенного взгляда на строительство будущего общества. Группа же русских анархистов за границей, затеявшая «Платформу», ныне выдвигает этот примитивизм как нечто новое...

Посмотрим, однако, как пытается «Платформа» разрешать основные моменты при новом строительстве.

Производство. Вопрос этот для «Платформы» сводится, главным образом, к форме управления им, а не к его организации. Да и форму управления «Платформа» рисует себе довольно по-детски: фабрично-заводской комитет как низовая форма управления, объединение фабзавкомов в городском, областном и национальном масштабе. Вот и все.

Такая схема управления производством не только далеко не похожа на *«единую мастерскую»*, но скорее смахивает на единую свалочную кучу фабрик, заводов и мастерских разных отраслей промышленности. По мнению «Платформы», все фабзавкомы бесчисленных отраслей промышленности любого большого города должны объединиться и создать орган управления промышленностью данного города. Попробуйте-ка наладить производство, когда промышленные предприятия, объединенные по территориальному признаку, свалены в кучу, а не объединены индустриально! Ноев ковчег! Хаос и разруха!.. И это единственное конкретное предложение авторов «Платформы» в области организации производства! Все остальное – обычные громкие фразы, ничего на деле не обозначающие.

Зато «Платформа» замалчивает обо многом *конкретном*, вытекающем из практической организации труда и производства. Так, например, заявляется о том, что *промежуточные* классы и буржуазия должны будут заниматься физическим трудом, но совершенно игнорируется вопрос: сможет ли Социальная Революция предоставить работу этим «промежуточным классам», буржуазии и пролетариату тех учреждений и отраслей промышленности, которые будут уничтожены революцией. Русская революция не могла справиться с этой задачей. Как революция, творимая авторами «Платформы», справилась бы с ней? И здесь молчание...

Продовольствие. И здесь ничего нового, ничего свежего; повторяются старые анархо-синдикалистские и анархистские положения. Единственная новизна, это – *принцип целесообразности* при распределении продовольствия. Принцип, заимствованный у большевиков: людей физического труда – много, людей умственного труда высокой квалификации (администраторы, организаторы, ученые, поэты и прочие) – мало; первых можно при бедности ограничить в питании до минимума и ниже, а вторым – усиленный паек! Такой принцип неравенства не только безнравственен, но он, на практике, далеко не целесообразен, ибо устанавливает неравенство в самом основном, создается недовольство и вражда.

Что же касается до организационной стороны распределения продовольствия, то, как многократно указывалось анархо-синдикалистами России, кооперативы являются, в период революции и в течение переходной стадии, наиболее подходящей формой.

Земля. Здесь «Платформа» полностью пасует и удовлетворяется общими фразами. Она отказывается от немедленной коммунизации сельского хозяйства и оставляет нынешний крестьянский уклад без всяких изменений. Она правильно отмечает, что «частное земельное хозяйство так же, как и частное промышленное предприятие, ведет к торговле, накоплению частной собственности и восстановлению капитала». Прекрасно сказано. Но этим самым «Платформа», сознательно оставляя неприкосновенным частное земельное хозяйство, уничтожает все свои анархо-коммунистические настроения и говорит, что создает некий «икс», который нетрудно разгадать: строй анархо-коммунистического «*нэпа*». Этот переходный строй очень далек от переходного периода русских анархо-синдикалистов и очень близок к строю капитализма.

А еще говорят, что они против переходного периода!..

Защита революции. Все согласны в том, что социальная революция будет нуждаться в защите. Вопрос: как организовать эту защиту? Авторы «Платформы» черпают свой ответ у большевиков. Последние имели, в первый период революции, партизанские (красногвардейские) отряды, потом добровольческую армию и, наконец, перешли к армии с воинской повинностью для населения.

Точно то же самое проделывает «Платформа». Анархические принципы обязывают авторов «Платформы» к добровольческим формированиям, то есть к *партизанским отрядам*. Но... гражданская война требует «единства оперативного плана и единства общего командования». Итак, в первый период революции – как и у большевиков – партизанщина; во второй – «когда буржуазия организованными силами пойдет на свержение революции» – армия... опять-таки, как и у большевиков. Как видно, имеются все цвета большевистской радуги: и классовый характер, и добровольчество¹, революционная дисциплина (которая, на деле, всегда есть просто *военная дисциплина*); потом подчинение армии общей для всей страны организации... все уже перенято у большевиков.

¹ Большевики от добровольчества перешли к мобилизации. Махно тоже имел «добровольную мобилизацию». И «платформисты» ее будут иметь... если не прибегнут к наемничеству. (прим. Г.П.).

Пункт о защите революции типично государственночески разрешается «Платформой»: иметь развязанные руки по отношению к *опекаемому* населению, что достигается при помощи армии, подчиняющейся только верховным органам власти.

Решение вопроса защиты революции лежит в принципе *всеобщего вооружения трудящихся*, выдвигаемом русскими анархо-синдикалистами.

* * *

Мы пришли к концу критики «Платформы». Не станем подводить итогов. Пусть это делают читатели, прочитав «Платформу», «Ответ» и программу русских анархо-синдикалистов.

Часть Вторая. Программа Анархо-синдикализма.

Современное общество в свете Анархизма (Вступление)

Современное общество – общество капиталистическое. Основа его – принцип частной собственности. Характерный признак – товарное производство. Отношения в этом производстве таковы, что орудия, средства производства, все товары и средства их обращения, а также большая часть заработной платы рабочих, занятых в нем, принадлежат незначительному числу лиц – классу капиталистов. Огромная масса населения состоит из обладателей только рабочей силы – физической и умственной, – которую они продают капиталистам – класс пролетариата, или, как бедные и среднего достатка крестьяне и мелкие ремесленники, пользуются ей сами, не продавая ее капиталистам, но всецело от них завися. Благодаря такой механике современного общества на одном полюсе накапливаются сказочные богатства, а на другом – сказочная нищета. Этот факт особенно резко и выпукло выявляется в странах развитого капитализма, где классовое деление общества доведено до отчетливой ясности. «Невозможно провести демаркационной линии между имущими и неимущими классами, так как эти классы смешиваются один с другим, посредством множества промежуточных и неуловимых оттенков. Но в естественном мире также не существует демаркационных линий; тем не менее, существует вполне реальное различие между растениями и животными, между животными и человеком. Так же точно и в человеческом обществе, несмотря на промежуточные звенья, делающие нечувствительным переход от одного политического и социального положения к другому, различие между классами очень определено и всякий сумеет различить крупную буржуазию от мелкой, а эту последнюю от пролетариев фабрик и городов; так же точно, как крупного землевладельца от крестьянина-собственника, собственноручно обрабатывающего землю, и фермера от простого деревенского пролетария» (М.А. Бакунин). Такой порядок современного общества охраняется всей мощью государства, его моралью и религией.

В капиталистическом обществе все основано на купле-продаже. Рынок – характерная система распределения произведенных ценностей. Поэтому в нем все становится товаром (не только материальные ценности – товар, но и наука, искусство и даже моральные ценности – товар), то и огромная масса людей (работники физического и умственного труда), вынужденная голодом работать по найму, – тоже товар. Особенность этого товара – мысль, воля, желудок и стремление к человеческому существованию.

Капиталистический класс, охраняемый силой государства, владеет всеми богатствами, вследствие чего принцип современного общества – свободный труд и добровольное соглашение при найме – обращен своей положительной стороной к капиталисту, а не к пролетарию. Эти принципы требуют экономического равенства, а так

как оно отсутствует, то сильнейшая сторона при свободном труде и добровольном соглашении диктует свои условия слабейшей, которая их не может не принять, так как отказ влечет за собой голод. Это именно обстоятельство дает капиталисту возможность присваивать себе львиную долю результатов труда рабочих, выплачивая им не за весь продукт, а лишь столько, сколько необходимо для восстановления затраченной ими силы и для поддержания потомства. Всякие попытки ограничить произвол капиталиста, всякие шаги рабочих, направленные к улучшению своего положения, преследуются с варварской жестокостью государством, всячески облегчающим капиталистам борьбу с рабочими.

Развитие науки и техники в наименьшей степени идет на пользу обездоленных трудовых масс. Плодами науки и техники пользуется небольшая кучка имущего класса, класса эксплуататоров. Необычайный прогресс и мощь капитализма обязаны успехам науки и техники. Постоянные усовершенствования техники все более и более механизмируют производство. Механизация производства неизбежным образом приводит к господству крупных предприятий. Мелкие предприятия поглощаются крупными или ставятся в полную зависимость от крупного капитала – происходит процесс пролетаризации, увеличивающий кадры наемных рабочих. Кроме того, постоянное совершенствование механизации производства, увеличивая продукцию и скорость обращения товаров, ставит предпринимателей все в меньшую зависимость от живой рабочей силы, дает им возможность под защитой силы государства в широком размере пользоваться трудом социально слабых элементов – женщин и детей, вследствие чего совершенствующая механизация производства сопровождается ростом безработицы, которая неизбежно ставит наемный труд в тягчайшую зависимость от капитала и усугубляет степень его эксплуатации, и увеличивает нищету. В настоящее время, благодаря прогрессу техники, имеется полная возможность, при огромной экономии времени и человеческих сил, производить во много раз больше, чем нужно для удовлетворения всех необходимых потребностей всех людей, и тем не менее, в силу капиталистической организации, миллионные массы страдают от недостатков продуктов производства, не имеют возможности удовлетворить даже самые элементарные потребности в пище, одежде, в жилище и образовании, миллионы не могут найти применения своих сил – безработица из явления периодического стала постоянным.

Такое состояние внутри капиталистических стран приводит к понижению покупательной способности широкого населения, что затрудняет сбыт товаров внутри страны. Товары, не находя сбыта внутри страны, направляются на международный рынок, где приходится конкурировать с другими странами. Следует кризис, а за ним период застоя, влекущий разорение для мелких предприятий и ухудшение положения трудящихся.

Хаос в производстве и необузданная конкуренция на рынке привели к организации мощных монопольных капиталистических объединений – трестов, картелей и синдикатов, которые с начала XX-го века получили огромное значение в экономической и политической жизни каждой индустриально развитой страны. С этого времени развитие капитализма пошло по пути слияния промышленного и финансового капиталов – капитализм вступил в новую стадию развития, наступила эпоха империализма, являющаяся предельным пунктом капиталистического развития. Со-

временная стадия капитализма – есть стадия полной зрелости империализма, когда финансовый капитал занимает командные позиции. Дальнейший путь капитализма – путь деградации, которая болезненно будет отражаться на трудовом населении. Характерная особенность империализма – концентрация и централизация капитала, монопольные капиталистические объединения: синдикаты, тресты, картели, которые в настоящее время имеют решающее значение не только в экономической и политической жизни своей страны, но и в жизни народов мира вообще.

Усиленный вывоз денежного капитала в другие страны, организация в них промышленных предприятий, большая заинтересованность в эксплуатации природных богатств и живой рабочей силы настолько тесно переплели интересы национальных империалистов, что последние совершенно оставили предрассудочную идею отечества, предоставив ее эксплуатируемым, и пришли к интернационализму.

Капитал не знает отечества. В настоящее время гигантские тресты охватывают ряд государств. Эти объединения, имея одну и ту же цель – господство над миром, – находятся в смертельной вражде друг с другом. Такое состояние капиталистического общества порождает острую борьбу за рынки. Эта борьба держит государства в состоянии «вооруженного мира», периодически переходящего в войны, как в 1914-1918 годах. Эта мировая империалистическая война привела к неравномерному разделу мира между победителями, к новой обостренной борьбе и соперничеству, что неизбежно ведет к новой и еще более ужасной мировой войне за счет пролетариата и крестьянства. Империализм – источник войны, и человечество будет страдать от войн до тех пор, пока существует капиталистический строй.

Рост империализма питает безработицу, стабилизирует ее, усиливает гнет трестов, который освящается религией и поддерживается государством и законом, что затрудняет и осложняет борьбу пролетариата, которая все же, благодаря росту классового сознания у эксплуатируемых, с каждым днем разгорается сильнее и ярче. Все это делает абсолютно неизбежным уничтожение существующей формы общества и переход к более совершенной организации его.

Самой грандиозной в истории попыткой перехода к новым общественным формам были революции 1917-1921 годов в Центральной Европе и особенно в России, явившиеся результатом капиталистического развития и империалистической войны. Ни Русская, ни Германская революции не справились с задачами, поставленными им историей, но Русская революция в своем падении вскрыла природу государственного социализма и его двигательные пружины, обнаружив, что между государственно-социалистическим и буржуазным обществом нет большой принципиальной разницы – как то, так и другое стремятся к разрешению неразрешимой задачи: сочетать свободу и власть, равенство и эксплуатацию, довольство и нищету. Она показала, что между этими обществами, кажущимися столь непримиримыми и антагонистическими, существует лишь количественная, а не качественная разница: разрешение социальной проблемы в духе строгого, логически последовательного властнического коммунизма, с применением методов, свойственных его природе, имевших место в Русской революции, говорит о том, что и количество не всегда на стороне авторитарного коммунизма, а что наоборот, логически развитый до конца, он во многом сближается с деспотизмом.

Опыт строительства властнического коммунизма в России дает возможность характеристики и анализа его строя. Главную экономическую особенность коммунистического государства составляет продуктивное производство (продукт становится товаром) на основе бюрократических производственных отношений, при которых все орудия, средства производства, распределение продуктов, труд населения и личность всецело принадлежат государству, находящемуся в руках малочисленного класса бюрократии. Все остальное население состоит из работников, вынужденных отдавать свою рабочую силу государству-тресту и своим трудом созидать мощь этого треста и лучшее экономическое положение для управляющего класса.

Область бюрократических производственных отношений охватывает всю экономическую жизнь общества и ставит трудовой класс в абсолютную зависимость от государства, которое расписывает население по профессиональным группам, подчиняет его управлению бюрократии, принуждает работать под непосредственным контролем чиновников и рассматривает человеческую личность только как рабочую силу по своему усмотрению, считаясь только со своими интересами, и понуждает к работе военной дисциплиной. Государство-коммуна превращает, таким образом, трудящихся в бездушные единицы централизованной коммунистической машины, направляемые в течение всей их жизни к максимальному выполнению производственных заданий, воли государства и к минимальному проявлению самостоятельности, инициативы и собственной воли. Такое положение обуславливает общественное неравенство, упрочивает классовую структуру общества и господство бюрократии.

Неизбежным результатом такой организации общества является сильное полицейское государство, которое подчиняет всю жизнь граждан во всех ее проявлениях. Сильное объединением власти, коммунистическое государство подчиняет всех полнейшей регламентации и следит за всеми при помощи сыскных учреждений. Такая система уничтожает свободу передвижения, союзов, собраний, слова, печати, борьбы, воспитания, образования, личности и жилища, вторгается даже в область интимных отношений своих граждан.

Развитие такого строя неизбежно приводит к обострению его внутренних противоречий и, как при капитализме, к классовой борьбе, но уже более затруднительной и жестокой, чем при капитализме.

Русский опыт, независимо от его материальных предпосылок, показал неосуществимость такого строя, вынудив его творцов отказаться от строительства коммунистической казармы в пользу или свободного коммунизма, требующего для своего осуществления раскрепощения населения от полицейской опеки, или в пользу капитализма, сохраняющего эту опеку; большевики, в целях сохранения своей власти, избрали последний путь, путь государственного капитализма.

Русская революция, начав со свободы и ликвидации буржуазного общества, вследствие применения аристократического принципа диктатуры, через «военный коммунизм» пришла к исходному пункту – к капитализму. Однако, она, подобно Великой Французской революции, завещала миру идеи, которые отныне являются основными стремлениями XX-го века и точкой прицела революционных движений трудящихся масс всех стран, рас и народов.

Только анархо-синдикалистская революция может вывести пролетариат и все человечество на путь истинной свободы, равенства и братства, только она спасет человечество от войн, ибо всякое государство, даже самое красное, империалистическое по своей природе.

С банкротством государственного коммунизма в России, социалистической демократии в Германии, с возрастающим ростом противоречий внутри капиталистического общества, во всем мире растет и ширится борьба трудящихся против существующего общественного порядка, а продолжающийся технический прогресс, приводя к укрупнению промышленных предприятий и к обобществлению в них производственных процессов, создает необходимые материальные предпосылки для перехода от хозяйства капиталистического к хозяйству более совершенному – свободно-коммунистическому, облегчает этот переход и делает вполне возможной и реальной успешную социальную революцию, которая является основой устремлений международного анархо-синдикалистского движения.

Только социальная революция в состоянии уничтожить частную собственность и ее оплот – государство и установить общественную собственность и безгосударственную организацию общества на основе свободного союза производственных единиц: фабрик и деревень. Только эта революция может обеспечить свободу, благосостояние и свободное развитие личности в обществе и самого общества. Только она прекратит деление общества на классы и уничтожит всякую возможность эксплуатации и управления человека человеком.

Опыт Русской революции показал, что необходимым условием успешного завершения социальной революции является коммунально-синдикальный строй, покоящийся на анархической и коммунистической базе и являющийся тем переходным периодом к полной анархии и коммунизму, который неизбежно следует за уничтожением государственно-капиталистического общества и позволяет пролетариату не только подавить контрреволюционное сопротивление паразитических классов, но и избежать социалистического деспотизма, как в форме «диктатуры пролетариата», так и во всяких иных формах.

Этот переходный строй или стадия имеет ту особенность, что в нем, как говорит Бакунин, «земля принадлежит только тем, кто ее обрабатывает своими руками – земледельческим общинам. Капиталы и все орудия труда работникам – рабочим ассоциациям». И где «вся политическая организация должна быть ни чем иным, как свободной федерацией вольных рабочих, как земледельческих, так и фабрично-производственных союзов», то есть коммунизм в политике: федерация вольных деревень, синдикализм в экономике: федерация вольных фабрик и мастерских, как организационная форма коммунизма. При такой системе фабрики и деревни, объединенные между собой, постепенно становятся производственно-потребительскими коммунами.

«Деревни и фабрики, говорит Бакунин, которые переорганизуются таким образом, снизу вверх, не создадут с первого раза идеальную организацию, во всех пунктах согласную с нашими мечтами. Но это будет организация жизненная, и как таковая, в тысячу раз высшая сравнительно с ныне существующей. Эта новая организация, оставаясь всегда открытой для пропаганды, и не могущая более быть закрепленной и, так сказать, окаменелой, вследствие юридической санкции государства, будет

свободно прогрессировать, развиваясь и совершенствуясь не по намеченному плану, но всегда свободно и жизненно, никогда не декретированная и не легализованная, пока не достигнет такой степени целесообразности, какой можно надеяться в наши дни».

Перед трудящимися классами стоит, таким образом, грандиозная проблема освобождения и обновления мира, задача международного анархо-синдикализма – активно содействовать выполнению этой задачи.

В целях более правильного и скорейшего разрешения поставленной перед пролетариатом исторической проблемы, анархо-синдикалисты, исходя из опытов классовой борьбы, революций и особенно из величайшего исторического опыта – русского, развивают конкретно задачи переходной стадии (момента перехода от капитализма к анархическому коммунизму), заполняют ее конкретным содержанием и, исходя из учета основных стремлений века и их направления определяют основные задачи этого периода нижеследующим образом.

Конструктивная программа

Отдел Первый. Экономическая область.

Глава I. Обработывающая промышленность.

1. Опыт империалистической войны и неудавшейся социальной революции в России показал, что капиталистическое общество не так богато, как мы предполагали раньше в теории.

2. Опыт русской революции установил ту экономическую истину, что социальная революция увеличивает потребление и уменьшает производство, и

3. Что страна, поднявшая знамя социальной революции, неизбежно будет находиться в кольце агрессивно настроенного буржуазного окружения.

Таким образом, русская революция установила, что социальный переворот влечет возрастание потребления и понижение производства, что в свою очередь влечет голод. Поэтому необходимо заранее предусмотреть практические средства, предотвращающие или в значительной степени парализующие неблагоприятные последствия. Эти средства заключаются в том, как, кем и на каких принципах будет организовано производство и защита революции.

4. *Опыт русской революции* совершенно определенно установил опасный и вредный характер *принудительного принципа* в производстве; анархо-синдикалисты решительным образом отбрасывают принудительные трудовые мобилизации, трудовые армии или иные подобные этим мероприятия. Основной принцип синдикализированного производства – свобода труда, то есть право каждого свободно избирать род деятельности по своему усмотрению и свободно переходить от одного рода труда к другому. Новое общество, вышедшее из социальной революции, с первых дней своего существования будет изыскивать пути и средства для интеграции труда, дабы однообразность труда не калечила человека в умственном и физическом отношении.

В капиталистическом обществе наблюдается полная разобщенность между промышленным и земледельческим трудом. Анархо-синдикалистское общество, вышедшее из революции, неуклонно будет стремиться к возможно большему сближению промышленности с земледелием и будет изыскивать способы, облегчающие и ускоряющие переход трудящихся к занятию и фабричным и земледельческим трудом.

5. *Опыт организации производства* в России показал, что принцип централизации в производстве приводит к бюрократизации всего аппарата, к рождению бюрократического класса, к устранению производителей от управления общественным хозяйством, к убиению самостоятельности производителей и к хозяйственной раз-

рухе. Учитывая этот опыт, анархо-синдикалисты строят производство на основе технической концентрации и административной децентрализации.

Таким образом, русская революция дает возможность разрешить вопрос организации производства, избегая ее собственных ошибок, в соответствии с интересами трудящихся масс.

6. *Ее опыт свидетельствует*, что, как говорит Кропоткин, «никакое правительство не в силах наладить производство, если за это дело не возьмутся сами рабочие, через посредство своих производственных союзов». Но чтобы трудящиеся массы могли убедиться в необходимости увеличения производства предметов потребления, чтобы они с самого начала направили к этому свои усилия и энергию, необходимо, чтобы «все общие заботы о народном хозяйстве, предоставленные теперь, по старой привычке, целой ораве всяких министров и комитетов, были представлены, в простой форме, перед всяким селом, деревней и городом, перед всякой фабрикой и заводом, как их собственное дело, и были предоставлены им в их собственное заведывание» в интересах всего трудового населения.

Исходя из всего изложенного, анархо-синдикалисты считают необходимым внедрять в сознание широких трудовых масс необходимость «организации производства на принципе обобществления и децентрализации, на принципе общественно-трудового контроля над социализированным производством, что все возможно лишь при замене существующей производственной организации синдикалистской, то есть при синдикализации производства, требующей его перехода в руки рабочих производственных организаций, объединенных по прямой производственной линии, с предоставлением полной автономии каждому звену организационной цепи, превращая их в производительно-потребительские коммуны»¹.

В соответствии с революционным опытом России, организационный аппарат синдикализированного производства должен опираться на наиболее простые, близкие и понятные трудящимся формы объединения, имеющие корни в самой революции и предоставляющие производство в их собственное и непосредственное заведывание, как например, фабрично-заводские комитеты, организующие рабочее заводоуправление и контроль на местах.

В интересах успешной реализации коммунизма в промышленности, планомерности и согласованности производства, а также в целях предотвращения возможности захвата отдельных предприятий для личного пользования исключительно только работающими на них группами создается система объединения, которая, не нарушая свободы составных частей, связывает ответственными техническими, статистическими и административными узами все индустрии и всю промышленность в одно органическое целое. (стр. 23. Кропоткин).

Эта система имеет следующий вид:

- а) Самоуправляющаяся фабрика – производственная коммуна.
- б) Производственные союзы фабрик-коммун.
- в) Союзы производственных объединений.

¹ Максимов привёл цитату из резолюции «Об экономическом устройстве России», принятой на II Всероссийской конференции анархо-синдикалистов, проходившей в Москве 25 ноября – 1 декабря 1918 года. См.: Анархисты. Документы и материалы. 1883-1935 гг.: 2 т. Т. 2. С. 280-281.

г) Всеобщая конфедерация труда (Совет Народного Хозяйства и Культуры).

Организованная таким образом промышленность управляется на началах коллективности, широкого общественного контроля на широком применении принципа отзыва делегатов; что касается внутреннего распорядка, то проводимый принцип самодисциплины устраняет какие бы то ни было специальные дисциплинарные институты.

7. *Задача повышения* производительности и научной организации производства, при отсутствии у пролетарской массы научно-технических познаний, требует, как показал опыт России, самого широкого и всестороннего использования технической интеллигенции, остающейся в наследство от капиталистического строя; хотя большинство ее пропитано буржуазными настроениями, *тем не менее, в интересах революции она не должна быть ограничена в правах – равенство для всех с первого дня социального переворота.*

8. *Так как нет возможности* с первого же дня социального переворота установить полный коммунизм в потреблении на основе «каждому по потребностям», то необходим ряд практических мер, ведущих к осуществлению полного коммунизма в потреблении; первым реальным шагом к коммунизму является осуществление принципа «равная доля для всех». Равная доля, по мере возрастания производительности синдикализированной промышленности, должна, мало-помалу, натурализоваться и постепенно свестись к принципу «каждому по потребностям». Критерием равной доли будет прожиточный минимум, с прибавкой на семью. Размер этой доли будет расти с ростом богатства национальной коммуны.

Что касается ремесленной, кустарной и мелкой промышленности, анархо-синдикалисты, отвергая принцип насильственного их объединения в крупные предприятия, проводят принцип кооперации. Предоставляя полный простор и свободу для инициативы, они стремятся лишь к объединению разрозненных усилий кустарей, ремесленников и мелких предприятий через соответственное свободное их кооперирование, чтобы они могли использовать все приобретения науки и техники.

Глава II. Добывающая промышленность

I. Сельское хозяйство. КАК АНАРХИСТЫ ПРЕДЛАГАЮТ ОРГАНИЗОВАТЬ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО?

- Земледелие -

Земледелие есть важнейшая отрасль добывающей промышленности не только по числу лиц, в ней занятых, которое огромно во всех странах, но и по той роли, какую оно играет в общественной жизни народов.

Судьбы коммунизма в огромной степени зависят от земледелия. Между тем, земледелие есть наиболее трудная область для коммунизации. Здесь положительная роль капитализма, заключающаяся в механизации производства и социализации труда, незначительна, поэтому земледелие в техническом и организационном отношении является наиболее отсталой отраслью промышленности.

Десятки миллионов земледельческих хозяйств представляют собой неорганизованную индивидуалистическую, мелкособственническую стихию, которая, независимо даже от технической отсталости, сама по себе представляет для коммунизма трудно преодолимое препятствие. Это чрезвычайно важный для коммунизма факт, ибо форма землевладения и техника земледелия являются указателями степени и характера возможной социальной революции.

Капитализм, соединяя в одном предприятии отдельных производителей, социализировал труд, подготовил тем самым почву для социализации владения, которая неизбежно ведет к коммунизации промышленности, и создал прообраз формы коммунистической организации труда и владения – фабрику как свободную в будущем производственно-потребительскую коммуну.

В обрабатывающей и в некоторых отраслях добывающей промышленности капитализм уже подготовил почву для коммунизма и синдикализации² производства, через экспроприацию капиталистов и государства, ныне является единственно возможным и абсолютно необходимым решением рабочего вопроса. Социализированный труд облегчает переход, в форме синдикализации, к коммунистическому владению.

Совсем иначе обстоит с земледелием. Социализирующая сила капитализма в земледелии незначительна. Мелкое крестьянское хозяйство является преобладающим типом земледельческого хозяйства, вследствие чего в земледелии индивидуализм владения и индивидуализм труда неразрывны. Этот чрезвычайной важности факт обуславливает обратный промышленности порядок движения земледелия к коммунизму.

В промышленности коллективный труд неизбежно ведет, через экспроприацию, к коллективному владению, в земледелии же, наоборот, коллективное владение ведет к коллективному труду.

Коллективизм владения в земледелии сам по себе, однако, не влечет коллективизма труда, который в условиях примитивного ведения земледельческого хозяйства десятками миллионов разрозненных крестьянских дворов, не может в значительной мере изменить условий успешности труда. Коллективное владение ведет к коллективному труду только при условии перехода от экстенсивного хозяйства к интенсивному и при механизации земледелия, когда примитивные орудия обработки заменяются такими, которые по своей природе требуют объединения трудовых усилий всех или нескольких членов земледельческой общины. А так как общественные привычки нельзя изменить декретным порядком и так как изменение их обуславливается постепенным нарастанием самых незначительных изменений, то для социализации труда, завершающей коммунизации земледелия, требуется значительный период времени.

Коммунизация земледелия складывается из двух элементов:

² Синдикализация – Максимов имеет в виду реорганизацию производства в процессе социальной революции, предлагаемую анархо-синдикалистами. Созданные ранее массовые анархо-синдикалистские профсоюзы (синдикаты), построенные по отраслевому признаку, должны были во время революции взять в свои руки управление в каждой конкретной отрасли промышленности, транспорта и сферы услуг. Межотраслевое объединение профсоюзов должно было координировать деятельность отраслей производства.

1. из социализации основного средства производства – земли,
2. из социализации труда.

Социализация земли – акт революционный, насильственный, успешность которого зависит от силы; социализация же труда – процесс, требующий определенных условий для своего развития, которых еще нет и которые нужно создать в условиях коллективизма владения землей.

Коммунизация земледелия, таким образом, имеет два момента, не совпадающие целиком по времени, поэтому и анархо-синдикалистская программа коммунизации земледелия распадается на две части: 1-я – Социализация земли, 2-я – Социализация труда.

а) Социализация земли

1. Полная отмена права собственности на землю: индивидуального, группового, корпоративного, коммунального, муниципального и государственного. Земля – общественное достояние.

2. Фактом обобществления земля изымается из товарного оборота: никто не имеет права покупать, продавать, сдавать землю в аренду или извлекать из нее нетрудовой доход. Каждый обязан обрабатывать ее личным или кооперативным трудом.

3. Каждый имеет равное со всеми право на равную долю земли и такое же право свободно прилагать к ней свой труд.

4. Основная норма землепользования и доля каждого в земле должна быть определена национальным съездом Союзов Крестьянских Общин, входящих в состав Всеобщей Конфедерации Труда.

5. Подобно тому, как различные отрасли производства находятся в ведении соответствующих производственных союзов, точно так же земля, землеустройство, переселенческое дело и агрономическое дело должно находиться в ведении Союза Крестьянских Общин.

б) Социализация труда

1. Социализация земли есть необходимое предварительное условие для социализации труда, завершающей коммунизацию земледелия; только при обобществленном труде и собственности обобществляется продукт труда, то есть устанавливается полный коммунизм.

2. Общество, вышедшее из революции и социализировавшее обрабатывающую и частично добывающую промышленность, должно озаботиться изысканием мер, которые бы поставили земледельческое население в равные или почти равные условия с городским населением, ибо отсутствие равновесия в пользу города может повлечь стихийный поток в город земледельческого населения, что вызовет большие экономические затруднения и расстройство производственного аппарата.

3. Полное соответствие земледельческого режима с режимом социализированного производства возможно только при коммунизме в земледелии, поэтому организация коммунизма в земледелии встанет на очередь дня в первые же дни революции.

Приступая к организации коммунизма в земледелии, анархо-синдикалисты не видят прогресса ни в уничтожении мелких крестьянских хозяйств, ни в насаждении хозяйств мамонтового типа³.

Принудительную всеобщую трудовую повинность и армии труда анархо-синдикалисты рассматривают как реакционное явление. Анархо-синдикалисты стремятся к объединению трудовых усилий мелких хозяйств на добровольной основе, то есть стремятся к созданию таких хозяйств, которые совместимы со свободой личностей и коллективов.

Таковыми хозяйственными формами будут: а) кооперативные, как наиболее доступные сознанию и уровню развития большинства земледельческого населения, которое в своей массе не сможет сразу отрешиться от экономического индивидуализма, и б) коммунистические в виде свободных сельскохозяйственных коммун, входящих в состав всего коммунистического хозяйства в таком же порядке и на тех же основах, что и фабрики.

4. В интересах успешности производительности коммунистических хозяйств земледельческие коммуны не должны быть громоздкого типа. Нормальным типом земледельческих коммун следует считать объединение десяти средних крестьянских дворов с уравнилельно-трудовой нормой земли, с отделенным от производства домохозяйством.

В зависимости от различных местных условий земледельческие коммуны могут и будут составляться и из целых, не разбитых на десятки, селений, как и кооперативные хозяйства.

5. Таким образом, земледельческое хозяйство переходного времени будет представлено тремя основными типами хозяйствования: а) индивидуальными, б) кооперативными и в) коммунистическим. Преобладающим типом, первое время, несомненно, будет индивидуальное хозяйство.

6. В целях успешного и скорейшего изжития индивидуальных форм в земледельческом хозяйстве и превращения всей страны в единую производственно-потребительскую Коммуну необходимо проведение системы таких мер, которые по своей природе логически и неизбежно толкали бы индивидуалистическую стихию в русло коммунизма, и такие, которые устранили бы разлагающее влияние индивидуалистической системы земледелия на социализирующее хозяйство и не только устранили бы разлад между двумя противоположными хозяйственными системами, но и установили бы гармонию, необходимую для нормального развития процесса социализации труда в земледелии. Объективные условия диктуют два рода таких мер: *Система наступательных мер*, и *Система оборонительных мер*.

Эти меры суть следующие:

А) Система наступательных мер, то есть мер, прямо направленных к ускорению социализации труда в земледелии, складывается из следующих мероприятий:

1. Коммунизация всех без исключения земледельческих хозяйств, в которых труд уже социализирован самим процессом производства, благодаря механизации, и включение этих хозяйств в общую систему коммунистического хозяйства на общих с фабриками основаниях.

³ Речь идет о крупных сельскохозяйственных предприятиях.

2. Коммунизация всех предприятий, занятых переработкой продуктов земледелия и включение их в систему коммунистического хозяйства на общих с обрабатывающей промышленностью основаниях.

3. Коммунизация и кооперация тех отраслей земледелия, которые тесно связаны с перерабатывающей земледельческие продукты промышленностью, как то: сахарной, текстильной, винокуренной, табачной и прочей, и включение коммун данных отраслей земледелия в общую систему коммунистического хозяйства.

4. Коммунизация крупных мельниц и маслодельных заводов со включением их в общую систему коммунистического хозяйства, и кооперация мелких мельниц и маслодельных заводов.

5. Организация товариществ по совместной обработке земли.

6. Организация новых земледельческих поселений на основе полного коммунизма со включением их в общую систему коммунистического хозяйства и организация новых поселений на основе товариществ по совместной обработке земли.

7. Индустриализация земледелия, то есть соединение земледелия с промышленностью посредством перевода и постройки в соответствующих земледельческих районах промышленных предприятий, перерабатывающих продукты земледелия, как то: текстильных, сахарных, консерво-овощных, табачных, пивоваренных, винокуренных, винодельных, крахмально-паточных, веревочно-канатных и пр., и посредством организации сложных промышленно-земледельческих хозяйств с промышленным предприятием в центре, которые по признаку организации в них труда и по признаку связи промышленного предприятия с поставщиками сырья будут следующих типов:

А) Коммунистическое промышленное предприятие обычного типа, взаимодействующее с окружающими индивидуальными хозяйствами на основе коммерческого расчета маслодельно-артельного типа.

Б) Сложное промышленно-земледельческое хозяйство – звено общей хозяйственно-коммунистической цепи, сезонно работающее, промышленный рабочий которого принимает участие в земледелии в периоды наибольшей напряженности земледельческих работ, а земледельческий рабочий в промышленности – в периоды затишья земледельческих работ.

В) Сложное промышленно-земледельческое хозяйство, постоянно действующее, где окружающие предприятие поля и само предприятие представляют единое хозяйство и где труд организован таким образом, что каждый член хозяйства ежедневно, попеременно, работает определенное число часов на поле и на фабрике.

Г) Система оборонительных мер, то есть мер, организующих миллионы индивидуальных хозяйств и их взаимодействие с коммунистическим хозяйством страны, сводится главным образом к кооперативизации, к полному и всестороннему охвату системы индивидуальных хозяйств различными видами кооперации, а именно: кредитной, потребительской, по закупу и сбыту, производительной и подсобно-производительной. Система оборонительных мер – система переходного периода и все учреждения, вырастающие на почве этих мер, суть тоже учреждения переходного периода, постепенно отмирающие или превращающиеся в учреждения свободной производственно-потребительской коммуны.

Поэтому кооперация переходного периода не может быть копией кооперации, развивающейся в пределах капиталистического строя. Интересы переходного к коммунизму периода требуют внутреннего и организационного единства, требуют сложного по функциям низового коллектива, дифференцирующегося, оставаясь единым, в процессе федерирования. Задачи крестьянской кооперации в переходный период сводятся к тому, чтобы быть единственным посредником между коммунистическим хозяйством страны, окружающим индивидуалистическое земледельческое хозяйство и индивидуалистическим земледельческим хозяйством, находящимся в окружении коммунистической системы хозяйства. Организовать между двумя этими типами хозяйственных систем правильный натурально-денежный обмен, превращаясь, мало-помалу, в распределительный аппарат единой трудовой коммуны.

Сложным низовым коллективом кооперации может быть только сельскохозяйственное товарищество, объединяющее низовые функции потребительства, закупа-сбыта, товарищества по переработке, производительно-подсобных товариществ, машинно-прокатных пунктов, случных пунктов, домостроительных и радио-электрификационных товариществ. Союзы сельскохозяйственных товариществ, охватывающие всю страну, возглавляемые Высшим советом сельскохозяйственных товариществ, входящие в тесный контакт с органами коммунистического хозяйства, завершают собой организационную систему индивидуального земледелия, покоящуюся на основе полной самостоятельности самого населения.

Сельскохозяйственный банк натурально-денежного кредитования, с огромным числом отделений, организуемый коммунистическим хозяйством, в деятельность которого будут соответственным образом вовлечены сельскохозяйственные товарищества, кроме кредитования и ссуд, будет вести все операции по обмену внутри страны и вне ее.

Так как Сельскохозяйственные Товарищества возникли внутри основного товарищества, товарищества по снабжению земель, то есть крестьянской общины, то они должны быть вместе с ней единым органом, автономно выполняющим свои функции.

Б) Животноводство

1. Животноводство, так же как и земледелие, играет весьма важное значение в жизни страны и народов мира вообще; общество, вышедшее из революции, должно озаботиться не только приведением данной отрасли сельского хозяйства в соответствие с общим числом нового народного хозяйства, но и найти наиболее рациональные методы вовлечения в круг общего хозяйства скотоводческих племен, ведущих кочевой образ жизни, и постепенно приобщить их к культурному содружеству народов.

2. Так как животноводство неразрывно связано с земледелием и играет в нем главным образом подсобно-вспомогательную роль, то коммунизации должны подлежать только чисто скотоводческие хозяйства промышленного типа: конские заводы, питомники, молочные фермы, хозяйства по разведению мясного скота, куриные заводы и тому подобные, что же касается крестьянского животноводства, то оно не может быть коммунизировано раньше перехода всего хозяйства на коммунистическую

основу; крестьянское животноводство коммунизируется фактом коммунизации земледелия.

3. Поэтому, до полной коммунизации земледелия и в целях ускорения ее, необходимо будет серьезно позаботиться о рационализации крестьянского животноводства и об улучшении пород крестьянского скота. Кооперация и артельные предприятия по переработке продуктов крестьянского животноводства – могучее для этого средство.

4. В полном соответствии с индустриализацией земледелия должна протекать и индустриализация животноводства и на тех же самых принципах.

5. Коммунизация промышленных предприятий, занятых переработкой продуктов животноводства, включение их в общую систему коммунистического хозяйства, перенесение из городов в области наиболее животноводческих предприятий, занятых переработкой продуктов животноводства, или постройка там новых приблизят момент коммунизации.

6. Что касается кочевников-скотоводов, то конечно, о введении среди них коммунизма не может быть и речи до тех пор, пока они не осядут и не поднимутся в культурном отношении, хотя бы до уровня нынешних русских крестьян. Могучее воздействие на них в этом отношении будет иметь их положение окруженных более высокой культурной средой, организация просвещения, агрономического мероприятия и постепенное кооперирование их на предмет сбыта животных и закупки необходимых продуктов городской промышленности. Сельскохозяйственный банк натурально-денежного кредитования должен будет организовать обмен и кредитование и стать могучим орудием изменения всей основы хозяйственного и духовного быта кочевников-скотоводов. Улучшение путей сообщения и развитие коммунистической промышленности по переработке продуктов животноводства в районах, соприкасавшихся с кочевьями и даже в самых кочевьях, окажет могучее воздействие в желательном для коммунизации направлении.

В) Огородничество и садоводство

Так как огороды и сады являются неотделимой частью земледельческих хозяйств, то коммунизации подлежат только промышленные огороды и сады. Коммунизированные огороды и сады сразу должны быть индустриализованы, то есть они должны быть организованы по системе сложных земледельческих хозяйств с промышленным предприятием в центре (консервные, сиропные и прочие предприятия), с интегральным трудом⁴.

⁴ Интегральный труд – П. А. Кропоткин считал, что безгосударственное коммунистическое общество предполагает разностороннее развитие личности каждого человека, как одно из основных условий преодоления разделения труда. Предполагалось, что в результате внедрения интегрального образования каждый человек будет подготовлен к выполнению разнородных видов деятельности, как например: исполнительских и руководящих, преимущественно физических и высокоинтеллектуальных. Человек мог в разное время участвовать в различных видах работ: сельскохозяйственном и промышленном труде, исследовательской работе. В данном случае предполагалось чередование труда рабочих обрабатывающей промышленности с трудом крестьян или сельскохозяйственных рабочих. Модель интегрального труда была представлена Кропоткиным в книге «Поля. Фабрики и мастерские», отчасти – в его труде «Хлеб и воля».

II. Лесное хозяйство

1. Лес – природное богатство, ставшее частной собственностью благодаря грубой силе, как и земля, поэтому лес, как и земля, должен быть возвращен в общее пользование, то есть стать достоянием всего общества. Хищническое ведение лесного хозяйства капитализмом привело к уничтожению лесов во многих странах. Между тем, сохранение лесов во многих местах страны имеет колоссальное значение в климатическом и почвенном отношении. Лес не только строительный и топливный материал, не только сырье для обрабатывающей промышленности, не только среда для размножения зверей и птиц, но и фактор, обуславливающий судоходность рек и влажность почвы, а последнее имеет важное значение для земледелия. Поэтому, в целях общественного блага и сохранения лесных богатств, лес социализируется, то есть отменяется на него право собственности частной, государственной и всякой иной.

2. Фактом обобществления лес изымается из товарного оборота: никто не имеет права продавать, покупать, дарить отдавать в аренду лесные богатства или извлекать из них нетрудовой доход.

3. Небольшие лесные пространства, расположенные в земледельческом районе, не могущие быть эксплуатированы в интересах коммунизированной промышленности, на всей территории страны передаются в ведение Союза Крестьянских Общин для удовлетворения топливных, поделочных и иных нужд частно-земледельческих хозяйств.

4. Все остальные лесные пространства включаются в общую систему коммунистического хозяйства посредством синдикализации, то есть передачи в ведение союза лесных рабочих и рабочих обрабатывающей лесные продукты промышленности.

5. Недостаток земледельческих хозяйств в лесных материалах будет покрываться через крестьянские кооперативы и Кредитный Банк из коммунизированного лесного хозяйства по себестоимости.

6. Фактом социализации лесного хозяйства коммунизируются все лесопромышленные предприятия и все заводы, занятые переработкой лесных продуктов. Что касается кустарной промышленности, так или иначе связанной с обработкой дерева, то она кооперируется и приводится в теснейшую связь с коммунистическим лесным хозяйством.

7. Индустриализация и аграризация лесного хозяйства, на основе интегральной организации труда, то есть соединение лесного хозяйства с промышленностью и, где возможно, с земледелием посредством и перевода и постройки соответственных предприятий и использования освобожденных из-под леса пространств для земледелия и скотоводства.

III. Животноводство и охота

А. Рыболовство. Обобществление водных богатств. Коммунизация рыбных промыслов и заводов и включение их в общую систему коммунистического хозяйства.

Кооператизация мелких рыбных промыслов, организация рыбокоптильных и засолочных заводов.

Рационализация рыболовства, устройство заповедных вод.

Б. *Охота*. Введение охотничьего промысла в круг сложных коммунистических лесопромышленных хозяйств. Кооперирование крестьянского охотничьего промысла. Организация Банком Натурально-Денежного Кредита закупочно-обменных отделов в районах поселения охотничьих племен. Выработка мер, направленных к кооперативному объединению разрозненных усилий охотничьих племен и к поднятию их культурного уровня. Рационализация охоты и установление заповедных лесов.

Заведывание рыбным и охотничьим промыслами вверяется соответственным союзам и научным обществам.

IV. Добыча полезных ископаемых

Отрасли промышленности, связанные с добычей полезных ископаемых, подобно обрабатывающей промышленности, подверглись сильному воздействию капитализма. Капиталистическое развитие в этих отраслях промышленности создало вполне благоприятные условия для социализации, а та роль, которую эти отрасли играют в общей системе хозяйства, настолько огромна, что социализация их абсолютно необходима. Поэтому с самого начала социальной революции общество должно прокламировать полную социализацию недр земли.

1. Коммунизация, посредством синдикализации, всех крупных предприятий и включение их в общую систему коммунистического хозяйства страны.

2. Кооперативное объединение мелких и кустарных промыслов с кооперативным сбытом продуктов коммунистическому хозяйству.

3. Индустриализация отраслей добывающей промышленности, то есть соединение их с химической, металлической и другими отраслями обрабатывающей промышленности через организацию сложных комбинированных хозяйств на основе интегрального труда.

4. Аграризация индустриализованных и неиндустриализованных предприятий данных отраслей добывающей промышленности, то есть соединение их с земледелием путем организации сложных комбинатов, постепенно втягивающих в свой хозяйственный круг окружающее земледельческое население и организующих труд на основе интеграции.

5. Подобно предприятиям обрабатывающей промышленности, предприятия данных отраслей промышленности управляются промышленными комитетами, а все отрасли в целом – объединением этих комитетов.

Глава III. Обслуживающая промышленность

I. Строительное дело и жилищный вопрос

1. Коммунизация строительного дела посредством синдикализации строительной индустрии вызывается фактом коммунизации других отраслей производства.

2. По всей территории коммунистической страны строительной индустрией ве-
дает Союз Строительных рабочих при участии заинтересованных объединений:
домовых комитетов, сельских строительных товариществ и других.

3. Строительство за пределами коммунистической системы хозяйства протекает
в условиях коммерческого расчета через Банк натурально-денежного кредита.

Жилищный вопрос.

1. Жилищная нужда, являющаяся результатом спекуляции в строительном деле,
требует немедленной коммунизации всех жилищ, построенных для извлечения
прибыли.

2. Рациональное распределение жилой площади, при помощи домовых комите-
тов, в порядке бесплатности, учреждение гостиниц для приезжающих и передача
домозаведывания в руки домовых комитетов.

3. Усиленное домостроительство по принципу рассасывания городов и сближения
промышленности с земледелием.

II. Службы общественной связи

А. Транспорт

1. Транспорт всех видов, железнодорожный и водный в особенности, имеет огром-
нейшее значение в системе современного хозяйства и еще большее значение он
будет иметь в системе коммунистического хозяйства. Промышленность без транс-
порта совершенно немыслима. Поэтому транспорт должен быть коммунизирован,
через синдикализацию его, немедленно.

2. Заведывание транспортом строится на синдикальной основе, то есть все сред-
ства передвижения по земле, воде, воздуху и под землей будут находиться в ведении
секционно-построенного союза транспортных рабочих, в состав которого входят и
рабочие предприятий, обслуживающих транспорт.

3. Транспортное хозяйство включается в общую систему коммунистического хо-
зяйства, поэтому платность проезда и перевозок грузов устраняется, что касается
лиц и хозяйств, находящихся вне коммунистической системы хозяйства страны,
то в этом случае транспортное управление вступает в соответствующие расчетно-
договорные отношения не с отдельными личностями или хозяйствами, а с коопе-
ративными объединениями, проездные квитанции которых учитываются Банком
Натурально-денежного Кредита.

Б. Почта, Телеграф, Телефон, Радио

1. Почта и телеграф, как и железные дороги, являются важнейшими функциями
связи народного хозяйства и во многих странах они – собственность государства, но

так как интересы государства, даже самого идеального, не совпадают с интересами всего общества, то почта и телеграф должны быть экспроприированы не только у частных лиц и корпораций, но и у государства, а вместе с ними телефон и радио.

2. Синдикализованная служба общественной связи, то есть переданная в ведение производственного союза связи, включается в общую систему коммунистического хозяйства и, подобно другим отраслям коммунистического хозяйства, по мере укрепления коммунистического строя хозяйства и обогащения страны, индустриализируется и аграризируется, то есть работники общественной связи будут разнообразить свой труд, принимая участие в производстве и в земледелии.

3. Так как в переходный период, на который рассчитана данная программа, в земледелии и в некоторых ремесленно-кустарных отраслях промышленности сохраняются хозяйства, не входящие в систему коммунистического хозяйства, то в вопросе пользования услугами общественной связи коммунистическое хозяйство вступает в соответственные договорные отношения с системой индивидуальных хозяйств в лице соответствующих узловых органов кооперативных товариществ.

III. Коммунальные услуги

1. К коммунальным службам относятся: канализация, водоснабжение, газо- и теплоснабжение, электрификация домов, благоустройство и прочие работы, обслуживающие городские и сельские поселения.

2. Коммунальные службы включаются в систему коммунистического хозяйства и синдикализируются, то есть заведывание и организация этих служб передается в ведение союза коммунальных работников, причем и здесь, как во всех отраслях хозяйства, постепенно проводится принцип индустриализации и аграризации, ведущий к интегральности труда.

3. Распространение коммунальных услуг на индивидуалистические земледельческие хозяйства тесно связано с коренным изменением сельского жилищного быта, к изменению которого будет стремиться все коммунистическое хозяйство в целом, поэтому пользование коммунальными услугами селений, не входящих в систему коммунистического хозяйства страны, будет обусловлено соответствующим договором с крестьянскими кооперативными товариществами.

IV. Врачебно-санитарное дело

1. Врачебно-санитарное дело есть общественная служба, которая вместе с аптекарским делом и промышленностью, непосредственно обслуживающей это дело, должна составить, на основе синдикализации, Службу Общественного Здравия.

2. Служба Общественного Здравия включается в систему коммунистического хозяйства. Союз медико-санитарного труда ведает управлением и организацией врачебно-санитарного дела по всей стране. Медико-санитарное дело, как и все другие отрасли и функции коммунистического хозяйства, индустриализируется и аграризируется, то есть постепенно, и там, где возможно, труд медико-санитарных работников комбинируется с индустриальным и земледельческим трудом.

3. Медикосантруд покрывает всю страну густой сетью врачебносанитарных пунктов, больниц и санаториев. Так как Служба Общественного Здравия содержится коммунистическим хозяйством, то индивидуалистическое хозяйство страны покрывает часть издержек через союзы кооперативных товариществ.

V. Народное образование и наука. ШКОЛА, РЕЛИГИЯ И ИСКУССТВО ПРИ АНАРХИЗМЕ

1. Всякое государство дело народного образования приспособляет к своим интересам, поэтому дело просвещения в его руках становится орудием порабощения масс.

2. Школы всех ступеней, благодаря государственным интересам и обслуживающей эти интересы науки, являются фабриками, занимающимися массовым производством однотипно мыслящих машин.

3. Даже коммунистическое государство, как показывает опыт России, усваивая самые либеральные системы воспитания, извращает их, внося в них централизующее начало и штамп, соответствующий его интересам.

4. Задача воспитания и образования – всестороннее развитие личности и техническая подготовка к полезной общественной деятельности.

5. Воспитание, поэтому, должно быть либертарным, приносящим постепенно идею авторитета в жертву принципу свободы;

Рациональным, основанным на разуме, а не на вере, на данных точной науки, а не на метафизике;

Смешанным, то есть совместное воспитание и образование полов;

Интегральным, сложным, дающим возможность достигнуть гармоничного развития всей личности в области науки, искусства и ремесла.

6. Школа должна давать, как говорит Кропоткин, «такое образование мальчикам и девочкам, чтобы они, оставляя ее в возрасте около 18 лет, имели основательное представление о науке, которое позволило бы им продолжать научные занятия, а также приобретать познания, составляющие основу технического образования, и, вместе с тем, приобрели бы такой навык в какой-нибудь отрасли производства, чтобы быть в состоянии участвовать в производстве богатств».

7. Поэтому, исходя из изложенного, воспитание и образование не может вестись на основе единой централизованной программы.

8. Что касается науки, то она, как церковь и школа, должна быть отделена от государства ранее безгосударственной революции. Нормальные условия для развития науки создадутся только в условиях экономически-равноправного, безгосударственного, свободного строя.

9. Социалистическая наука, являющаяся необходимым и неизбежным следствием социальной революции, не означает умственного равенства, которое невозможно, не означает, что все будут учеными, социализация науки означает лишь только, что наука, оставаясь наукой, сделавшись одной из многих общественных служб, становится, как говорит Бакунин, вполне доступной «для всех лиц, имеющих призвание и охоту

заниматься ей, не в ущерб общему производительному труду, который обязателен для всех».

10. «Все должны работать и все должны быть образованы». Только общее научное и техническое образование после социальной революции станет общим достоянием. Наука должна быть индустриализована и аграризована, то есть труд лиц, занятых наукой, должен быть соединен с физическим производительным трудом, конечно, в порядке разумной постепенности – от этого наука только выиграет. «Возможно, и даже очень вероятно, говорит Бакунин, что в переходный период, более или менее продолжительный, который наступает естественно, после великого социального кризиса, наиболее высокостоящие науки упадут значительно ниже их настоящего уровня, но то, что наука потеряет в движении ввысь, она выиграет в широте распространения. Не будет полубогов, но не будет и рабов. Полубоги и рабы станут людьми; первые немного спустятся с своей исключительной высоты, вторые значительно поднимутся».

11. Социализация образования, воспитания и науки может быть произведена только через их синдикализацию, то есть организация и ведение этого общественного дела должны быть переданы в руки союза работников народного просвещения, комбинирующего свою деятельность с заинтересованными общественными объединениями: родительскими, экономическими и разными иными.

12. Организация школьной сети, университетов, академий, библиотек, музеев и заведывание ими – общественная функция союза работников народного образования.

13. Дело народного образования, как общественная служба, включается в систему коммунистического хозяйства и содержится им, поэтому кооперативно объединенное индивидуальное хозяйство страны, в целях равенства, вносит соответствующую долю своих доходов, в виде натуре, на покрытие расходов по содержанию службы народного образования в кассу коммунистического хозяйства.

14. Искусство и театр – тоже общественная служба, она объединяется со службой народного образования и подчиняется всем основным принципам, на которых строится служба общественного образования.

15. Религия не является общественной службой. Социальная Революция антирелигиозна по существу. Тем не менее, анархо-синдикалисты не намерены бороться с религиозными верованиями репрессивными мерами. В этом вопросе программа анархо-синдикалистов вполне солидаризируется с докладом Женевской Секции Брюссельскому Конгрессу Международного Товарищества Рабочих, гласящим: «Религиозная мысль, как продукт понятия личности, неприкосновенна, пока она не проявляется публичным действием».

VI. Учёт, банки и деньги

1. Учет, статистика, имеет огромное значение для целей правильной регуляции отношений между производством и потреблением. Только благодаря статистике можно установить между ними нужное равновесие и организовать правильное распределение и обмен. Без статистики невозможен никакой экономический порядок, поэтому

статистика есть очень важная общественная служба, техническое выполнение которой возлагается на Главное Статистическое Бюро при Банке Натурально-Денежного Кредита, составляющееся из непосредственно заинтересованных Общественных Служб и особенно Общественной Службы по Распределению и Обмену.

2. Все существующие банки социализируются и сливаются в один Банк Натурально-Денежного Кредита. Банк Натурально-Денежного Кредита кроме статистических функций выполняет обычные банковские функции, которые, конечно, видоизменяются в соответствии с новой экономической структурой страны. Банк – органическая связь коммунистического хозяйства с хозяйством индивидуальным, главным образом земледельческим, и внешним индивидуалистическим миром, границей, играя в последнем случае роль банка по внешней торговле. В деле внутреннего обмена банк будет одним из главных могущественных орудий коммунизма, воздействующим в желательном направлении на индивидуальные хозяйства, путем натурального и денежного беспроцентного кредита на улучшение хозяйства и на механизацию земледелия, которая ведет к социализации земледельческого труда и является необходимой предпосылкой для перехода к коммунизации земледелия.

3. Социализация банков и учета должна протекать в форме их синдикализации, то есть эти Общественные Службы передаются в ведение рабочих и служащих, которые их обслуживают. Эта Общественная Служба включается в общую систему коммунистического хозяйства. По мере укрепления коммунизма, труд в них, как и в других Общественных службах, индустриализируется и аграризируется, то есть постепенно организуется на принципе интегральности.

4. Что касается денег, то они, как вещественное выражение затраченного труда, огромная доля которого, благодаря эксплуатации, сосредоточивается в руках немногих капиталистов и государства, должны быть социализированы. Социализация денег, то есть возвращение обществу содержащегося в них затраченного труда, возможна только в форме аннулирования, без всякого возмещения. Аннулирование денежных знаков старого режима – одна из первейших задач Социальной Революции.

5. О полном упразднении денег в переходный период не может быть и речи, ибо в переходный период уничтожаются не все функции, которые свойственны деньгам в настоящее время, а только вредная часть этих функций. Деньги упраздняются сами собой в условиях постепенного приближения к системе полного, развитого коммунизма, по мере замены обмена распределением. А так как в переходный период, благодаря сосуществованию коммунизма с индивидуализмом, обмен неустраним и так как основная функция денег есть функция посредничества при обмене, и так как деньги – самый удобный товар для обмена, то в переходный период обойтись без них нет возможности.

6. В переходный период, из-за практической невозможности введения трудовых денег, коммунистическое хозяйство должно будет остановиться на признании металлических денег-золотых и руководствоваться при обмене унаследованными от капитализма ценами, особенно при внешнем обмене. Во внутреннем же обмене, благодаря коммунизации огромной части промышленности, дающей возможность устанавливать размер производства, возможна будет научная установка высоты цен и стабильность их.

7. Деньги переходного периода не могут явиться угрозой восстановления неравенства и эксплуатации, так как они, в силу социализации всех орудий и средств производства и передвижения, коммунизации труда и его продуктов во всех отраслях промышленности, кроме сельскохозяйственной, теряют способность, свойственную им в капиталистическом обществе, превращаться в капитал. Деньги не могут даваться в ссуду под процент – нет места финансовому капиталу; все орудия и средства производства обобществлены и не подлежат ни продаже, ни покупке – нет места промышленному капиталу; с прекращением наемного труда устраняется возможность накопления денег путем присвоения прибавочной стоимости; устранение частного торговца кооперацией и установление непосредственного обмена на смешанной натурально-денежной основе между коммунистическим хозяйством и индивидуалистическим – устраняет возможность превращения денег в торговый капитал. Таким образом, в переходный период, при котором все социализировано, но не все коммунизировано, деньги не имеют возможности превращаться в капитал и существуют только как мерило стоимости и средство для обмена, облегчающее процедуру натурального обмена между различными системами хозяйств переходного периода.

8. По мере стабилизации общества после социального переворота, все большее и большее предпочтение будет даваться натуральному обмену на основе меновых пропорций, исчисленных в денежных знаках и тем самым все больше и больше сужаться значение, как меновых единиц; постепенный переход земледелия к коммунизму в свою очередь тоже будет сужать роль денег, с переходом же от обмена к распределению деньги устраняются сами естественным порядком.

VII. Обмен и распределение. КАК АНАРХИСТЫ ПРЕДЛАГАЮТ ОРГАНИЗОВАТЬ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ

1. В капиталистическом обществе продукты производства распространяются при помощи торговли. При торговле распределение носит хаотический характер и, конечно, несправедливый. При капитализме те, которые работают, получают продуктов гораздо меньше и худшего качества, чем те, которые не работают. Продукт поступает к производителю, как потребителю не раньше, чем пройдет ряд посреднических рук. Продукт, совершая этот круг, обрастает паразитической наценкой, и рабочий, как потребитель, приобретает продукт своего же труда по гораздо более высокой цене, чем он получил за его изготовление.

2. Естественно, с уничтожением капиталистического способа производства, должна быть уничтожена и капиталистическая система распределения – торговля и заменена системой правильного, планомерного и справедливого распределения, вполне соответствующей новой безгосударственной и некапиталистической организации общества.

3. Общество, организующее коммунистическое производство, должно соответственным образом ограничивать и потребление. Производственная коммуна должна быть дополнена потребительской коммуной. В области потребления задача состоит в немедленной организации распределительно-учетного аппарата, который немедленно приступает к планомерной и неуклонной замене торговли потребительскими

коммунами в городах и потребительскими товариществами в деревнях. В основу распределительного аппарата должна лечь потребительская кооперация. Новый распределительный аппарат сможет выполнять свои функции с наибольшей быстротой и с наименьшей затратой сил лишь тогда, когда все население в городах будет организовано в потребительские коммуны, а в земледелии в потребительские товарищества, когда федерации этих коммун и товариществ покроют густой сетью всю страну и объединятся с банком обмена.

4. Исходя из опыта Русской Революции и развивая ее тенденции, анархо-синдикалисты, используя потребительную кооперацию в качестве распределительного аппарата, строят его таким образом, что начальной организационной единицей потребительской коммуны является домовый комитет. Потребительная коммуна объединяет в одном лице производителя и потребителя, поэтому возможность диктатуры производителя или потребителя совершенно исключена.

5. Организация потребления, которое здесь понимается в самом широком виде, складывается из двух основных моментов: *учета и распределения*.

Учет ведется Банком Натурально-Денежного Кредита, входящим в состав распределительного аппарата. В области коммунистической системы хозяйства страны все производственные коммуны (свободная фабрика, завод, мастерская) должны сдавать все продукты своего производства в общественные склады; то же самое должны делать индустриализованные земледельческие хозяйства и земледельческие коммуны, но с той разницей, что последние будут сдавать в общественные склады ту его часть, которая является излишком сверх того количества, которое необходимо для удовлетворения потребностей самой земледельческой коммуны или индустриализованного сложного земледельческого хозяйства.

Что касается индивидуалистических земледельческих хозяйств, то они все свои излишки, в добровольном порядке, сдают своим сельским товариществам, которые выполняют функции закупа-сбыта, а эти последние сдают продукты земледелия Банку Натурально-Денежного Кредита и получают от него денежные знаки и все нужные товары на основе натурально-денежного расчета.

6. Коммунизм в области потребления в переходный период не может носить законченного характера. Задача общества будет заключаться в постепенном, по мере накопления материальных благ, развертывании коммунизма в потреблении. Скорость осуществления принципа «каждому по потребности» будет обуславливаться степенью возрастания производительности коммунизированного хозяйства и интенсивностью перехода индивидуальных земледельческих хозяйств к коммунизму. Следовательно, в переходный период, за невозможностью удовлетворить всех по потребностям, придется в распределении ввести ограничительный принцип, то есть принцип соразмерности потребления с производством.

7. В основу распределения внутри коммунистического хозяйства переходного периода должен быть положен принцип равенства, а не целесообразности, ведущий к установлению разделения населения на потребительские категории. В первую очередь, нужно озаботиться о детях, матерях-кормилицах, стариках, инвалидах и больных независимо от их бывшего социального положения.

Потребительские нормы, исчисленные в денежных единицах и выдаваемые в натуре и деньгах, должны быть равными – равная доля для всех. Ввиду того, что

общество обязано дать всем работу, то оно обязуется всех безработных содержать наравне с работающими.

Что же касается сторонников старого режима, членов бывших привилегированных классов, то они, как равноправные члены общества, не подлежат никаким ограничениям. Те же из них, которые не пожелают вести общую для всех трудовую жизнь, поставят сами себя вне забот о них общества и им предоставляется право или умереть с голоду, не работая, или эмигрировать, или пользоваться благотворительностью своей коммуны, если последняя пожелает практиковать таковую.

Глава IV. Налоги

Общество, вышедшее из социальной революции, уничтожающей государственную организацию, не нуждается в налогах, так как все орудия труда, средства производства и передвижения, продукт труда и сам труд есть достояние всего общества.

Но конструирующееся общество, общество переходного к полному коммунизму периода, в котором наряду с коммунистическим хозяйством еще продолжают существовать и хозяйства индивидуальные, в целях равенства, обязано взимать с индивидуальных хозяйств некоторую долю их дохода в пользу коммунистического хозяйства, так как индивидуальные хозяйства, пользуясь, не несут расходов по содержанию и организации транспорта, дорог, почты, телеграфа, телефона, радио, врачебно-санитарного дела, дела народного образования и военного дела.

Обложение должно покоиться на принципе подоходности, высота обложения определяется съездом Всеобщей Конфедерации Труда. «Налог» взимается натурой Банком Натурального Кредита через посредство кооперативных товариществ, объединяющих индивидуальные хозяйства.

Всекие иные налоги не могут иметь места даже в переходный период. Налоги отмирают одновременно с отмиранием индивидуальных хозяйств.

Глава V. Труд в переходный период

1. Общественный порядок, основанный на свободе и материальном благополучии всех, не имеет необходимости в борьбе за права труда и его охрану. Труд, перестав быть объектом эксплуатации, становится господствующим принципом, на котором строится общественно-экономический порядок. Само общество в целом будет беречь свое здоровье, свой труд, здоровье и труд каждой отдельной личности, а каждая личность – здоровье и труд всего общества и взаимно уважать свои права. Сами производители должны будут следить за собой, то есть производственные коммуны должны строго выполнять научно установленные положения санитарно-медицинских объединений.

2. Детский труд устраняется. Общество обязуется дать детям до 18 лет всестороннее (интегральное) образование, подготовляющее их к общественно полезному труду, поэтому забота о детском труде в производстве отпадает. Женский труд должен быть организован на научно установленных положениях медицины.

3. Вполне понятно, новому обществу нет надобности создавать специальные органы по охране труда – это дело производственной федерации медико-санитарной, работающей под контролем всего общества, и дело самих производственных коммун.

4. В вопросе продолжительности трудового дня общество в начальный период будет исходить из 6-ти часового трудового дня. Дальнейшее сокращение трудового дня устанавливается съездами производственных коммун и союзов общественных служб. Это сокращение будет зависеть от необходимого для общества количества продуктов, от числа занятых и незанятых производителей и от улучшения техники производства. От этих же условий и от степени коммунизации земледелия будет зависеть темп перехода к интегральному труду.

5. Уже в переходный период заработная плата уничтожается фактом уничтожения наемного труда. В переходный период каждый производитель есть не наемный работник, а активный и равноправный член производственной коммуны, от которого уже не отбирается никем прибавочная стоимость. Каждый участник получает не заработную плату, а равную со всеми долю общественных благ, над производством которых он трудился одинаково со всеми. Эта доля общественных благ, получаемая каждым в натуральном и денежном виде, установленная вначале всеобщими съездами на научной основе, не может быть постоянной величиной. Возрастание или падение ее будет зависеть от степени интенсивности производства общественных благ, что, в свою очередь, зависит, помимо техники, от самих участников коммунистического хозяйства.

6. Каждый, независимо от его прошлого социального положения, имеет право на труд и пользуется правом труда. Из этого основного положения вытекает обязательство общества обеспечить всех разумным производительным или общественно-полезным трудом и, в случае невозможности этого, содержать их в равных условиях со всеми до тех пор, пока сможет всем предоставить работу.

Что касается тех, которые, будучи трудоспособны, пожелают пользоваться правом на лень, то общество не сделает никаких попыток это право ограничить, предоставляя им умереть с голоду, ибо в обществе, где труд основа, должен проводиться принцип «неработающий по своей воле – не ест».

7. Что касается социального обеспечения, то обществу нет надобности создавать для этого специальные учреждения. Общество, сделавшее труд обязательным для всех, определит начальный и предельный возраст для общественной работы, до и после которого все члены общества будут пользоваться, наравне со всеми, всеми средствами существования и удобствами жизни. Точно так же общество поступит с калеками, инвалидами и всеми больными.

Отдел Второй. Политическая область

Глава I. Общеполитическая область

1. Подобно тому, как буржуазная демократическая республика с ее формальной всенародностью, общенациональностью, со всеми ее формальными свободами, охраняя частную собственность, всегда и неизбежно становится диктатурой буржуазии и организацией беспощадной эксплуатации трудящихся масс, так и новая государственность, в форме советской республики, освящаемой принципом диктатуры пролетариата, даже самой социалистической, в силу факта владения не только всеми орудиями и средствами производства, но и жизнью каждой личности, ставит всех в положение рабов, в положение говорящих инструментов и с логической неизбежностью приводит к народжению нового господствующего класса – к *диктатуре бюрократии*: государство становится чудовищной машиной эксплуатации и всестороннего порабощения огромной массы небольшой кучкой.

2. В противоположность этому коммунальная конфедерация⁵ превращает массовые организации трудящихся в единственную основу строительства нового безвластного общества, осуществляя тем самым полную свободу мест и личностей.

3. Буржуазная демократия скрывает свой классовый характер, прикрываясь всенародной волей, выражаемой всеобщим голосованием, Советская демократия, наоборот, резко подчеркивает свой классовый характер, утверждая диктатуру пролетариата, якобы необходимую для уничтожения классов и государства. Однако опыт Русской Революции показывает, что диктатура пролетариата есть фикция, неосуществимая утопия, ибо неизбежно и логически выливается в форму диктатуры партии, а затем бюрократии, то есть в простой абсолютизм. По этой самой причине советская государственность принуждена выдавать диктатуру бюрократии за диктатуру пролетариата, как буржуазия выдает свою диктатуру за «всенародную волю».

4. В противоположность этому Коммунальная Конфедерация, слагающаяся из тысяч свободно действующих трудовых организаций, устраняет всякую возможность ограничения свободы, самостоятельности и тем более возможность установления диктатуры какого-либо класса, а, следовательно, и возможность установления режима террора. Сущность Коммунальной Конфедерации такова, что она, как организация переходного периода, совершенно не опасается наличия самых широких свобод и прав для всех, независимо от их прежнего социального положения, приобщивших себя к труду. Поэтому подлинная демократия, развитая до логического предела, возможна только в условиях Коммунальной Конфедерации – эта демократия есть анархия.

5. Как буржуазная, так и советская демократии ограничиваются формальным установлением политических свобод и прав: свободы слова, собраний, союзов, печати, стачек, неприкосновенности личности, жилища и прочего. Первая устанавливает эти свободы формально, для всех. Вторая – только для трудящихся. Однако административная практика этих демократий, а главное, полная экономическая зависимость

⁵ «как переходная к полной анархии и коммунизму форма организации общества» – вычеркнуто

трудящихся неизбежно ставит последних как в буржуазном, так и в пролетарском государстве в полную невозможность воспользоваться этими правами и свободами.

6. Полные, неурезанные права человека и гражданина возможны на деле, а не на словах, фактически, а не формально, только в условиях полного самоуправления в форме Коммунальной Конфедерации, при которой капитализм и государства не существуют и при которой типографии, бумага и прочее будут, находясь в ведении соответствующих производственных федераций, общим достоянием.

7. Буржуазная демократия провозглашает права гражданина и человека, но в силу своей государственной и частнокапиталистической основы, она не может осуществить этого на деле, более того, она постоянно увеличивает неравенство и гнет и в настоящую эпоху, эпоху империализма, она довела до наивысшего предела обострение расового и национального гнета. Советская демократия формально в этом отношении сделала шаг вперед; но формальное провозглашение принципа самоопределения народов не привело и не может привести к фактическому самоопределению внутри Советского союза. Кроме того, даже при освобождении одной нации от гнета другой, советская государственность не раскрепощает народы этих наций от внутреннего гнета: национальная свобода не в отделении, не в административном самоуправлении, а в свободе личностной, составляющих нацию.

8. Свобода наций может иметь полное выражение при Коммунальной Конфедерации, в которой эта свобода реализуется через свободу личностей, свободно соединяющихся во всевозможные союзы, в том числе и в национальные.

9. Не ограничиваясь формальным установлением равенства полов, советское государство стремится осуществить его на деле, делая попытки (очень слабые и робкие) в направлении раскрепощения женщин от тягот домашнего хозяйства, кухни и детской. Но благодаря тому, что государство по природе враждебно полной свободе, то и на этом пути оно нашло непреодолимое препятствие, препятствие в самом себе: оно присвоило себе функции церкви и буржуазного государства – санкцию и регламентацию брака. Полное равенство полов и свобода женщины возможны только в условиях свободы всех, а такие условия может дать только Коммунальная Конфедерация.

10. Опыт политического строительства на основе системы вольных советов, имевший место вначале Октябрьской Революции, свидетельствует, что правильная организация общества на основе федерации советов не только устраняет все отрицательные стороны буржуазной демократии с парламентаризмом, но только обеспечивает трудовым массам легкость выборов делегатов и их отзыва, не только сближает массы с общественным аппаратом, но и уничтожает само государство во всех его видах, в том числе и в форме диктатуры пролетариата. Коммунализм, то есть федерация вольных коммун (общин) с советами в области политической организации общества, становится на место государства.

11. Буржуазные государства из армии сделали орудие подавления трудящихся масс, орудие защиты государства, то есть господствующего класса. Те же функции выполняет армия и в советском государстве. Только всеобщее вооружение трудящихся, Всенародное Ополчение, организуемое производственными союзами и общинами, может быть действительным орудием защиты свободы и благосостояния всех. Всеобщее вооружение равносильно упразднению государства и классов.

12. Признавая за пролетариатом руководящую роль в революции, анархисты считают вредным для дела освобождения установление за ним каких бы то ни было привилегий перед другими категориями трудящихся. Равенство прав и обязанностей для всех с первых дней революции – основное требование социальной справедливости.

Глава II. Область национальных и международных отношений. КАК АНАРХИСТЫ ПРЕДЛАГАЮТ РЕШИТЬ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

1. Права наций не принцип, а следствия, логически вытекающие из высшего принципа свободы. Нация или национальность, как естественный союз личностей на основе единства языка, в обстановке капитализма и государственной организации не находит условий для нормального развития. Более сильные нации завоевывают более слабые и направляют все усилия к разложению их через искусственную ассимиляцию. Поэтому национальный гнет – постоянный спутник государства и капитализма. Корыстно-преступные интересы господствующих классов толкают их к разжиганию национальной ненависти и вражды, лежащих в основе патриотизма, столь необходимого для государства и капитализма. Так называемые национальные интересы, всегда ныне связанные с интересами экономическими и политическими, рассматриваемые через призму государства, есть интересы господствующих классов, следовательно, антинародные по существу, приводящие к национальной вражде – к войне. Следовательно, в государственно-капиталистическом обществе национальный вопрос, как частный вопрос одного общего вопроса, вопроса свободы, не может быть разрешен в интересах трудящихся.

«Право наций на государственное отделение» и самостоятельное государственное бытие есть ни что иное, как право национальной буржуазии на безраздельную эксплуатацию своего национального пролетариата; осуществление этого права в многонациональной стране, поднявшей знамя Социальной Революции и находящейся в капиталистическом окружении, фактически становится правом самозащиты национальных буржуазий от революции и орудием международной буржуазии в борьбе с революцией, – об этом убедительно свидетельствует русский опыт 1917-1922 годов. Осуществление «права наций на государственное отделение» есть, таким образом, осуществление только внешней свободы национальности, от которой эксплуатируемые классы выигрывают слишком мало, чтобы не сказать ничего.

Кроме всего, лозунг «права наций на государственное отделение», доведенный до логического предела, превращается в абсурд. Осуществление этого лозунга, например, на территории одного только Союза Советских Республик, привело бы к созданию множества государств, что совершенно недопустимо ни с точки зрения интересов пролетариата, ни с точки зрения интересов Социальной Революции и свободы.

2. Но это абсолютно не означает, что анархисты – враги национальной свободы. Наоборот, анархисты всегда стоят за права всех угнетенных национальностей. Национальность, подобно индивидуальности, – факт естественный, социальный и исторический и уважение к этому факту есть высший принцип. Всякая нация, как

бы велика или мала она ни была, на каком бы культурном уровне она ни стояла, имеет права, как и личность, жить, думать, хотеть, чувствовать, говорить и действовать по-своему. В этом заключается все национальное право – право быть самим собой; это право – логический вывод из принципа свободы и равенства. Сама же национальность не принцип, а факт, выдвигать который в качестве идеала для всех стремлений эксплуатируемых классов было бы преступлением. Анархисты стоят выше узкого и мелочного национального тщеславия, «для которого своя страна центр мира, которое свое величие полагает в том, чтобы быть страшным соседям». Интернациональная свобода и равенство – всемирная справедливость – выше всех национальных интересов. Поскольку мы рассматриваем национальное право, как следствие высшего принципа свободы и равенства, постольку оно перестает быть таковым для нас, как только оно «ставит себя против свободы или даже только вне свободы». Государство же, всякое государство, есть враг свободы и равенства. Нации, осуществившие право на государственное отделение, ставшие государством, в свою очередь становятся угнетателями национальных меньшинств и, подобно своим бывшим угнетателям, начинают отрицать национальное право подчиненных им меньшинств, преследовать их язык, желание и их право быть самим собой. Таким образом, «государственное отделение» не только не несет нации внутренней свободы, в которой более всего заинтересован пролетариат, но и не решает национального вопроса и становится угрозой мира, так как всякое государство всегда и неизбежно стремится расшириться за счет своего более слабого соседа. Поэтому анархисты, отрицая государство, отрицают и государственнический метод, и путь решения национального вопроса: правильное и полное решение вопроса возможно только в условиях безгосударственности, при коммунизме, исходящем из свободы индивида и приходящем, через свободное объединение индивидов в коммуны, коммун в области и областей в нации, к основанному на свободе и равенстве естественному национальному единству в многообразии.

3. Интернациональная Конфедерация, свободно образующаяся через свободное федерирование самоуправляющихся частей в одно целое, решает полностью национальный вопрос на основе полной свободы и равенства, вне которых решение этого вопроса будет носить по необходимости характер буржуазный, следовательно, скрытно или откровенно угнетательский; и только она, коммунальная конфедерация, устанавливает режим мира в международных отношениях устраняя всякие причины для войн и угнетения. Интернациональная Конфедерация не может быть создана из государств, ибо Союз государств, как современная Лига Наций, не может быть ничем иным, как только международным союзом эксплуатирующих классов, направленным против интернационального пролетариата, ни чем иным, как только отрицанием свободы и постоянной угрозой войны. Организации Интернациональной Конфедерации должна предшествовать коммунистическая революция, заменяющая государство коммунами и производственными союзами, которые только одни, свободно объединяясь снизу вверх, могут создать действительное международное объединение, покоящееся на признании права самоуправления не только за всякой нацией, независимо от ее величины, но и за всякой коммуной и провинцией внутри нации, под одним только условием, что их внутреннее устройство не будет являться угрозой для свободы и самоуправления своих соседей, и чтобы из факта доброволь-

ного объединения не вытекала обязанность всегда оставаться в неразрывной связи с этим объединением.

4. Исходя из вышеизложенного, текущая политика анархистов в области национального вопроса и международных отношений, освещенная конечной целью, проходит по линии международного пролетариата, беднейшего и трудового крестьянства всех национальностей для совместной борьбы за уничтожение собственности – борьбы за коммунизм, и для совместной борьбы за уничтожение государства – борьба за анархию, для совместной борьбы за уничтожение всех национальных предрассудков, государственных границ, национальных привилегий, за свободу и равенство всех наций, за их самоуправление, поэтому пропаганда идей Международного Товарищества Рабочих, активное содействие его организационной деятельности и активное участие в его работе есть обязанность каждого анархиста.

5. Что касается «права наций на государственное отделение», то, не отрицая естественного права на отделение, вытекающего из признаваемого нами принципа свободы, отрицая лишь полезность для пролетариата не отделения вообще, а государственного характера отделения, анархисты, принимая во внимание, что среди поработанных наций развивается сильный патриотизм и недоверие к пролетариату господствующих национальностей, что вредным образом отзывается на борьбе международного пролетариата за полное и всестороннее освобождение от ига капитала и государства, требуют освобождения колоний и поддерживают всякую борьбу за национальную независимость, если стремление к государственной независимости есть выражение желания революционного пролетариата и трудового крестьянства данной национальности⁶.

Глава III. Организация защиты. КАК АНАРХИСТЫ ПРЕДЛАГАЮТ ОРГАНИЗОВАТЬ ЗАЩИТУ РЕВОЛЮЦИИ

1. В области военной

Подлинная революция немыслима без участия в ней широких народных масс. Там, где отсутствуют широкие массы, нет революции, а только заговор, переворот, не больше. Заговоры и перевороты создаются искусственно, революции созревают естественным путем. Революционная деятельность только содействует созреванию революции, но никогда не является причиной, вызывающей ее. Поэтому революция, приводя в движение огромные народные массы, всегда победоносна, всегда остается исторической гранью народа и даже народов, ибо, умирая, она дает направление народным стремлениям на целое столетие. Таковы революции, следовавшие одна за другой: Английская, Великая Французская и Великая русская.

⁶ Вычеркнуто: Наилучшей формой организации, облегчающей Социальной Революции коммуналистическое решение национального вопроса и предоставляющей в пределах государственности максимум национальных свобод, на который способно государство по своей природе, анархосиндикалисты считают федерацию национальностей на основе широкой автономии.

Революция есть разрушение старого порядка во всех областях жизни. Уничтожая порядок, революция устанавливает беспорядок. Этот беспорядок, разрушая все силы старого порядка, обезопасен от подавления силой, по крайней мере, в течение ближайших недель, пока терроризированные стихийным напором масс элементы старого режима не оправятся от страха и не соберутся с силами. В течение этого короткого времени революция должна установить свой порядок, революционный порядок, провести ряд таких экономических мер, которые устранили бы или, по крайней мере, затруднили организацию сопротивления сторонников старого порядка и сами по себе были бы факторами защиты, а также успеть положить начало организации военной защиты. Первым актом в деле организации военной защиты революции является захват оружия и военных складов, роспуск старой власти, вооружение всех восставших и организация из них революционной гвардии по заводам, деревням и учреждениям. Эти меры начального периода революции, однако, недостаточны для защиты революции во время гражданской войны, которая неизбежно организуется и будет поддерживаться международным империализмом, в окружении которого будет находиться страна Социальной Революции. Поэтому вторым шагом революции, логически вытекающим из первоначальных мер организации защиты, является организация военных сил революции по всем правилам военного искусства, но в полном соответствии с основными стремлениями самой революции.

Партизанские отряды же остаются надежной организационной формой защиты революции, они неизбежно будут в революции и сыграют решающую роль в начальной стадии борьбы, но они бессильны, когда гражданская война принимает характер настоящей войны. При этих условиях войну может вести только правильно организованная военная сила, могущая использовать военное искусство и все средства ведения войны. Но армия в том виде, в каком она существует в буржуазных странах или в виде красной армии советской России, не соответствует основным принципам, на которых будет строиться новое общество. Поэтому ни армия, ни партизанские отряды не могут быть приняты за желательную форму организации военных сил революции: первая – как угроза свободе, вторые – как недостаточная мера защиты.

Вместо этих форм организации военных сил революции мы, анархисты, выдвигаем Всеобщее Вооружение Трудящихся, на базе которого создается Трудовое Народное Ополчение. Трудовое Ополчение строится на следующих основах:

а) Вооружение всех трудящихся, способных носить оружие в возрасте от 18-ти до 45-ти лет.

б) Привлечение всех трудоспособных женщин от 18 до 35 лет к санитарной деятельности, обслуживающей Трудовое Ополчение.

в) Уничтожение отбывания воинской повинности в казармах.

г) Вместо казарм, которые используются только во время войны и во время учебных сборов, обучение военному и военно-санитарному делу должно производиться по месту работы: на фабриках, заводах, мастерских, в селах и деревнях, не отрывая обучающихся от общественно-полезного труда.

д) Организация ежегодных месячных сборов для маневров, мобилизация на которые, как на войну, производится по возрасту.

е) Организационный аппарат Трудового Ополчения состоит из:

– 1) Из Мобилизационных Комитетов при федеративных объединениях производственных коммун, со включением в них военных специалистов, которые выполняют хозяйственные функции в коммуне наравне со всеми.

– 2) Из Отделов Снабжения при федеративных объединениях распределительных органов и кооперативов со включением в них военных специалистов.

– 3) Из Военно-оперативного Штаба Трудового Ополчения, слагающегося на основе выборного начала, из деятелей военного образования и лучших знатоков военного дела.

ж) Военно-оперативный Штаб Трудового Ополчения, ведающий делом военного и военно-технического образования, назначает в каждую производственную единицу нужное количество инструкторов-командиров, которые будут вести военной частью на фабриках, заводах и селах и заниматься наравне со всеми производительным трудом. Лица, назначаемые Военно-Оперативным Штабом, могут быть смещаемы не только Штабом, но и общезаводским собранием.

з) Так как страна Социальной Революции будет находиться под постоянной угрозой военного нашествия со стороны буржуазного окружения, то революции необходимо будет заботиться о производстве специалистов военного дела всех специальностей, поэтому в переходный период военно-учебные заведения, соответственным образом реформированные, должны остаться, а старое офицерство должно быть использовано революцией так же, как и техническая интеллигенция. Военные школы должны быть технически приспособленными для мирной деятельности.

и) В силу данного организационного строения Трудового Ополчения все учреждения и лица, его обслуживающие, должны быть в мирное время индустриализованы, то есть привлечены к производительному труду в согласии со специальностью и организационной обстановкой Ополчения.

к) Военные заводы коммунизируются и включаются в общую систему коммунистического хозяйства, вливаясь в соответственное производственное объединение, получая производственные задания от военно-производственной секции Всеобщей Конфедерации Труда.

Организованная таким образом защита революции дает возможность пользоваться всеми преимуществами милитаристических армий, и в то же время военная сила абсолютно недоступна ни для отдельных лиц, ни для организаций, которые пожелали бы использовать ее против революции и свободы, а индустриализация ее аппарата и персонала предохраняет от бюрократизации и от превращения командного состава в отдельное военное сословие или касту.

II. В области общественной безопасности и спокойствия

Новое общество даже в его переходной форме есть ни что иное, как свободное объединение людей на основе признания за каждым естественных прав человека. Свобода и равенство, с вытекающими из них солидарностью и уважением к естественным правам других, есть все содержание естественного права. Свобода неотделима от равенства, как и равенство неотделимо от свободы. *Свобода без равенства есть формальная свобода*, приводящая к произволу меньшинства личностей над

большинством; эта свобода характерна для государственно-капиталистического общества. Равенство без свободы, свойственное государственно-коммунистическому обществу, приводит неизбежным образом к полному порабощению личности. Поэтому анархисты и строят общество на естественном праве, для которого свобода и равенство неразрывны, и признают те нормы поведения, которые вытекают из этого права и не противоречат ему. Естественное право враждебно законодательству, так как последнее неизбежным образом ограничивает его. Следовательно, ни коммунальный строй, являющийся переходной ступенью к строю развернутого коммунизма и анархизма, ни тем более строй полного, развернутого коммунизма и анархизма не нуждаются в законодательстве, а поэтому все писанные, юридические законы устраняются и вместе с ними устраняется законодательство. Единственным писанным правом будет Конституция Конфедерации и ее составных частей, всеобщий договор, базирующийся на праве естественном, обязательном для всех членов Конфедерации, желающих в ней оставаться.

Так как в современном обществе почти все преступления совершаются на почве частной собственности и власти, как следствие попирания последними естественного права, то с устранением этих причин устраняются и их следствия. Поэтому в будущем обществе и в переходном к нему периоде могут иметь место только преступления, совершаемые на почве болезненного состояния субъекта, а также, на первых порах, пока не будет изжита психология, свойственная государственно-капиталистическому обществу, преступления, связанные с уклонением от исполнения общественного долга. Другой род преступлений – преступления против свободы и равенства, могут иметь массовый характер только в тот момент переходного периода, когда будет вестись активная борьба за завоевание мирных условий для безболезненного развития начальной стадии общества в сторону полного и развернутого коммунизма и анархии, то есть в период гражданской войны.

Личность, поставившая себя против свободы и равенства, тем самым ставит себя вне свободы и вне равенства и подлежит или остракизму, изгнанию, или временной изоляции, с использованием ее рабочей энергии в производительном труде в условиях, достойных человека. К этой временной категории преступников против свободы и равенства относятся все пленные гражданской войны. Для этой категории преступников нет надобности создавать специальные учреждения, с ними вполне справятся Народное Ополчение со своим аппаратом и Советы коммун.

В остальном общество переходного периода будет руководствоваться в деле борьбы с преступлениями не местью в форме узаконенного наказания, чем руководствуется юстиция буржуазии и государственного социализма, а лечением, воспитанием и временной изоляцией ненормальных, поскольку она диктуется этими нормами, и, главным образом, мерами морального воздействия, которые уже ныне успешно практикуются различными обществами и организациями. Поэтому общество переходного периода не будет нуждаться в институте суда, подобном современному государственно-капиталистическому судебному институту. Общество переходного периода вполне может обойтись третейскими разбирательствами на местах производства, а вне производства, в случаях маловажных, не имеющих общественного значения, общество также может обойтись третейским разбирательством. Что касается преступлений, имеющих общественное значение, как например, различные

виды нарушения свободы, равенства, лишений жизни и прочие, то для таких случаев должен существовать гласный коммунальный суд, составленный из представителей производственных и потребительских коммун, кооперативов и домовых комитетов данной коммуны, со включением соответственных ученых экспертов и врачей. Состав таких судов, организуемых по мере надобности, текущий, непостоянный, так как судьи избираются только на определенные сессии. Так как тюрьмы, как таковые, уничтожаются, то, в зависимости от психического состояния субъекта, совершившего преступление, преступник будет подлежать или ведению медицины, или временной изоляции от общества в специальные исправительные производственные коммуны, в пределах коих он вполне свободен. Что касается полиции, то общество, уничтожившее частную собственность и государство со всеми привилегиями, не нуждается в ее услугах и дело безопасности и спокойствия само возьмет в свои руки. Все население, пока в этом будет необходимость, в лице домовых, уличных и квартальных комитетов будет выполнять эту общественную функцию в порядке очереди. Следовательно, форма организации защиты безопасности и охраны спокойствия в переходный период не похожа ни по форме, ни по существу на этот институт буржуазного общества. Эта форма логически вытекает из самой сущности переходного периода и основана на самостоятельности самого населения – это самооборона, которая, как мера переходного периода, конечно, будет излишней в обществе развитого свободного коммунизма.

Глава IV. В области брака и семейного права

Уничтожение частной собственности и государства со всеми их институтами естественным образом влечет за собой и уничтожение современной семьи, покоящейся на тех же принципах, что и современное общество, то есть на принципах власти и собственности, переходящей от поколения к поколению в порядке наследственного права, для которого нет места уже в переходный период. Современный брак, основанный на обязательной его санкции государством, обществом или родителями, уничтожается и заменяется свободным браком, полагаемым в основу новой семьи. Анархисты, исходя из основного принципа свободы и равенства, против брака по принуждению выставляют знамя свободного союза полов.

«Уничтожая религиозный, гражданский и юридический брак, – говорит Бакунин, – мы возвращаем жизнь, реальность и нравственность естественному браку, основанному единственно на взаимном уважении и свободе двух человек, мужчины и женщины, которые любят друг друга; признавая за каждым из них свободу расстаться с другим, когда он этого захочет, не прося для этого чьего бы то ни было позволения; отрицая также необходимость позволения для того, чтобы соединиться, и отвергая, вообще, всякое вмешательство какой бы то ни было власти в их союз, мы сделали более тесным их союз, более верными и честными их в отношении друг к другу».

В связи с коренной реорганизацией брака и семьи возникает вопрос о детях – их содержании, воспитании и образовании. Общество, не отнимая детей от родителей, берет на себя их содержание, воспитание и образование до 18-тилетнего возраста. Общество берет на себя обязанность дать детям интегральное воспитание, равное

для всех, подготовляющее человека одновременно к физическому и умственному труду.

Дети – будущее общества и поэтому оно заинтересовано кровным образом в надлежащем воспитании и образовании всех детей без различия, оно – их опекун.

Родители имеют право на естественный авторитет над своими детьми, но этот авторитет не должен стоять в противоречии с нравственностью, умственным развитием и свободой детей; общество оставляет за собой право на разумный контроль и на защиту детей от родительского деспотизма.

Эту коренную реорганизацию брака и семьи анархисты будут проводить с первых дней революции в порядке разумной постепенности и, конечно, не мерами принуждения.

Общий взгляд на построение будущего общества.

Основа ткани будущего общества, по мнению анархо-синдикалистов, складывается из трех данных: первое – производственное объединение людей, ведущее, через синдикализацию производства, к производственному коммунизму; второе – потребительское объединение людей, ведущее, через использование кооперации для нужд потребительской коммуны, к потребительскому коммунизму; третье – территориальное объединение людей, ведущее, через коммунизм, к единству во множестве, то есть к Конфедерации Народов, базирующейся на основных принципах анархизма – свободе и равенстве. Однако анархисты не мыслят будущее общество в этой упрощенной схематической форме, наоборот, для анархистов будущее общество представляется в виде гораздо более сложном, где основную ткань прослаивает бесчисленное множество самых разнообразных, взаимно переплетающихся человеческих группировок, вызываемых разнообразием потребностей и деятельности личности, лежащей в основе общества.

Отдел Третий. Область повседневной борьбы. Организация, тактика и задачи повседневности.

В целях успешности борьбы пролетариата и трудового крестьянства с государственно-капиталистическим строем и ускорения победы над этим строем, анархисты организуются в производственные союзы и стремятся, чтобы эти союзы охватили весь промышленный пролетариат и трудовое крестьянство. Революционные производственные союзы, по мнению анархистов, являются не только органами борьбы с существующим строем, но и ячейками будущего общества.

Производственные союзы различных производств, помимо индустриального объединения данной индустрии, в каждом городе объединяются в федеральные

советы, а все производственные союзы страны объединяются во Всеобщую Конфедерацию труда, которая, соответственным образом изменившись, должна в будущем заместить экономическую организацию капитализма.

Так как Конфедерация Труда есть прообраз новой организации общества, то она должна строиться на тех же самых принципах, на которых должно строиться и будущее общество, то есть на принципе свободы и автономии личностей и организаций и на равенстве, следовательно, ее организационный принцип – *широкий федерализм*. Разделяя целиком точку зрения, что всякое политическое движение должно быть подчинено экономическому, анархисты подчиняют этому требованию свое собственное объединение, покоящееся на основе идейного сходства.

Объединение на основе идейного сходства в анархические группы пропаганды и объединения групп в местные федерации, а федераций в национальную конфедерацию, анархисты считают очень важным, так как такая конфедерация, не занятая непосредственно профессиональной борьбой, дополняет Конфедерацию Труда в плоскости широкой пропаганды и борьбы с политическими партиями. Конфедерация анархических групп, не вмешиваясь в дела Конфедерации Труда, совместно и раздельно с ней противопоставляя себя всем решительно партиям, будет вести беспощадную классовую борьбу, обличать всю непримиримость интересов имущих классов с интересами пролетариата и крестьянства, содействовать выяснению исторического значения пролетариата, неизбежности и необходимости социальной революции. Одновременно с этим конфедерация групп в своей повседневной деятельности должна вскрывать перед трудящимися безнадёжность их положения, как в капиталистическом, так и в государственно-социалистическом обществе, будь то «диктатура пролетариата» или какая-либо иная государственно-социалистическая форма, и указывать на социальную революцию как на единственный выход из бедственного положения. Интересы международного пролетариата и социальной революции диктуют, чтобы борьба с буржуазией и со всеми ее извращениями социализма велась не только в рамках национальных, но и в интернациональных. С одной стороны, эта борьба должна вестись в области экономической с международным реформистским рабочим Амстердамским объединением⁷ и с Московским «Профинтерном». С другой стороны, в области общеполитической, с партийно-политическими интернационалами – Вторым и Третьим. Руководство этой борьбой должно быть возложено на интернационал революционных производственных союзов, то есть на Международное Товарищество Рабочих, созданное объединением революционных производственных союзов всех стран на Берлинском Конгрессе 25-го Декабря 1922-го года.

Что касается сферы революционной работы анархистов, то она не ограничивается только пределами производственного союза, но охватывает кооперацию, армию, школы, городские и сельские управления и вообще все области, где бьется трудовая жизнь; анархисты, принимая активное участие в борьбе за повседневные интересы эксплуатируемых классов, приносят в эту борьбу революционные методы; отзыва-

⁷ Амстердамский Интернационал профсоюзов (Международная федерация профсоюзов) – международное реформистское профсоюзное объединение. Был основан в 1913 году. Руководящие структуры находились в Амстердаме, отсюда и название – Амстердамский Интернационал. В декабре 1945 года был официально распущен в связи с созданием Всемирной федерации профсоюзов.

ясь на все животрепещущие вопросы дня, они освещают их в духе конечного идеала, используют всякие предлоги для агитации пропаганды и организации эксплуатируемых классов.

Анархисты отвергают путь парламентской деятельности. Вся тактика анархистов основывается на принципе прямого действия: массовые протесты, стачки, бойкот, саботаж и иные меры прямого воздействия.

Что касается повседневных требований, осуществление которых в той или иной мере приближает осуществление конечного идеала или расчищает и облегчает путь к нему, то анархисты подчеркивают следующие из них:

1. В области рабочей политики.

а) Борьба за экономическое улучшение труда и сокращение рабочего времени до 6 и 4-х часов; борьба за 4-х-дневную трудовую неделю.

б) Страхование от увечий и болезни, безработицы, старости за счет предпринимателей в размере прожиточного минимума 1929 года.

в) Учреждение фабрично-заводских комитетов и установление через них рабочего контроля над производством, приемом на работу и увольнением с постепенным расширением контроля до пределов рабочего заводоуправления.

г) Борьба с прямыми и косвенными налогами.

д) Борьба против дороговизны.

е) Ограничение предпринимательских прибылей до размеров жалования главного инженера. Всем работа: 4 часа в день 4 дня в неделю. Прожиточный минимум не ниже уровня 1929 года⁸.

ж) Свобода союзов, собраний, стачек и нейтралитет государства в борьбе труда с капиталом.

з) Реальная охрана материнства, женского труда и труда подростков, уничтожение детского труда⁹.

к) Уничтожение сверхурочных работ, ночных работ для женщин и подростков, отмена сдельной работы и других потовыжимательных систем оплаты труда.

2. В области общеполитической.

А) Борьба за широкие политические свободы.

Б) Повседневная борьба с государством за экспроприацию его функций в пользу общества, например, отделение школы от государства, отделение государства от суда, армии, полиции¹⁰, то есть борьба за расширение городского и земского самоуправлений.

⁸ Вычеркнуто: Учреждение общественных работ для безработных и создание фонда для безработных из процентных отчислений с капиталистической прибыли, достаточного для выдачи каждому безработному прожиточного минимума.

⁹ Вычеркнуто: «и) Обеспечение инвалидов труда и стариков прожиточным минимумом». Поэтому нумерация этого и следующего за ним в публикуемой рукописи пункта нами изменена. Также в рукописи Максимова зачеркнуто и содержание пункта л): «Ограничение предпринимательской прибыли».

¹⁰ государственных промышленных предприятий и так далее – вычеркнуто

В) Поддержка национальных освободительных и автономистских движений¹¹.

3. В области военной.

а) Активная борьба за мир; борьба против военных вооружений, против военных ассигновок. – Враг в собственной стране.

б) Борьба за превращение армии в народную милицию и полное разоружение народов.

в) Борьба за установление солдатских советов и комитетов и выборность командного состава.

г) Уничтожение военной юстиции.

д) Отмена обязательной воинской повинности¹².

е) Отделение армии от государства.

4. В области юстиции.

а) Отделение суда от государства, выборность судей на короткие сроки и их сменяемость.

б) Отмена смертной казни и долгих сроков тюремного заключения.

в) Замена существующей системы наказания, основанной на мести, системой исправления, перевоспитания и условного осуждения. Превращение тюрем в воспитательно-исправительные дома.

г) Бесплатность суда. Упрощение судопроизводства.

5. В области народного образования.

а) Отделение школы от государства.

б) Бесплатное интегральное образование для всех детей обоего пола до 18-ти лет.

в) Децентрализация воспитательно-образовательных программ.

г) Снабжение учащихся пищей и учебными пособиями за счет общества.

д) Организация бесплатных школьных учреждений.

е) Привлечение родителей к активному участию в деле народного образования и просвещения.

ж) Организация широкого доступа в общеобразовательные и профессиональные школы для взрослых.

6. В области сельского хозяйства¹³.

а) Социализация всей земельной собственности и лесов.

б) Широкая организация бесплатной агрономической помощи.

в) Организация широкой сети сельскохозяйственной кооперации.

¹¹ Вычеркнуто: г) Борьба за уничтожение смертной казни и долгих сроков тюремного заключения; борьба за замену современной системы наказаний системой исправления и воспитания. д) Борьба за расширение городского и земского самоуправления.

¹² Вычеркнуто: отказ от воинской повинности там, где она обязательна.

¹³ Вычеркнуто: 6. В области экономической.

а) Социализация, через экспроприацию государства и частнособственников, наиболее зрелых индустрий – угольной, железнодорожной, металлургической и некоторых иных.

б) Ограничение предпринимательской прибыли, установление рабочего контроля над промышленностью и банками.

- г) Организация снабжения живым и мертвым инвентарем на льготных условиях.
- д) Энергичное содействие улучшению семян и пород домашнего скота. Энергичное содействие механизации хозяйства, электрификации и прочей технизации хозяйства и быта.
- е) Широкая постановка мелиоративного и переселенческого дела.

7. В других областях.

- а) Широкое развитие городской кооперации всех видов и потребительской в особенности.
- б) Широкое развитие коммунального жилищного домостроительства, в целях предоставления дешевых и гигиенических жилищ бедному населению. Борьба со спекуляцией квартирными ценами.
- в) Организация бесплатной медицинской помощи в самом широком размере.
- г) Широкая постановка санитарных мероприятий в интересах малоимущего населения.

15 февраля 1929 года, 2 часа дня.

История вопроса.

Как решалась раньше проблема организации производства.

а) Интернационал.

До раскола Интернационала юрцы в своей газете «Солидарность», от 20-го августа 1870-го года писали о будущем устройстве Европы так:

«В будущем Европа будет состоять не из федерации различных наций, политически организованных в республики, но как простая федерация рабочих союзов без всякого различия по национальности».

После раскола на Гаагском конгрессе 1872 года анархисты имели свой конгресс в Сент-Имье, на котором о будущем обществе высказались следующим образом:

«Стремления пролетариата не могут иметь другой цели, кроме установления совершенно свободных экономических организаций и федераций, основанных на всеобщем труде и равенстве и абсолютно независимых от всякого политического правительства, и что эта организация и федерация могут быть лишь результатом самочинного действия самого пролетариата, ремесленных союзов и автономных коммун».

б) Бакунин.

Общество должно быть организовано «путем свободной федерации снизу вверх рабочих союзов, как индустриальных, так и земледельческих, как научных, так и союзов работников искусства и литературы, сначала в коммуну, потом федерацию коммун в области, областей в нации и нации в международный братский союз»¹.

Тогда будет «земля принадлежать только тем, кто ее обрабатывает своими руками – земледельческим общинам. Капиталы и все орудия труда работникам – рабочим ассоциациям. Вся будущая политическая организация должна быть ничем другим, как свободной федерацией вольных рабочих, как земледельческих, так и фабрично-ремесленных артелей»².

В таком обществе труд должен быть обязателен для всех. Он должен быть коллективным и равным – все должны работать. Если бывшие буржуа не захотят работать, будучи способными к труду, то к ним применяется правило: неработающий – не ест.

Городские и сельские пролетарии после Социальной Революции станут собственниками, вероятно, коллективными, – в разных формах и в разных условиях, определенных каждой местностью, в каждой области и в каждой коммуне степенью цивилизации и волей населения, – один собственником капиталов и орудий производства, другой – земли, которую он обрабатывает своими руками.

¹ «Послание моим итальянским друзьям», с. 197-8. (прим. Максимова)

² «Наша Программа» 1868 год, с. 97. (прим. Максимова)

в) *Кропоткин*.

Наше производство приняло ложное направление. Промышленное предприятие не заботится о потребностях общества: его единственная цель – увеличение барышей предпринимателя. Отсюда Социальная Революция должна организовать производства на началах, исходящих из забот о потребностях общества. Орудия производства должны перейти в руки народа. Все должно принадлежать всем и дать довольство для всех.

Организация производства должна начаться сейчас же после экспроприации. Общество должно организоваться на началах анархического коммунизма. Наша первая задача – немедленное осуществление коммунизма. Основной принцип организации нового производства – «Добровольное соглашение». Конкретная форма организации – добровольные союзы в коммуне и федерация коммун. Это в «Хлебе и воле», более же ясные конкретные организационные формы Кропоткин дал в позднейшие годы жизни. В предисловии к «Речам бунтовщика» (1919) Кропоткин уточняет свои мысли, изложенные в «Хлеб и Воле». Он говорит, что он имел в виду строительство самим обществом, начинающееся от простой ячейки в деревне, квартале, в профессиональном союзе, в кооперативе к сложному организму, охватывающему город, область и целый народ.

г) *Революционный синдикализм. Пато – Пуже*.

Другое возможное направление, говорит Кропоткин, тоже анархическое, было указано нашим товарищем, синдикалистом Пуже в книге «Как мы сделаем революцию». Он изложил в ней, как многие синдикалисты понимают социальный переворот с точки зрения профессиональных союзов-синдикатов³. Пуже рассказал в книге «Как мы совершим революцию», как могла бы совершиться революция во Франции, руководимая профессиональными союзами: – как ничего не ожидая от тех, кто не преминет облечь себя властью, профессиональные союзы и их съезды могут экспроприировать капиталистов и организовать производство на новых началах, не допуская при этом остановки в производстве. Ясно, что этого достигнуть могут только сами рабочие, своими организациями.

Я расхожусь с Пуже в некоторых частностях, я смело рекомендую эту книгу всем тем, кто понимает неизбежность и близость предстоящей человечеству социальной перестройки.

³ Хлеб и Воля (прим. Максимова, имеется ввиду предисловие к Хлебу и Воле)

Сельское хозяйство и его организация.

а) *Решение вопроса в Первом Интернационале.*

До Гаагского конгресса 1872 года земельный вопрос не ставился в порядок дня. Единственно, что имеет отношение к этому вопросу, это резолюция об отмене наследственного права вообще, проведенная Бакуниным на Базельском конгрессе (1869). Впрочем, вопрос о собственности на землю разбирался на Брюссельском конгрессе (1868), где большинство высказалось за коллективную собственность, но ввиду протеста противников коллективизма, этот вопрос снова должен был обсуждаться на Базельском конгрессе.

Последний конгресс принял резолюцию (54 против 4 при 15 воздержавшихся), гласившую:

Конгресс признает, что общество имеет право отменить частную собственность на землю и передать ее в общее пользование.

Конгресс заявляет, что в настоящее время является необходимостью в установлении коллективной собственности на землю.

По вопросу о способах организации сельского хозяйства при коллективной собственности на землю мнения делегатов разошлись. Одни считали, что земля должна обрабатываться общинами, проникнутыми духом солидарности (Беккер, Риттинггаузен, Варлен). Другие – что общество может отдавать землю в пользование отдельным земледельцам или сельскохозяйственным товариществам за известную плату, равную земельной ренте (Хинс и Сезар де Пап – от Бельгии). Интересно отметить взгляды Сезара де Папа, которые, ныне, несомненно, являются во многом основным отсталыми. ... Отчуждение частными лицами земли должно прекратиться, и она должна сделаться коллективной собственностью. Кому должна принадлежать администрация этой собственности – общине или государству, – спрашивает он и отвечает:

Решение этого вопроса может быть различно в различных странах. В странах, где господствует крупное сельское хозяйство, где значительные пространства подвергаются общей систематической обработке или, по крайней мере, входят в состав одного владения и захватывают нередко несколько общин; в странах, где вместе с тем исторические традиции выработали в народе взгляд на землю как на национальную собственность, которой владеет дворянство в награду за свои услуги, некогда оказанные государству; в этих странах почти наверное можно сказать, что поземельная собственность делается непосредственно собственностью всего народа, а не общин...

Что же касается стран, где господствует мелкое сельское хозяйство и мелкое землевладение, здесь вопрос по всем вероятностям будет решен скорее в смысле передачи поземельного имущества общинам; при этом останется впоследствии произвести более или менее равномерное распределение земель между различными общинами,

принимая за основание пространство и ценность различных участков. Сообразно с решением этого вопроса, и управление поземельным имуществом будет поручено здесь государству, там – общине.

Далее де Пап говорит:

Земля, составляющая общий фонд, из которого человечество черпает для своего существования, пассивный источник всех богатств, должна быть коллективной собственностью общества, то есть или государства или общины. Такой же коллективной собственностью должно быть все то, что связано с землей: рудники, каменоломни, леса, дороги, железные пути, каналы, реки, озера и пруды, постройки, одним словом, – вся недвижимость. (Далее идет речь о наследстве и завещании)

с) Бакунин и Юрцы.

На этом месте рукопись «Конструктивного анархизма» обрывается. В англоязычном издании рукопись также обрывается на этом моменте.

IISG. G.P. Maksimov Papers. Folder 2. Подлинник. Машинопись с авторской правкой и рукопись.

Работы Г. П. Максимова

Гильотина за работой, Том 1, Съенфуэгос Пресс — Сэнди, 1979, 360 стр.

Политическая философия Бакунина отредактировала избранные произведения Бакунина. Гленко 1953. 434 стр.

Мое социальное кредо ММР — Сидней 1983, 20 стр.

Синдикалисты в Русской революции ASP — Лондон 1985. 16 стр.

Программа анархо-синдикализма ММР — Сидней 1985, 64 стр.

Конструктивный анархизм ММР — Сидней 1987, 44 стр.

Давно не печатается:

Большевизм: обещания и реалии — Готовится к переизданию ММР

Гильотина за работой Том 2

Кроме того, многое еще предстоит перевести из его объемистых трудов на русский язык. Особый интерес представляют следующие:

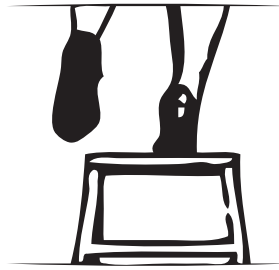
Вместо программы (1923) Анализ резолюций двух анархо-синдикалистских конгрессов во время Русской революции

Пётр Кропоткин и его учение (1931) Чрезвычайно ценный сборник эссе о Кропоткине, составленный Максимовым и содержащий его важное длинное эссе «*Кропоткин и синдикализм*».

Беседы с Бакуниным о революции (1934)

Краткая биография Максимова от Сэма Долгоффа содержится в издании Съенфуэгоса «*Гильотина за работой*». См. также «*Мое социальное кредо*».

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Григорий Петрович Максимов
Конструктивный Анархизм
Опыт построения анархо-коммунистической программы. Программа
анархо-синдикализма.
1929

Анархистские движения России и Русского Зарубежья документы и материалы.
1922–1941 гг. 2021.

ru.anarchistlibraries.net